

ПОД НЕБОМ ЕДИНЫМ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ МИРОВОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ

5/2011

Санкт-Петербург
2011

Работа международной творческой группы «Тайвас» и проекта «Под небом единым» осуществляется при поддержке:

Посольства России в Финляндии;

партии «Центр»
(Suomen Keskusta r. p.) (Финляндия);

Центра современной литературы и книги (Россия, Санкт-Петербург);

Всемирного клуба петербуржцев;
Санкт-Петербургского Дома писателей.

Руководитель проекта «Под небом единым» *Елена Лапина-Балк*

Шеф-редактор *Александр Житинский*

Общественный совет альманаха:

Михаил Левин (Германия, Аугсбург),
Екатерина Муртузалиева (Россия, Дагестан),
Лютель Эдер (Израиль, Ашкелон),
Елена Лапина-Балк (Финляндия, Эспоо).

Наш адрес:

pod-nebom-edinym@yandex.ru

Наш сайт:

www.pod-nebom-edinym.ru

Издание осуществлено при поддержке Правительственной комиссии по делам соотечественников

СООТЕЧЕСТВЕННИКИ

ISBN 978-5-93682-743-3

© Авторы, тексты, 2011

© «Геликон Плюс», оформление, 2011

© Посецельская Е., обложка, 2011

Вместо предисловия

Роднее бывшее — всего.
Все признаки с меня, все меты,
Все даты — как рукой сняло:
Душа, родившаяся — где-то.

Так край меня не уберег
Мой, что и самый зоркий сыщик
Вдоль всей души, всей — поперек!
Родимого пятна не сыщет!

Всяк дом мне чужд, всяк храм мне пуст,
И всё — равно, и всё — едино.
Но если по дороге — куст
Встает, особенно — рябина...

*Марина Цветаева. Отрывок из стихотворения
«Тоска по родине. Давно...» (1934)*

Неслучайно мне вспоминаются эти строки Марины Цветаевой... Дорогие читатели, разрешите представить вашему вниманию новый выпуск литературного альманаха мировой русскоязычной диаспоры — «Под небом единым». Это **юбилейный, пятый** выпуск нашего альманаха, и за это время у нас опубликовали свои произведения более шестидесяти авторов из более чем двадцати стран мира.

В новом номере участвуют как авторы Международной творческой ассоциации «Тайвас», уже завоевавшие признание читателей, так и новые авторы — Георгий Гамсахурдия из Грузии, Елена Шапельникова из Израиля, Ирина Верюханова из Финляндии, Юрий Тубольцев (Германия), лауреаты международных поэтических конкурсов Александр Ланин (Германия), Елена Петрова (Дэвос, Франция), Марина Старчевская (Израиль), Екатерина Асмус (Россия), Павел Алексеев (Россия).

В альманахе вы встретите уже знакомые разделы и рубрики — «Память», «Проза», «Поэзия», «Юмор», «Переводы», а также новый раздел, «Литературоведческое эссе», посвященный нашим постоянным авторам.

Не могу не сказать о тех чувствах, которые объединяют всех нас в едином творческом пространстве. Прежде всего — это чувство любви к Родине, России, которую наши авторы покинули в разное время и в силу самых разных причин и жизненных обстоятельств. Это чувство родовой национальной памяти, впитанное с молоком матери. Это чувство ностальгии, которое позволяет оставаться россиянами, будучи гражда-

ПОД НЕБОМ ЕДИНЫМ

нами самых разных стран. Это чувство языка, нашего великого русского языка, который объединяет нас в жизни и творчестве...

«Что-то теряешь — что-то находишь...» пелось в одной давней песне советских времен. Безусловно, страна потеряла в разное время, начиная с октября 1917 года, своих лучших сыновей и дочерей. И заплатила, и продолжает платить за это ни с чем не сравнимую цену. Но как же приятно найти свое, родное практически в каждой стране мира! И ещё приятнее сознавать, что наши соотечественники несут русскую, российскую культуру и духовность всему миру...

*Екатерина Муртузалиева,
член редакционной коллегии альманаха*

Екатерина Асмус (Россия, Санкт-Петербург)

Родилась в Санкт-Петербурге. Образование — высшее художественное.

Работала — в разное время — журналистом, постановщиком шоу-программ, декоратором, директором собственного арт-клуба, концертным администратором формата рок-н-ролл.

С 2000 года по 2008 работала в кино ассистентом режиссера. С 2009 года — член редколлегии и спецкор литературного Альманаха Лоры Кутузовой «Параллели Судеб». В 2010 году в издательстве «Любавич» вышла первая книга прозы — сборник «Избыток подсознания».

С февраля 2011 года — ведущая авторской программы «Миг удачи» на Радио Санкт-Петербург

Из семейных тайн: двоюродная прапраправнучка знаменитого барона Карла Иеронима фон Мюнхгаузена.

Из цикла «Кинобайки»

Мотор, хлопушка!

— Ну а бегать-то она хоть умеет? — с нескрываемым сарказмом с высоты своих ста восьмидесяти вопрошал он, оглядывая поверх очков мою, прямо скажем, явно малоспортивную и не очень молодую личность. Это — вместо «здравствуйте».

Сам-то он в свои годы выглядел великолепно. Тогда ему было ровно семьдесят лет, которых дать этому импозантному, подтянутому мужчине никаким образом не возможно.

— А что это у вас лицо такое недовольное, а? — продолжал тем временем он, нависая надо мной.

Тут я взяла себя в руки.

— Умею. Бегать я умею, — выдавила я из себя.

— Да довольное, довольное у нее лицо! — вступились за меня товарищи. — Просто она болеет, вот пришла только потому, что сегодня знакомство с режиссером, то есть — с вами!

Полное вранье, но — спасибо им. Я не болею. Я его боюсь.

— Ну ладно, Катя, идите, — процедил мэтр.— Посмотрим, как это вы бегать будете....

Я выпала в коридор. А внутри кабинета забушевали страсти. Слышался крик мэтра: «Да вы что, сдурели тут все?! Что вы мне баб каких-то подсовываете? Разве могут они площадкой управлять? Это мужская работа! А эта

тетка? Да не верю я, что она справится, что бегать сможет. А второй план выставлять кто будет? Я, что ли? У нее же режиссерского нет!

Гром и молнии поражали меня сквозь дверь, но отойти было невозможно.

Наконец мои коллеги смогли перехватить инициативу.

— Екатерина прекрасный второй режиссер по площадке. Давно работает, много опыта. Очень много знаний в различных областях. И бегать умеет, поверьте. И второй план выставит. Ну а режиссерского нет — так не главным же она, а вторым по площадке...

— Вы меня не убедите. Баба не может быть режиссером — ни вторым, ни каким.

— Ну давайте попробуем, а потом будем делать выводы!

— Давайте, но мы все потратим время напрасно, — отрубил мэтр.

Я в полубоморочном состоянии вывалилась на улицу — судорожно дышать никотином. Хотелось пойти обратно и сказать: «Да пошли вы, да не буду я...»

Но! Мне очень нужна была эта работа. Да уж, фразочка из американского детектива имени тридцатых годов.

И потом, я его так любила! Я шла на встречу с ним с великой радостью и замиранием, думала — вот зайду сейчас и скажу: «Здравствуйте, дорогой Эрнест Викторович! Я ваш фильм “В моей смерти прошу винить Клаву К.” смотрела в детстве 10 раз, считаю вас прекрасным режиссером и счастлива работать с вами».

И вместо этого — что? «А ты бегать умеешь?» — с ходу. Прямо — кино «Бриллиантовая рука»: «А ты, Косой, плавать умеешь?»

Черт! Съест он меня и косточек не оставит. Такой не выпустит живой ни за что. Пока в порошок не сотрет — не успокоится.

И честное слово, задрожала я как осиновый лист.

Теперь, думаю, пора объяснить неискушенному читателю, при чем здесь бег и что такое второй режиссер.

Второй режиссер — это такой киноработник, который должен организовать проведение киносъемок. То есть, с одной стороны, он «всех мочалок командир», а с другой — «мальчик для битья», потому что если что-то не так — все претензии от главного режиссера — к нему, ко второму. Нужно быть в курсе всех текущих событий на съемочной площадке, управлять командой более ста человек, которые полагаются на тебя, как на Бога, и, с другой стороны, половина из них легкомысленны, как дети. Вся информация от главного к службам приходит через второго.

Второй должен уметь раздуливать форс-мажоры, которых на съемках каждый день огромное количество. Второй также занимается планированием съемок, то есть сводит актерские расписания, которые, к слову сказать, все время меняются из-за непрерывных гастролей, с расписаниями объектов, с погодными условиями и с режиссерскими капризами. В общем, второй режиссер — это такой «прораб» от кинопроизводства. Один мой киноприятель рассказывал, что в восточных странах не употребляют термин «второй». Потому что обидно восточным мужам быть вторыми! Там у них эта должность называется «другой режиссер».

В наш век сериалов и скороспелых малоподготовленных съемок появилась такая практика — держать двух вторых. Одного — чисто на пла-

нировании: человек сидит дома или на студии и без конца передвигает дни длинющего съемочного расписания, сопоставляя и совмещая огромное количество факторов.

Адская работа, поверьте мне. И очень ответственная! Если ты налажешь в чем-то, то может слететь целый съемочный день стоимостью с небольшую виллу. Представляете, что в этом случае сделают с вами продюсеры? Ха-ха. Вот именно.

Пока один второй режиссер корпит над планами, второй второй режиссер в это время работает на съемочной площадке, воплощает планы в жизнь. Вот именно таким вторым мне и предстояло быть при Ясане. Второй по площадке непрерывно, как паж, состоит при персоне главного режиссера (не путать с помрежем — это совсем другая работа) и производит все техническое обеспечение съемок: чтобы декорация вовремя была готова, актеры, грим, костюм, чтобы пленку вовремя меняли, чтобы проверяли материал, чтобы не шумели, не мешали, не лезли в кадр... Площадки огромные, особенно на натуре, вот тут-то и приходится бегать как угорелому зайцу. Не до всех докричишься, даже в мегафон, а иногда объяснять дольше, чем сделать, и опять же «второй план». Массовку выставить, объяснить каждому, что и когда ему делать, куда идти и как. Хлопотная, но интересная работа. Нужно ли объяснять, что в этом деле просто необходим контакт с главным режиссером!

Но контакта явно не предвиделось, вот так-то! Подлизаться к нему было невозможно. Разжалобить — тоже. Если кто-то хвалил его режиссерские работы, Ясан заявлял: «Это всего лишь одна из моих десяти профессий!» Если народ жаловался на усталость, то тут же раздавалось: «Когда я работал краснодеревщиком на фабрике, рабочие пытались избить меня, потому что я перевыполнял план в три раза». Если коллеги сетовали на кризис жанра, то слышали в ответ нечто вроде: «Чтобы прославиться — нужно работать, а ныть и плакать тут нечего».

Первый съемочный день начался так: Ясан оглядел нашу съемочную группу и изрек: «Во-первых, я не выношу курящих, а особенно курящих женщин. Чтобы с сигаретами мне на глаза не попадались — уволю. Курящая (она же и подавляющая) часть группы инстинктивно шарахнулась в сторону.

— Во-вторых, я не выношу мата и сквернословия, а особенно от женщин. Услышу — уволю.

Народ запереглядывался. На съемках зачастую, мягко говоря, у народа «проскакивает», и еще как...

— И в-третьих, я хочу чтобы все вы каждый день приходили на площадку с улыбками на лицах. Не желаю видеть вокруг себя кислые физиономии.

Народ просто отпал. Во, фашист, а?

И понеслось! Ежедневно растягивая рты в фальшивых улыбочках, работнички принимали на голову целый град упреков от режиссера, и бегали курить и ругаться по очереди в подворотни, тайно, чтобы успокоиться.

Меня же он просто трепал как Тузик тряпку.

— Что вы, Катя, вечно болтаетесь в кадре?

— Поправляем, Эрнест Викторович, не готовы еще!

— Быстрее! Все, я снимаю!

— Эрнест Викторович, еще минуточ...

— Хватит! Вон из кадра!

— Так ведь камера не готова!

— Знаете что, Катя, а почему вы в красной куртке все время ходите? Мелькаете тут, в глазах рябит от вас.

— Так специально же. Чтобы случайно в кадр не попасть, чтобы вы меня видели.

— Если бы вы были в черном, я снимал бы и никто вас в кадре не заметил бы.

Чушь полнейшая. Историческое кино — и я в черной куртке в кадре. Издевается.

— Катя, а чтой-то вы тут все время командуете? Здесь есть кому этим заниматься.

— Эрнест Викторович, ну не будете же вы сами рабочими и декораторами управлять.

— Не должна женщина командовать. Сделайте так, чтобы я вас не слышал.

— Все Эрнест Викторович, мы уже готовы.

— Вон из кадра! Хотя нет, там, на заднем плане, идите и переставьте массовку.

«Задний план» находится метров за пятьсот. Как я бегала на этой картине! По шесть часов кряду! Спринтеры и марафонцы удивились бы, глядя на придурка, бегущего по сугробам сломя голову и с «приклеенной» улыбочкой на лице.

Рутинная ежедневная работа, усталость от ранних смен немного тормозила накаляющуюся обстановку. Но худо-бедно день за днем материал снимался, а производственных проблем мы тщательно избегали, дабы лишний раз не злить мэтра.

В заброшенной церкви снимаем сцену ограбления храма. Нужно изнутри тихонечко, по команде выталкивать актеров в нужное время. Прячусь на полу между больших двойных дверей, так меня не видно, но мне слышны все команды. Шепотом передаю команды актерам — на них на всех «петли» сверхчувствительных микрофонов — громко говорить нельзя, помешаешь диалогу.

В общем, все было сносно, и уже денек заканчивался потихоньку, но вдруг дверь, на которую я облакачиваюсь спиной, начинает тихо отъезжать и я лечу вверх тормашками с лестницы (слава богу, не в кадр).

— Блиин, — непроизвольно вырывается у меня, но шепотом, есть надежда, что микрофоны «не словили».

Народ, который это видит, бесшумно крючится от хохота.

Но — дублю не помешали и благополучно закончили смену.

Однако перед уходом домой Ясан нависает надо мной и зловеще говорит: «Мне кажется, я слышал ругань на площадке?»

Прикидываюсь идиоткой: «Не может быть!»

— Я этого не выношу, я уже говорил!

И с пафосом удаляется. Черт, слышал. Он еще меня достанет.

На следующий день прихожу и делаю хорошую мину при плохой игре. Таскаюсь за ним хвостом — это входит в мои обязанности: режиссер обсуждает с утра с оператором план работы, я должна быть в курсе каждой мелочи и всех изменений, а потом передать нужным службам, что и как. Стою с

блокнотиком чуть поодаль и позади — чтобы слышать и чтобы не попадаться на глаза лишний раз. Ясан недоволен объектом, недоволен декорацией, все ему не нравится, и он выливает свое возмущение нашему флегматичному оператору. И вдруг! В запале он раздражается целым каскадом отборных ругательств. Непроизвольно меня разобрал смех. Я клянусь, что не фыркнула, не издала ни одного звука. Но он почувствовал. Он обернулся и уставился на меня в упор. Высокий, в неизменном черном берете, темные волосы, вьющиеся, с проседью, модные прямоугольные очки. И я — с дурацкой ухмылкой на лице.

«Ревизор». Немая сцена. Ну, думаю, все. Заявление «по собственному» меня, пожалуй, спасет.

Вы не поверите, но на этом кончилась наша вражда. Он больше никогда не ругал меня, не делал замечаний, не придирался. А наоборот, он стал потрясающе милым, хорошим, умным и добрым. В общем, таким, как я его себе представляла, когда впервые хотела сказать ему: «Дорогой Эрнест Викторович! Я ваш фильм “В моей смерти прошу винить Клаву К.” смотрела в детстве 10 раз, считаю вас прекрасным режиссером и счастлива работать с вами».

Дорогой Эрнест Викторович! Спасибо вам за все, чему вы меня научили. У меня ведь и вправду нет «режиссерского» за плечами. Вы научили меня работать с массовой. Вы научили меня придумывать и ставить маленькие эпизодики. Вы научили меня улыбаться, несмотря ни на что, и радоваться каждому съемочному дню. Вы научили меня работать с актерами, понимать, как строится кадр. Спасибо за то, что доверяли мне во многих вопросах и предоставляли действовать самостоятельно. Спасибо за интересные ваши рассказы о вашем детстве, о своих других десяти профессиях и о многом, многом другом. Спасибо за чудесные беседы в свободные минутки на площадке.

Если еще когда-нибудь доведется — я буду счастлива работать на вас!

Пропавший продюсер

Недавно его стали замечать гуляющим по улицам. Казалось, это было совершенно невозможно!

Вначале никто не поверил первому очевидцу. Потом появился второй, третий, и в наши души закралось сомнение. Наконец и мне удалось увидеть его праздно гуляющим по Петроградской стороне. Он шел один, задумчиво и попросту, а старомодный мешковатый пиджак развевался на ветру.

В кулуарах загудели. Слухи о подкрадывающемся банкротстве и так просачивались уже давно. И уже год как он был должен денег нескольким съемочным группам, дирекции «Ленфильма», а также многим другим организациям, которые имели неосторожность иметь с ним дело. Особо просвещенные сообщали, что весь бизнес давно перезаложено в нескольких банках и — по нескольку раз. Но как-то все равно не верилось, что эта пирамида рухнет именно сейчас. Не верилось. А зря!

Десять лет назад мне довелось впервые познакомиться с новой продюсерской компанией, возглавляемой Продюсером. Наша команда — тогда у

нас еще была команда! — видала и лучшие времена. Но — выбрать не приходилось. После работы на замечательном проекте «Бедный, бедный Павел» с чудесным и любимым режиссером Виталием Мельниковым мы попали в длительный простой. Поначалу все на новом месте нам казалось смешным и неуклюжим. Мы, привыкшие работать еще «по-старому» — вдумчиво, старательно, хорошо и с уважением друг к другу, оказались в центре какой-то непонятной и малопрофессиональной киносуеты. Делая скидку на молодость и неопытность продюсерской компании, мы все же старались работать, как привыкли — хорошо и вдумчиво. Несмотря на постоянную нехватку средств и диковатые требования помощников продюсера, плохо знакомых с кинопроизводством.

Офис у них был в хорошем месте, хорошо обставлен и жил абсолютно своей жизнью. Но денег у них всегда не хватало. Деньги для съемки приходилось вечно выпрашивать или, точнее, «выжимать». Директора текущих картин высиживали «за деньгами» в офисе неделями, словно древнерусские бояре у царских палат. И вечно финансовая дирекция офиса покрывала долги старой картины за счет новой. Получалась своеобразная денежная пирамида, наводящая на мысль, что когда-нибудь, по неписаным правилам финансовых пирамид, этот «колосс на глиняных ногах» должен рухнуть, погребя под собой всех, кто не успел убежать вовремя. Среди всего этого великолепия красовался Продюсер, крупный и пожилой, в неизменных старомодных «солидных» пиджаках. Через некоторое время, сплетники донесли, что был он ранее разведчиком, а потом работал в органах, а уж потом принял бразды правления одной из отраслей кинематографического питерского производства.

Прошло десять лет. За это время команда наша развалилась, но по отдельности мы то уходили от Продюсера, то возвращались вновь. Такова планида киноработника: сегодня густо, а завтра — пусто. Где есть работа — туда и идешь. За десять лет все привыкли к тому, что у этой кампании денег вечно не хватает, тут будет честным сказать, что по сравнению с новейшими продюсерскими кинообразованиями Продюсер уже казался продюсером, «хорошо финансирующим проекты». За десять лет все привыкли, что на каждой картине с каждого последнего рабочего месяца финансовая дирекция этой компании пытается «срезать» по пятьдесят долларов с каждого работника, что влекло неизбежные баталии, заканчивающиеся с переменным успехом.

В общем, все расслабились. А важный Продюсер неожиданно стал очень добрым и мягким. Беседовал с работниками запросто, даже иной раз выпивал прилюдно и как-то на одном кинобанжете дал мне интервью, в котором сообщил, что он считает кино «продуктом исключительно для женщин».

К этому времени он был должен денег массе народу (и праздно гуляющим его стали замечать именно тогда), но был столь приветлив, ласков и так уверенно говорил, что скоро все образуется, что все были уверены: такой сильный человек, как Маркин, не даст себе обанкротиться ни за что!

И вот в один прекрасный день Продюсер пропал. То есть — исчез. Перепуганные офисные работники пытались скрывать этот факт и выдали «новость» тогда, когда ее уже вовсю обсуждали в кулуарах.

История (по рассказам) была такова: у Продюсера было несколько собственных заводиков и киностудия. Во время кризиса заводики обанк-

ротились, и тогда была заложена киностудия. А под все это дело было набрано немало кредитов. В этот день Продюсер уехал на очередную встречу с некими кредиторами и пропал. Телефоны Продюсера были обнаружены одиноко лежащими на даче и жалобно трезвонящими в пустоту. Рядом белела записка. С просьбой простить и не поминать лихом. Родственники сообщили в розыск. Офисные работницы, утирая слезки, выносили из офиса свое добро. Зарплату в последние месяцы они тоже не получали.

Ну а потом поползли предательские сплетни. Оказывается, Продюсер все это время получал денежки на съемки и ничего не снимал. Долги он не отдавал тоже. Месяц назад — развелся с женой. У него было двойное гражданство.

Одинокие прогулки старого разведчика стали ясны: разработка плана по вывозу крупной суммы за рубеж требовала особого тщания.

Ровно через неделю телеканалы и газеты разразились следующей информацией:

«Известный петербургский кинопродюсер Леонид Маркин исчез прямо из студии. Близким он оставил прощальную записку и 400 млн рублей долгов. Вместе с ним пропали деньги, выделенные на съемки нескольких фильмов, — около 30 млн долларов.

Генеральный директор компании “Кинопитер” Леонид Маркин пропал. Продюсер сериалов “Сонька Золотая Ручка” (на фото — кадр из фильма), “Бандитский Петербург” и т. д. оставил в офисе прощальную записку. В ней, по данным сайта “Фонтанка.ру”, он просил прощения у своего партнера за неудачное ведение дел и у своей жены — за все причиненные беды.

Однако, как сообщает “Фонтанка”, уже через несколько дней Маркина, который имеет гражданство РФ и Израиля, видели в Земле обетованной — живым и здоровым. Он прогуливался по улице со спутницей и разговаривал по телефону.

Леонид Маркин оставил в Петербурге семью и, по информации “Фонтанки”, долги — порядка 400 млн рублей.

По имеющейся информации, часть этих долгов — кредитные деньги, которые продюсер взял для того, чтобы заработать на строительном бизнесе. Однако проект не удался.

В настоящее время отдел розыска криминальной милиции ГУВД Петербурга ведет проверку по заявлению жены исчезнувшего Леонида Маркина.

Леонид Маркин работал более чем в десяти известных фильмах:

2010, «Смерть Вазир-Мухтара»;

2009, «Когда растаял снег»;

2007, «Пером и шпагой»;

2006, «Жизнь и смерть Леньки Пантелеева»;

2006, «Сонька Золотая Ручка»;

2006, «Столыпин... Невыученные уроки»;

2001, «Крот»;

2000, «Бандитский Петербург».

Елена Лапина-Балк (Финляндия)

Уля*

декабрь 1997 г.

Из телефонного разговора

...вот ты мне скажи, а Париж — он такой же таинственный и красивый, как о нем пишут? Помнишь, я тебе маленькой читала «Собор Парижской богородицы»? И ты почему-то часто потом сравнивала Нотр-Дам с нашим Никольским собором. Помнишь, как мы гуляли в парке при Никольском соборе... Помнишь?..

...нет, в Париж не хочу — хочу на Колыму. Странно звучит, а тогда для нас с Зиной...

Хотим на Колыму

Наш отец — твой дедушка — Иван Иванович Крылов был начальником, ну как бы сейчас сказали — по экспорту, на заводе «Красный треугольник». Дома он бывал редко, всё время разъезжал по командировкам. Случались и счастливые дни, он был с нами дома, вот радости-то было!

Ходили все вместе — я, маленькая Зина и средний брат Толя — на балет в Мариинку. Мама — твоя бабушка Ирина Арсеньевна — с нами не ходила, они с бабенькой (так мы называли нашу бабушку) готовили обед или сустились по хозяйству. В Мариинке наши места были в ложе, с отцом все почтительно здоровались, а мы светились от гордости.

Гуляли по городу, и нам непременно покупали мороженое. Ах, какое мороженое тогда было — вафельки именные с крем-брюле! Отец покупал сначала мороженое с вафелькой «Зина» — она же самая маленькая у нас была. Потом и всем остальным. Толька, конечно, по-детски возмущался, что первой — ей, изображал рассерженного, вопил: «Зика, дай мне первому лизнуть!» — он был мальчик хулиганистый, но очень добрый.

Когда ходили в Исаакиевский собор, наша Зика просила у отца рассказать случаи про Бога, как она говорила... Толька угрожал: «Вот все отвернется, а я возьму и прыгну на маятник, вот уж покатаюсь!»**.

* Продолжение. Начало повести читайте в альманахе «Под небом единым», № 4, 2010.

** В Ленинграде в 1931 году в Исаакиевском соборе в присутствии 7 тысяч зрителей впервые качнули маятник Фуко, наглядно иллюстрирующий вращение Земли.

В Санкт-Петербурге маятник снят в 1992 году как не соответствующий назначению здания.

Очень часто ходили в цирк. Отец приносил билеты для детей и бабеньки на утренние представления, а сам с мамой ходил на вечерний показ.

Однажды, когда отец с мамой возвращались вечером из цирка, за ними увязалась маленькая собачка. Так у нас появился еще один член семьи. Назвали ее Жучкой. Толька сразу же определил ее к себе в комнату и заявил, что воспитанием Жучки будет заниматься сам. На удивление всем Жучка уже умела ходить на задних лапках и приносить домашние тапочки.

Сразу же сочинили легенду, что Жучка — собака известного американского дрессировщика, он с ней плохо обращался и совсем не давал конфет, вот она и сбежала к нам. И если по правде, зовут её Джулия*, но это большой секрет.

Толька вообще очень любил животных. Как-то из деревни родственники прислали живого петуха. Петух был огромнейшего размера, с очень ярким оперением. Сначала мы все за ним гонялись по квартире, он голосил во всю мочь и пытался клюнуть каждого, кто к нему приближался. Потом мама сказала, что его нельзя так гонять, потому что он похудеет и на праздник, запланированный на воскресенье, ничего не останется... Услышав это, Толька сейчас же запер петуха в своей комнате и никого туда не пускал. Воскресный праздничный обед состоялся без петуха и без Тольки. Позже петуха из комнаты, конечно же, выманили и отправили на бульон.

Три дня Толька ни с кем не разговаривал, собирал цветные перышки по всей квартире, ворчал, что напишет письмо министру охраны животных и он приедет из Москвы и всех выпорет...

Был 1939 год

Отец уехал в командировку в Сталинград на две недели.

Там он и получил телеграмму от своей знакомой Матильды Цейтлин, работавшей в парткоме завода:

«Иван Иванович, Вы в списке. Не возвращайтесь, делайте что-нибудь!»

Прямо из Сталинграда отец выехал в Москву и подал прошение о переводе в Магадан на строительные объекты. Его сразу же определили в Магадане в какой-то строительный главк начальником. Домой, в Ленинград, он заехал всего на три дня. В эти дни нам всем было приказано сидеть дома. Я в институт не пошла, а младших даже гулять не выпустили. Конечно, отец уговаривал маму подготовиться и переехать с детьми и бабенькой к нему в Магадан, когда он устроится, но мама не хотела оставлять меня одну, я только поступила в институт. Кто же знал, что переезд всей семьи в Магадан мог сохранить нам жизнь.

Первые шесть месяцев после отъезда отца жили очень экономно — на деньги, скопленные «на черный день», и на бабушкины, которые она собирала на похороны. Потом пришла зарплата отца, да такая огромная, что мы почувствовали себя просто богачами. Мама оплатила моё обучение в ин-

* В начале войны наша Жучка выбежала из дома и попала под машину...

ституте на год вперед — тогда ведь было платное. Стали покупать фрукты, Тольке купили новые ботинки, а Зике — новое платье.

Всей семьей, затаив дыхание, перечитывали письма отца. Он писал, какой Колыма чудный край — сказочная природа, замечательные люди, да и вообще нам обязательно надо туда перебираться... А мы... Не то чтобы очень влюбились в Колымский край, мы просто скучали по отцу. Окажись отец в Америке, мы бы и в неё влюбились.

Только без отца совсем отбился от рук. Стал прогуливать занятия, говорил, что поедет к отцу на Колыму и там пойдет в новую школу, где его не будут обзывать рыжим, что к тому же неправда, ведь он блондин! Нет, он, как и все, утром готовил портфель, чистил ботинки, но до школы не доходил — катался с извозчиками, причем бесплатно, а потом шел с ними в баню. Выяснилось это случайно: Зика залезла к нему в портфель и обнаружила там мочалку и кусок хозяйственного мыла — шуму-то было!

В сороковом году отец приехал домой в отпуск на всё лето. В Мариенбурге сняли дачу и там отдыхали всей семьей. Время пролетело быстро, но запомнилось нам с Зиной на всю жизнь, это было последнее лето нашей большой дружной семьи.

Июнь 1941 года

Начало войны застало отца во Владивостоке, он ехал в отпуск к нам, в Ленинград. На вокзале вручили телеграмму — срочно вернуться в Магадан. Позже он писал, что начал оформлять для нас вызов и что нам нужно готовиться к отъезду.

В октябре мы узнали, что такое голод...

Наша бабенка умерла первой: упала на улице, сломала руку, домой еле дошла и после этого уже не поднялась. Зина была её любимицей, днями просиживала у её кровати и плакала — не умела ещё скрывать слёзы.

Брат Толя был в молодёжном отряде ПВО. Однажды после обстрела его принесли домой полуживым: он тушил на крыше снаряды и один взорвался. Ему обожгло руки, он ничего не слышал, лежал с открытыми глазами и не реагировал на наши вопросы и ахи. Мы не знали, что нам делать: он лишь смотрел в окно, где уже огромными хлопьями падал снег. Зиночка гладила его рыжую голову, обожжённые руки. Шептала, плакала: «Толенька, вставай, мне так скучно без тебя...» Как-то вечером, видимо, стало лучше, он заговорил: «Зика, ну ты что это сырость развела. Не плачь, я обязательно поправлюсь, вот увидишь, завтра, прямо завтра и поправлюсь. Я вот что придумал: я санки наши почию и мы с тобой к папе на Колыму поедем. Я уже и маршрут продумал, фрицы точно не догонят...» Зика прыгала вокруг него и восторженно кричала: «Я скоро с Толенькой уезжаю на Колыму!»

На следующий день он умер...

А в начале декабря, мы с Зиной были дома, в дверь постучала соседка, она плакала и, задыхаясь, пыталась что-то сказать. С трудом мы поняли, что наша мама, раненная, лежит у Калинкиного моста, её задело осколком при

обстреле, и что Шурочке надо спешить, забрать её оттуда. Я взяла санки, побежала сразу.

Привезла маму, соседка помогла поднять её в квартиру. Мама стонала и была в забытьи. Когда она приходила в себя, шептала только одно: «Шура, только Зиночку нашу не бросай... уезжайте отсюда, уезжайте». Мама умерла через три дня.

И мы остались совсем одни.

февраль 1998 г.

Из телефонного разговора

...всего на три дня? А на чем приехала? На поезде? Ну да, из Хельсинки-то в Петербург часов семь ехать?

— Знаешь, а я ведь поезда терпеть не могу, ещё с тех, военных лет...

Долгая дорога

От отца пришёл вызов на Колыму только весной сорок третьего...

А выехали мы только в конце лета, даже не помню почему.

Вся деревня Лбово собирала нас в путь: несли в основном еду — сухари, яйца, сало, сушёные яблоки. И знаешь, все плакали... не хотели нас отпускать, а может, просто боялись за нас.

Особенно плакала Настя, умоляла, чтобы я оставила Зину ей, говорила, что удочерит её, зная, что у нас все умерли, — так она её полюбила, да и маленькая Верочка к Зине привыкла. А я даже подумать об этом не могла — мамина мольба «Шура, только Зиночку не бросай...» навсегда осталась в памяти.

Доехали до Москвы, пересели на поезд, идущий во Владивосток и...

Знаешь, так давно это было, не помню, сколько ехали... пассажиры мегались, за окнами дни были серыми... война.

Ели очень экономно, Зину занимала уроками, не зря же я учительницей была...

Это была самая долгая дорога в моей жизни.

Стали поговаривать, что скоро Владивосток, ещё два дня потерпеть надо, и доберёмся. А ночью поезд остановился на каком-то полустанке, вошли пятеро военных и стали проверять у всех документы. По вагону пробежал шёпот, мол, ищут шпионов...

Дошла очередь и до нас. Главный долго смотрел на наше приглашение от отца, потом показывал другим, потом заявил, что полоса на документе должна быть красной, а не зелёной, и вообще, может, документы поддельные. Приказали освободить места, высаживаться из поезда и ждать подтверждения, на станции есть контрольный пост. Кто-то в вагоне попробовал возмутиться, куда, мол, девчонок в ночь выставляете (Зина в свои девять лет вообще шестилетней выглядела — маленькая и худюшая), они же ленинградки, пропадут ведь на полустанке...

Не помогло.

Нас высадили, а наши места сразу же кто-то занял...

Поезд тихо тронулся с места, ни гудков, ни стука колёс... или нам так казалось?

Стоим, вокруг темень, трудно что-либо различить. Пригляделась, вдалеке что-то светится. Зина на звёзды смотрит, считает вслух, сколько их, благо считать умеет. А я в каком-то онемении: делать-то что!?

Потом Зина спрашивает:

— А мы, что, действительно шпионы?

— Глупости говоришь, скорее бедные родственницы... Значит так, ты тут стой, а я быстро сбегаю, посмотрю, что там, может, это и есть тот самый контрольный пост, — говорю Зине. Она опять голову задирает и продолжает считать:

— Одиннадцать, двенадцать...

Запыхавшись, врываюсь в маленький деревянный домик, там сидят четверо мужчин в военной форме. Чуть ли не плачу и говорю: «Меня с маленькой сестрой ссадили с поезда, полоса не того цвета на документах у нас, а мы к отцу едем, он у нас большой начальник...»

Уж не помню, что я там им ещё голосила, только один, седой такой, прерывает меня, спрашивает, а сестра-то где?

Как где, да там с вещами стоит! Вдруг все подскочили и из избы выбежали, один у дверей только и успел крикнуть: «Вот бабы дуры, тут же зона вокруг, беглых до черта, да и других... Думать же надо, ребёнка одного оставила...» Я тоже выбежала сразу, а бежать не могу, ноги подкосились.

Скоро появились все четверо с вещами, хоть и не много их у нас было, Зина на руках у того, кто на меня ругнулся, и с умным видом рассказывает ему про «Большую Медведицу».

— Ну, девчонки, с вами не соскучишься, давайте ваши документы.

Посмотрели, повертели, стали звонить во Владивосток. Из Владивостока, видимо, связались с Магаданом, с «Дальстроем». Приказали ждать.

Под утро я сквозь сон услышала звонок, проснулась, Зина рядом на скамеечке спит.

— Сайкин слушает, да, здесь сёстры Крыловы, так точно... Слушаюсь, Иван Иванович, постараемся на первый же проходящий посадить, недоразумение, извините...

Первый утренний поезд вёз лётчиков, стоять должен был десять минут.

Мы с вещами уже были наготове. Стояли уже час, поджидая поезд. Как только поезд остановился, я с Сайкиным ринулась искать начальника состава. Нашли его около первого вагона. Сайкин глотал слова: «Так, мол, и так, сёстры из блокадного Ленинграда, едут к отцу — завстройтреста в Магадане, девчонок по ошибке ссадили... Возьмите...»

— Так точно, — отвечает голубоглазый богатырь — начальник состава в лётной форме, махнул кому-то вперёд, мол, посадите в вагон, а мне подаёт руку. Другие молодцы подхватывают вещи, и я уже в вагоне. И...

Поезд трогается. Я кричу: «Зину, Зиночку-то забыли... нет, я без неё не поеду!»

— Вас ведь Александрой зовут, да? — спокойно спрашивает начальник состава. — Ваша сестра тоже в вагоне, я же дал указания, так что пойдёмте, Александра, её искать.

Я бегу, за мной начальник состава. Скоро нас останавливают и сообщают, что там, в пятом вагоне, девочка Зина, которую только что посадили в поезд — ревёт, говорит, сестру потеряла...

Ну, слава богу, улыбается мне голубоглазый начальник состава, нашли вашу Зину!

Зина реветь перестала сразу же, как только я появилась в проходе, сидела и обиженно кусала губы.

— Шура, ты почему меня там оставила? Я думала — всё теперь... С тобой никогда не увижусь...

— Да и с Сайкиным не успела попрощаться, вкусная у него фамилия, и вообще он хороший, — ворчала Зина.

В ответ я её только обняла.

Нам освободили нижнюю полку. Там мы и расположились с Зиной. За два дня я перезнакомилась почти со всем составом. Молодые, симпатичные и такие славные лётчики приходили к нам из других вагонов. Зине несли американский шоколад из своих пайков, мне — тушенку и брикеты американского хлеба. Мы пили очень чёрный чай, лётчики играли на гитаре, пели русские романсы.

Я тогда решила — замуж выйду только за лётчика.

Прибыли во Владивосток, ждать поезда в порт Находка пришлось всего часа два.

Опять поезд. Как же я ненавидела эти поезда!

На этот раз мы ехали в купе. Соседями оказались молодая женщина Вера, сын её Игорь — того же возраста, что и Зина. Они были из Москвы. Вера ехала к мужу, который, как позже выяснилось, работал в одной системе с отцом. Мы все сразу же подружились, причем на долгие годы.

февраль 1998 г.

вечером того же дня

Из телефонного разговора

...ну как, всех подружек навестила, есть они у тебя ещё в Петербурге, ведь уж более двадцати лет в Финляндии-то живешь? А обидчиков своих смогла простить? Надо, девочка моя, простить.

...вот и хорошо, а то ведь правильно говорят, друзья в беде познаются, да и не только друзья — люди...

Порт Находка

Прибыли в порт Находка. Всех разместили в общежитии. Мы с Верой попросили, чтобы нас четверых поселили вместе. Всего в большой комнате оказалось десять человек.

На две кровати полагалась одна тумбочка — этого было вполне достаточно: вещей почти никаких, только продукты. Кухня была общая на весь этаж.

Нам отец выслал деньги, зная, что пароход придётся ждать около месяца, и мы стали покупать еду. В тумбочке лежали наши запасы: яйца, деревенское сало, сухари, Зина бережно хранила подарки лётчиков и только иногда позволяла себе и Игорьку лизнуть американский шоколад. У каждого живущего в нашей большой комнате была своя горькая история. Помню Софью Михайловну — она была вся седая и всегда очень грустная, мы не знали, сколько ей лет. Была она учительницей математики из Ленинграда, муж и дети погибли в начале войны, и ехала она в Сеймчан к брату. Софья Михайловна всем штопала носки, девочкам заплетала косички, а Зине и Игорю предлагала порешать задачки. Она никуда не выходила, и мы никогда не видели, чтобы она что-то ела.

Была осень, сказочная, яркая и тёплая. Дети все дни проводили на улице — всё было ново: место, природа, люди. Как-то дети принесли сетку яблок, кто-то подарил. Как сейчас помню, это был какой-то удивительный сорт — у нас в Ленинграде такого я не пробовала. Ярко-красные и очень большие, не говоря уже о том, что медово-сладкие. Конечно же, яблоки ели все вместе — всей комнатой. Софья Михайловна жадно глотала, не разжевывая, она явно была голодна. Говорили, что денег ей брат не выслал и она считает каждую копейку.

Однажды из нашей тумбочки пропали яйца. Моя подруга Вера сказала, что этого так не оставит, и вечером, когда все были в сборе, объявила, что у нас появился вор — у Шуры с Зиной кто-то стащил из тумбочки яйца! Все стали возмущаться, как же так, не может быть...

А Софья Михайловна вдруг заплакала, а потом тихо сказала: «Извините, это я, просто не выдержала, голод разум помутил, простите меня...»

Зина вдруг бросилась к нашей тумбочке, достала своё сокровище — американскую плитку шоколада, отломала половину и протянула Софье Михайловне. Остальные тоже заскрипели тумбочками, стали доставать сухари, кусочки сахара, сушёную чернику... Всё это молча выкладывали Софье Михайловне на кровать. А она тихо плакала и ела, ела...

Я села рядом с ней, обняла и сказала, что не сержусь.

На следующий же день я попросила, чтобы Софья Михайловна занялась с детьми математикой, другие принесли что-то подшить, пришить и заштопать. Её тумбочка стала пополняться едой. Она стала выходить на улицу.

После этого случая я не могла найти себе покоя. Как же так, пережив трудную зиму блокады, пройдя столько лишений, смерти близких, болезни Зины, я не услышала боль живущей рядом, такой доброй ко всем Софьи Михайловны.

Математику Зина не любила, а вот Игорёк мог заниматься с Софьей Михайловной день и ночь.

Как-то после занятий они все отправились в магазин за молоком. Далее рассказывала Софья Михайловна: «Зина была в своем репертуаре, шла, пританцовывая и размахивая бидоном. А тут собака, да ещё и огромная такая. Она бросилась к Зиночке, весело залаяла, видимо, решила, что с ней играют. Зина испугалась собачьего лая, ну, естественно, стала отмахиваться бидоном. Итог был в прямом смысле плачевным. Собака впилась Зине в голень. Все кричали — Зина от боли, мы с Игорёшей от ужаса: вокруг кровь, и лающая собака с окровавленной мордой...»

Софья Михайловна приказала Игорю быстро бежать домой — рассказать о случившемся. Ну а сама, сделав Зине тугую повязку, потащила её в больницу, хорошо, что больница была на соседней улице. Зине сразу же сделали укол от бешенства, а потом долго зашивали рану, пёс умудрился основательно покалечить ногу.

Из больницы забрали Зину я и Софья Михайловна. Как хорошо, что она оказалась рядом. Так у нашей Зины появился ещё один ангел-хранитель.

Весь вечер говорили о случившемся. Игорёк с умным видом шутил: «Зиночка, в этом есть свой плюс — ты уже никогда не будешь бешеной, тебе же укол сделали!»

май 2000 г.

Из телефонного разговора

...а у вас весна теплее? Уже всё в цвету? Ну тогда точно такая же, как и у нас!

...а почему японский сад? А, ну да, ты же всегда у нас экзотику любила — икебана, фэн-шуй, мейхуа...

А вот послушай...

Страсти по-японски

Четыре недели жили на мысе Находка, а потом сообщили, что на следующей неделе из порта отходит пароход в Магадан. Ну наконец-то, скоро едем!

Вещей ни у кого не было, значит, и собираться было легко!

Софья Михайловна принесла из библиотеки карту и показала нам всем маршрут путешествия.

Порт Находка — Японское море — Пролив Лаперуза — Охотское море — Магадан (2590 км).

(Продолжение следует)

Михаил Садовский (США)

Михаил Садовский широко печатается в периодике разных стран мира. В США в переводе на английский вышли книги прозы писателя: сборник рассказов *Stepping into the blue* («Голубые ступени», 2004), повесть и рассказы *Those were the years* («Такие годы», 2006). В настоящее время в России готовится к печати книга «размышлизмов» — «Шкаф, полный времени», основанная на беседах писателя с соавторами, друзьями — выдающимися людьми страны второй половины XX и начала XXI века. В Америке переведён и готовится к печати роман *Before it's too late* («Пока не поздно»).

Настоящая жизнь

Однажды перетечёт боль из тела в тело безо всяких проводов и катетеров, и остаётся это в памяти на долгие годы, и никогда не бывает неоплатным.

Сейчас он вышел в распахнутую перед ним дверь палаты и нёс на перевязку этот маленький живой комоч, раскрытый и сшитый им заново, как самое дорогое и самое необходимое на свете. И наполняло его не своё взрослое, потное, заработанное, заслуженное, верное — не своя победа над болезнью этого мальчишки, не уверенная радость, что теперь он будет жить, а то, именно то, что чувствовал этот мальчишка, тесно лежащий на его руке и прижатый к груди. Он чувствовал его тепло, его сердцебиение и его не осознанную ещё сквозь страх боли, не пробудившуюся, но подступающую радость — не от чего-то, а просто так: от жизни, от ощущения тепла груди, к которой он прижат, от надёжной твёрдости руки, на которой он лежит, от сложного запаха пота, одеколona, больницы и дыхания того, кто нёс его совершенно непонятно куда и зачем...

Человек, стоявший у окна в широченном, елизаветинских времён коридоре, бросился ему наперерез с воплем:

— Что, доктор, плохо?! — но наткнулся на протянутую поперёк руку и мощный бюст сестры Марины.

— Музчина! Разве так можно?! Максим Алексеевич всегда самых трудных после операции сам на руках на перевязку относит! Вы что, не знаете? Успокойтесь! Всё, всё хорошо будет... — а он шёл, отрешённый и сам перенесённый, как всегда, в тот самый миг, как почувствовал тяжесть живого спасённого тела у себя на руках, в далёкий год своего детства, страшный и прекрасный...

Он снова непостижимым образом был там, в кольце бесконечной блокады, в ясном до мельчайших крупинок дне — ясном, морозном и последнем... время оборвалось с грохотом, засыпало его обломками и заволочло пылью. Оно кончилось внезапно, не оставив даже мгновения на последнюю мысль, на прощальный крик или взгляд...

Он шёл, выгнув спину и отведя назад плечи, чтобы сместить центр тяжести и облегчить себе ношу. За ним спешила сестра, кресло-каталка чуть впереди сбоку шуршало колёсами по натёртому полу, жужжал голос: «Мак-

сим Алексеич, Максим Алексеич, ну тяжело же! Давайте посадим его! Доведем... Максим Алексеич». Он не слышал, он сам был под наркозом времени и чувствовал точно то, что почувствовал тогда, возвращаясь в мир, из которого, казалось, ушёл навсегда: твердость руки, на которой лежит, и теплоту плотно прижатого к его телу тела. Потом закружились запахи, возникла тупая боль от сотрясений каждого шага и пробился в сознание смысл парного, омывающего лицо выдоха — «Всё, всё, всё... потерпи чуток, теперь всё хорошо будет!»

Это так навсегда осталось в нём благодарной и неколебимой памятью, что самого его удивило много лет спустя, когда после первой самостоятельной операции он пришёл в палату, склонился над «своей» смешной носатой девчонкой, остановил хлопотавших сестёр — «Я сам!» — поправил ей локон, сбившийся на глаз, и, бездетный ещё, ловко, по-отцовски подсунув ей под спину наискось от плеча к лопатке руку, поднял её и прижал к себе. В тот миг это было самое родное, самое близкое, самое необходимое для него, что могло быть на свете! И к нему неожиданно вернулось то его давнее блокадное ощущение, вернулось и ошеломило! Он не знал, что оно хранилось в нём, не знал и не мог испытать, как оказалось, именно до этого мига, когда чужой, спасённый им ребёнок, прижался к его груди и ощутил то, что он ощутил тогда! Эта девчушка неожиданно и щедро вознаградила его!

Теперь это ощущение возвращения в жизнь требовало повторений! И каждый раз, когда заканчивалась операция и потом состояние мальчишки или девчонки позволяло, он брал их на руки и сам нёс на перевязки, оттесняя в них страх боли, передавая им что-то важное своё, защищающее и обещающее, и испытывая потому такое наполнение счастьем, которое сравнить было не с чем. И сколько бы раз ни повторялось это, хотелось снова и снова дожить до этого мига, хотелось снова и снова прожить его, снова и снова — всё сильнее и сильнее.

Он оперировал только детей. Маленьких, крошечных, больших, подростков... интуиция, какое-то нутряное чутьё выручало его в трудные моменты, когда раздумывать нет времени, когда счёт всего на чёт и нечет, на чёрное и белое, на быть или не быть. Кто-то считал его победы удачей, кто-то — талантом, кто-то — хорошей школой и опытом, а он не задумывался и знал эгоистично, что должен обязательно в конце своей работы испытать ещё раз то самое несравнимое ощущение возрождения, без которого уже не мог жить, и щедро дарил это чувство всем, ради кого старался, а громко говоря, ради чего жил на свете!

Господь дал ему сердце и руки для счастья других и потому — самого себя. Господь порой забывал о нём. Тогда он умирал с каждым ушедшим. Казнил себя. Проклинал свою долю. И верил, что это не случайно, что скоро сам уйдёт и там (где там?) ответит за всё: за дерзость вторжения в чужую жизнь наперекор судьбе, за самонадеянность исправить сотворённое самим Всевышним, за эгоизм желания ещё раз испытать счастье на краю обрыва — за всё, что дерзко мнится возможным в подаренном каждому ненадолго суматошном и бренном существовании...

Он будто уже не принадлежал себе! Его, независимо от него самого, держали удачи, а об утратах будто забывали! Это тоже мучило его, щемила совесть, а его добивались, ждали в очередь его рук и его умения, что даже угнетало его порой и требовало крикнуть: «Да что вы! Ну чем я лучше?! Не ошиблись? Погодите!»

«Господи, — вопрошал он, — за что ты так испытываешь меня? Зачем мне эта судьба и эта доля? И я бы мог спокойно жить своей семьёй, тачая сапоги или крутя баранку! Ведь сказано в писании: «Что делалось, то и будет делаться...» Зачем же ты велишь мне тешить свою душу, и не гордыня ли это, которую ты казнишь и осуждаешь?!» Но Бог молчал и дарил ему в ответ только время. Это время лечило и совестило его и опять возвращало в ту же жизнь, на стезю, с которой ему, видно, не сойти было никогда... «Если Он так спасал меня и дарил столько надежды и радости, — утешал он себя, — значит, это не случайно! Избавил от смерти и сиротства, снова соединил с матерью, которая осталась за кольцом, когда меня вывезли на Большую землю с госпиталем, и дал именно это образование, а не другое! Я не клялся никогда в ответ на своё спасение спасти других — и в мыслях не было! Но так вышло! Не по его воле? Да, мне казалось просто, что это благородная профессия и хороший труд... Это теперь я не представляю, что мог бы существовать иным способом, а ведь карты не краплёные были, и не играл я в русскую рулетку... Хм... тогда, на Литейном мосту в ноябре, мне казалось, что самое лучшее, что я могу сделать, — соединиться с этой водой... все мы из неё вышли, и уйти в неё надо без оглядки и горьких хлопот... Господи, и ты же ведь остановил меня! Я знал, что ты есть. Всегда знал. Не в поповской церкви, конечно, не под размалёванными сводами с визгливыми воплями шамкающих старух, но тогда лишь понял, что ты, Великий, внутри меня! Господи...»

Ему казалось, что он столько отдаёт себя каждый раз под этими горячими лампами в объективном и равнодушном свете, где не за кого и не за что спрятаться, где ты весь насквозь и наружу каждый раз, где видно, как от тебя убывает и с каждой твоей победой, и тем более с неудачей, где часть тебя перетекает в каждого страждущего, чтобы спасти его, ну как тут не истощиться, не истечь, не утончиться и не исчезнуть?! Но жизнь необъяснимо возвращала силы и дарила годы — и не было ни возможности, ни смысла распорядиться ими по-другому..

Это так чинно и стремительно текло в мыслях на расстоянии тех сорока шагов от палаты до перевязочной и обратно, что пространство расступалось и образовывало кокон вокруг него, пока он не освободился от ноши, пока укладывал мальчишку в кровать, давал распоряжения на ночь, молча стоял над ним несколько минут и потом с улыбкой обернулся к своим помощникам, сёстрам, нянечкам и отдался весь их заботам и деловитым хлопотам...

— Мариночка, — попросил он, — позвони домой, что я пешком пойду.. через часок буду..

— Максим Алексеич! — деловито по-женски возражала Марина. — Слякотно на дворе. Лёша у подъезда стоит, ждёт. Вы устали — поздно уже... Лучше вам поехать...

— Ладно, ладно! — согласился он. — Ну ты позвони... А я пойду переоденусь...

В сумраке раннего вечера он поёжился, поднял воротник пальто, надвинул на глаза кепку, сказал подкатившему Лёше, что пойдёт пешком, и медленно двинулся по Суворовскому в сторону Литейного.

Никто в больнице не знал, что сегодня именно «тот» день, тот самый, и он обязательно пойдёт на «то» место... на то самое место, с которого началась его настоящая жизнь.

суббота, 2 апреля 2011 г.

Исай Шпицер (Германия)

Член Союза профессиональных литераторов России. В Германию эмигрировал из Санкт-Петербурга. Писал интермедии и эстрадные миниатюры для артистов Ленконцерта и Москонцерта, Ленинградского театра «Эксперимент». Печатался в журналах «Аврора», «Юность», «Крокодил», в «Литературной газете» на 16-й полосе. Автор сборника стихов «Прозрение» (Санкт-Петербург, 1995). Иронические стихи И. Шпицера читались на радио «Свобода». Живёт в Мюнхене, сотрудничает с изданиями Германии, России, США, Белоруссии.

Судьба как песня

Имя Фаины Марковны Квятковской, уверен, мало кому знакомо. И не только на Западе, но и в России, где она жила долгие годы. Зато широко известны её песни: фокстрот «У самовара» и танго «Аргентина». Уже более семнадцати лет как автора этих песен нет в живых, а мелодии и тексты, написанные ею в далёких уже от нас тридцатых годах прошлого века, звучат на радио и телевидении. А фраза «У самовара я и моя Маша» стала поистине фольклорной.

Я познакомился с Фаиной Марковной в последние несколько лет её жизни в Ленинградском комитете профессиональных драматургов, членами которого мы с ней состояли. Даже в те годы, когда Фаине Марковне было за 70, она выглядела статной и красивой женщиной.

К тому времени уже была опубликована в официальной газете «Советская культура» статья, озаглавленная «Полсотни лет “У самовара” — об удивительном долгожительстве этой песни и судьбе её автора. Затем была статья в «Аргументах и фактах» — «Украденная песня». О том, как в течение долгих лет авторство слов «У самовара» приписывалось мэтру советского песенного творчества В. Лебедеву-Кумачу.

В те послевоенные годы Фаина Марковна боялась даже заикнуться, не то чтобы вступить в борьбу за свои авторские права с любимцем советских властей. Тогда это было равносильно самоубийству. Лишь в 1979 году (а Фаине Марковне было уже за 60) её авторские права были восстановлены и она получила возможность иметь небольшую прибавку к своей скудной пенсии. Помогал ей небольшими деньгами и Комитет драматургов, впоследствии переименованный в Союз литераторов. И я ежемесячно посещал Фаину Марковну дома, принося ей эти деньги.

Коммунальная квартира, в которой она с мужем занимала две небольшие комнаты, находилась в доме, что на углу улиц Салтыкова-Щедрина и Восстания в Ленинграде. Этот старый дом давно нуждался в капитальном ремонте — тёмный подъезд, обшарпанные стены, лестница с перекошенными ступенями. Иногда мне дверь открывали соседи, и я отмечал тогда, что они были весьма приветливы.

В комнатах у Фаины Марковны всегда было светло, чисто и уютно. За чашкой кофе, который она очень любила, мы часто беседовали о жизни и творчестве.

— Вы знаете, — говорила она, — вот сейчас я — старая и больная женщина, но состояние радости и счастья не покидает меня. Я прожила хотя и непростую, но интересную жизнь. В молодости в меня влюблялись. Мои песни живут и сейчас и по-прежнему радуют меня. И вообще я везучая. Уже то, что я уцелела в годы войны, живя в Варшаве, занятой немцами, о многом говорит. Меня спасла моя польская фамилия, которую дал мне мой первый муж Квятковский, кстати, польский офицер. А моя девичья фамилия — Гордон. «У самовара» я написала в 1931 году, шестнадцатилетней девушкой, когда жила с родителями в Польше, в Кракове. А сама я родом из Ялты.

Я спросил как-то у Фаины Марковны, в чём, на её взгляд, состоит успех «У самовара», фокстрота с незатейливой мелодией и словами.

— Мне часто задают такой вопрос, — ответила она. — Я думаю, что прежде всего — в юморе, который есть и в тексте, и мелодии. И ещё — в ней так узнаваемо время — 20-30-е годы. Я ведь написала жанровую песенку для одного кабаре. Правда, текст был написан на польском владельцем этого кабаре Анджеем Властой. И вот эта песенка вдруг стала очень популярной в Польше. В дальнейшем я сделала несколько вольный перевод на русский язык, и эта песня вместе с танго «Аргентина» вышла отдельной пластинкой, которая распространялась в Риге. Там-то, будучи на гастролях, её исполнял Пётр Лещенко. Вот и пошла песня «гулять» по свету.

Надо сказать, что музыку танго «Аргентина» по мелодичности Фаина Марковна ценила намного выше, чем фокстрот «У самовара».

В 1934 году «У самовара» включил в репертуар своего джаза Леонид Утёсов. Откуда ему было знать, что автор фокстрота живёт где-то в Польше и что зовут автора Фанни Гордон.

Спросил я также у Фаины Марковны, как она оказалась в Советском Союзе.

— Произошло это в 1945 году, когда я узнала, что муж мой погиб. Я могла ехать куда угодно, так как знала французский, английский, немецкий языки. Но я рвалась в Россию, к Сталину... Да, именно к Сталину. Все его тогда боготворили. Меня советские войска спасли от гибели — гестапо охотилось за мной, а тут пришла свобода. Лишь спустя годы горький вкус этой «свободы» я стала ощущать ежедневно.

Нельзя сказать, что Фаина Марковна жила отшельницей в Ленинграде. Её приняли в профессиональный комитет драматургов, навещали её и представители польской общины в городе, к ней приходили музыканты и исполнители, заказывали новые песни.

Она работала и над музыкой к опереттам «Девушка из Шанхая» и «Яхта любви».

Однажды позвонила ей Алла Баянова и пригласила на свой концерт в «Октябрьском». Я представил себе, что творилось бы в зале, если бы прославленная певица пригласила на сцену автора песни, которую она только что исполнила. (Песня «У самовара» также была в репертуаре у Баяновой.) Но Фаина Марковна на концерт пойти не смогла: ступени этого концертного зала были слишком крутыми для её больших ног. И встреча автора песни с её исполнителем так и не состоялась.

В один из дней 1991 года я позвонил по телефону в квартиру к Фаине Марковне. К телефону подошла соседка. Каким-то приглушённым голосом она выясняла, кто звонит. А затем сказала, что Фаина Марковна ночью умерла, умерла тихо, заснув вечером и не проснувшись утром. Её муж умер тремя месяцами раньше.

На церемонии прощания с Фаиной Марковной в ленинградском крематории было чуть больше десятка человек: члены Союза литераторов, племянница, несколько подруг, соседи по квартире. Они же, соседи, устроили и скромные поминки в комнатах, которые занимала Фаина Марковна.

Я не знаю, кому достался архив Квятковской. У меня же сохранились её членский билет с фотографией, подаренный ею клавир с мелодией «У самовара» с текстом, переведённым ею же на английский язык, и газетная вырезка со статьёй о ней, на полях которой Фаина Марковна написала: «Не забывают меня, Исай Моисеевич».

Что я и стараюсь делать.

Екатерина Муртузалиева (Россия, Дагестан)

Родилась в городе Веймар (ГДР) в 1970 году. Живёт в городе Каспийске (Дагестан, Россия). Закончила филологический факультет и аспирантуру ДГУ. Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ДГУ. Пишет стихи и прозу. Печаталась в сборнике стихов «Лепестки ромашки», 2008, в журнале «Лит-э-лит», 2010, в альманахе «Под небом единым», 2009, 2010. Член редакционной коллегии журнала «Лит-э-лит» и сайта «Арт-э-лит», член литературной группы «Тайвас».

Свадебные традиции Дагестана: прошлое и настоящее

*Памяти Ангары Гамидовны Булатовой,
ученого-историка, этнографа...*

Судьба... Слово, к которому мы частенько прибегаем в житейской философии. Списываем на неё свои ошибки, неудачи, потери. Пытаемся определить какие-то узловые точки нашей жизни, с которых начались перемены: долгожданные или совсем не желательные, счастливые или драматические...

Традиции... То, чем жив и силён народ. Что впитывается с молоком матери и поддерживается многовековым жизненным укладом общества, семьи. Что определяет нашу жизнь на годы и десятилетия вперед. Что позволяет видеть перед внутренним взором нравственные ориентиры, черпать в них духовную силу...

Одной из множества традиций, значимых в нашей жизни, является свадебная традиция. В моём Дагестане — самом многонациональном регионе России — свадебные традиции сложились много веков назад, под влиянием тяжелой и трудной жизни в горах, у моря, на равнине и в степях... Свадебных обычаев, обрядов и традиций у нас не около четырёх десятков (по количеству народностей, проживающих в Стране гор), а много-много больше! Пожалуй, сколько аулов — столько и свадебных традиций, и их изучением с интересом занимались ученые-этнографы начиная с XIX века. Материалы, использованные в данном очерке, были взяты из ряда источников, в числе которых — трехтомный сборник «Кавказские горцы», монография А. Г. Булатовой, а также из бесед со знакомыми*.

Ритуалы сватовства и свадьбы определялись адатами (традиционные нормы права в горах), шариатом (исламское право) и обычаями каждого

---

* См., напр., Кавказские горцы: Сборник сведений. Выпуски I — III, Тифлис, 1868; А. Г. Булатова. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в начале XIX—XX века — Л., «Наука», 1988; Гаджиева Г. Про свадьбу // «Проджи», № 2 (24), 2011.

аула. Согласно адатам, решение о замужестве принимает не сама женщина, а её родственники по мужской линии (отец, дядя) или (если девушка — сирота) кадий (судья) либо дибир (мулла) аула. Весьма распространённым был обычай сговаривать детей вскоре после рождения; при этом отец мальчика давал в виде залога какую-нибудь вещь отцу девочки, и малолетние уже считались с этого времени женихом и невестой. После сватовства жених и его родственники могли делать невесте подарки, которые после заключения брака или в случае отказа со стороны жениха становились её собственностью. В случае отказа со стороны невесты подарки следовало возвращать в двойном размере! Качество и ценность подарков шариатом, адатами не определялись, это зависело от состоятельности семьи жениха, но в числе подарков обязательно должно было быть кольцо. Обычно дарили и платки, отрезы материи.

Сватовство производилось через уважаемого мужчину, посылаемого женихом вместо свахи к родным невесты. Цель такого посещения объяснялась намёками; прямое же предложение родным о выдаче их дочери замуж считалось неприличным. Началом разговора могла служить общепринятая фраза: «Просим вас стать отцом и матерью» такому-то человеку. Если родители невесты согласны, то произносят: «Инша-аллах» (с Божьей помощью, если Богу будет угодно), в противном случае — сразу отказывают.

После сговора жених мог посещать невесту. Как отмечает А. В. Комаров в первом выпуске сборника «Кавказские горцы», в обществе Цунта—Ахвах (названия селений, существующих и сегодня) существовал такой адат: жених и невеста после сватовства могут спать вместе, но до заключения брака жених не имеет права касаться тела невесты ниже пояса. При Шамиле одна ахвахская невеста убила кинжалом своего жениха, хотевшего нарушить этот адат, и не только не подверглась никакому наказанию, но и заслужила общую похвалу.

При совершении брака жених должен заплатить калым и кебин-хак. Калым представлял собой верхнюю одежду, надеваемую невестой в день свадьбы, постель, одеяла, другое имущество. Все это поступало в полную собственность невесты и отбиралось у неё в случае, если она впоследствии сама захочет оставить мужа. У ахвахцев калым не выплачивался. Калым могли также требовать в деньгах или в виде домашнего скота. В селении Чох (тоже аварское селение, как и Ахвах), также не принято было платить калым, ни раньше, ни сейчас.

Кебин-хак — это обеспечение, которое жених дает невесте на случай развода с ней или своей смерти. Кебин-хак обычно не отдавался невесте или её родственникам, а только вносился в брачное условие (брачный контракт) и взыскивался с мужа, когда он давал жене развод, или после его смерти. Величина этой выплаты зависела от состояния, связей невесты и её родственников, но при этом невеста должна была получить не меньше того, что получила её мать, выходя замуж за её отца.

Имам Шамил, видевший в браке залог благосостояния горцев, всеми мерами стремился облегчить заключение брака, поэтому старался уменьшить кебин. Так, в селениях Гимра, Харакуни и других, где потеря мужчин, попавших в плен или убитых при набегах, была велика, величина кебина составляла от 25 копеек до 1 рубля.

Продажи дочерей в замужество в северном Дагестане не было. В южном Дагестане (в Самурском и Кюринском округах) и в части Табасарана (область компактного проживания табасаранцев в южном Дагестане) родные невесты при изъявлении согласия на брак выговаривали от жениха условленную сумму в свою пользу. У кюринцев и табасаранцев даже существовала оценка для девиц, вдов и разведённых: вдовы и разведённые ценились вдвое дешевле девиц. В Самурском и Кюринском округах бралась также особая сумма за торжественный привоз невесты (так называемые «дорожные деньги»).

Я не буду касаться вопроса применения адатов при похищении невесты или в случае её побега, а расскажу о свадебных традициях и ритуалах в селениях Дагестана, расскажу немного о свадебных нарядах дагестанских невест.

Большинство обрядов в церемонии вступления в брак были не только связаны с религиозными предписаниями адатов, но и имели магический смысл, должны были уберечь от сглаза, порчи, колдовства, от шайтанов; имели символическое значение, связанное с будущим потомством, достатком в доме молодых. Особый смысл придавался свадебному костюму невесты. Женский свадебный костюм — одно из ярких проявлений культуры народов Дагестана. Традиция нашивания различных серебряных элементов на одежду восходит к глубокой древности, о чем свидетельствуют археологические находки. Эта традиция связана с комплексом верований горцев о магической силе металла. При этом золото считалось металлом с негативной энергетикой и могло использоваться для наложения порчи, вредительства в священных обрядах брака и рождения, поэтому в свадебном наряде использовались преимущественно серебряные украшения. К примеру, свадебный наряд ругуджинской невесты дополняли традиционные большие многоярусные подвески — «куц». Они крепились на колечках к туникообразному платью «горде», по 2—3 спереди, а иногда и на спине. Ругуджинка надевала на себя в день свадьбы около шести килограммов серебра. Главная функция серебряных украшений — защитить, скрыть от сглаза злых духов. Эта традиция прослеживается в женском костюме и у других горских народов, в частности у лакцев, даргинцев*.

В селении Гергебиль невесты надевали свадебное головное украшение, которое называлось «таял», состоявшее из треугольной чуть изогнутой пластины и присоединенных к ней цепочек с мелкими подвесками из серебряных монет. Пластина была украшена растительным орнаментом с розеткой в центре. Надевалось украшение только на свадьбу и спустя определенный период (по стовору с семьей жениха — через 3 дня, 40 дней или до рождения первого ребенка) пряталось в сундук как приданое для дочери.

Кубачинская невеста надевала платье из парчи, а также вышитые золотыми и серебряными нитями «казы» — их число могло достигать до 25, различные украшения — серебряные цепочки на чухте (головной убор в виде ткани, сшитой в форме трубы, один конец надевался на голову, а второй свисал на спину, чухта (или чохта у даргинцев) — Е. М.), крупные золотые перстни, серебряные браслеты, подвески, отделанные зернью, жемчугом и самоцветами. Свадебные браслеты кубачинки надевались один раз в жиз-

---

* Гаджиева Г. Про свадьбу // «Проджи», № 2 (24), 2011.

ни и переходили от матери к дочери. Свадебную одежду невесты-кумычки целиком обеспечивал жених. В числе обязательных подарков жениха на свадьбу невесте должны были быть шкурки на шубу.

Свадебная одежда шилась из ярких, красочных тканей, цвета тоже имели свое значение. Белый, красный и чёрный цвета господствовали в свадебных церемониях, из таких тканей шились одежды невесты, жениха и их родственников. Белый цвет в нарядах, связанных с семейным бытом, в последующем стал символом радости и чистоты, красный — символ очищения, благополучия, плодородия — господствовал в одежде, а чёрный служил для умиловивления духов предков.

Как отмечает Г. Гаджиева, балхарская невеста, большую часть костюма которой украшают серебряными изделиями (оберегая невесту от сглаза) и сопровождающие ее женщины традиционно надевают национальные костюмы, в них исполняется танец невесты. Не забыты традиции и в старинном селе Кубачи. Все кубачинки замуж выходят непременно в национальной одежде, в такие же костюмы наряжаются и подружки невесты и ее родственницы. Так же, как и 100—200 лет назад, сегодня на гунибскую невесту накидывают 5 платков. Первый снимают у дома родителей при передаче ее жениху. Второй платок снимают при подъезде к дому жениха, третий платок — в доме жениха. Четвёртый платок снимают подруги, чтобы показать невесту жениху и родственникам. Пятый платок снимает сам жених. За каждый снятый платок было принято давать выкуп.

По старым обычаям за месяц или за три недели до вступления новобрачной в дом мужа жених и невеста ежедневно приглашаются своими родственниками, которые угощают их и почетную свиту. Всё это сопровождается песнями и танцами под зурну и бубен, шуточной перебранкой, импровизированными стихами. В наше время молодожёнов приглашают все родственники и сельчане по очереди уже после свадьбы.

В назначенный для бракосочетания день жених уходил из своего дома к товарищу или родственнику, который назначался на свадьбе исполнять обязанности дружки. Перед сумерками жених возвращался к себе в дом, куда приходил мулла в сопровождении отца невесты или другого родственника, выступающего в качестве представителя невесты. Жених встречал муллу и гостей, усаживал муллу на своё место, а будущего тестя и гостей на ковры и подушки. После приветствий начиналась церемония заключения брака. Встав с места и подняв всех, благословясь, мулла брал правые руки жениха и представителя невесты и соединял их ладонями так, чтобы пальцы были вытянуты и не касались тыльной стороны кисти, причём большой палец жениха должен был находиться несколько выше пальца представителя невесты — в знак власти мужа над женой. Соединив таким образом руки, мулла накладывал свой указательный палец на большие пальцы заключающих брачный союз и, обращаясь к представителю невесты, произносил на арабском установленную Кораном формулу: «С помощью и с соизволения Аллаха и по пути, указанному пророком, за столько-то денег (называлась условленная сумма. — Е. М.) кебина, отдаешь ли ты свою дочь этому человеку?» (называлось имя жениха. — Е. М.). По окончании этой формулы представитель невесты повторял эту формулу и отвечал: «Отдаю». Потом мулла обращался к жениху с той же формулой и вопросом: «Берёшь ли?» Жених в свою очередь повторял формулу и отвечал: «Беру». Эти слова тро-

екратно повторялись муллой и заключающими брачный союз, а по окончании этого обряда мулла читал молитву, благословляющую новобрачных, и произносил: «Фатиха» (свершилось). Интересно, что существовали как тайные обряды злоумышления против брака, которые проводились во время бракосочетания, чтобы навредить молодым (например, завязывание узелков на нитке на каждое слово обряда или вытягивание кинжала из ножен на три пальца после каждого слова формулы, произнесение шёпотом после каждого слова формулы слов «это неправда», «это ложь»), так и защитные мероприятия против подобных магических злых мероприятий (например, на трех сваренных вкрутую и очищенных от скорлупы яйцах писалась специальная молитва защитного свойства. Первое яйцо съедал жених, за ним следом второе — невеста, а третье они делили пополам и съедали. Обряд должен был предохранить молодых от обессиливания и болезней).

До начала обряда мулла посылал к невесте двух человек, которые должны были затем с её слов подтвердить её добровольное согласие на замужество. Эти люди обязательно должны были потом присутствовать в момент заключения брака как свидетели. Неисполнение этой формальности относительно совершеннолетней невесты делало брак недействительным. Само название бракосочетания — «магар» (или «махар») переводится с аварского как «заключение брачного торга».

На каждой свадьбе обязательно был тамада — ведущий свадьбы. В селениях некоторых районов тамадой сельских празднеств, в том числе и свадеб, избирался на весь год один человек. Так, у даргинцев предгорья ежегодно в начале зимы принято было совершать обряд хола шах (досл. «большой шах»): мужчину, избранного шахом свадеб на предстоящий год, возили в санях по всему селению; это был почётный объезд вверенной ему «праздничной территории». Шахом избирался человек, обладавший умением поставить впечатляющий спектакль, хотя и по известному, веками разработанному сценарию, но с неизбежной импровизацией в смеховой части ритуала. Шах вместе со своими помощниками руководил всем ходом свадьбы, веселил гостей, поднимая им настроение остроумными шутками, наложением шуточных штрафов, являлся инициатором разыгрывания шуточных сценок.

Следует отметить, что для создания комического эффекта шах к присутствующим обращался через своих помощников, которые выступали в роли «переводчиков». При этом последние часто произвольно меняли смысл сказанного на противоположный, чтобы вызвать смех у присутствующих, а иногда вообще объявляли хана, шаха немым и от его имени сами «управляли». В связи с предписанной ему ролью не понимающего язык подчиненных шах не должен был смехом реагировать на ведущиеся его помощниками разговоры от его имени, на шутки и проделки ряженых. За нарушение этого условия на него накладывался штраф: устройство праздника с угощением для присутствующих, а в отдельных случаях он мог быть и «низложен» как не справившийся со своей ролью.

Часто свадебные торжества занимали несколько дней. Так, в лакских селениях Кая и Унчукатль (не путайте с известным аулом кузнецов — Унцукуль!) свадебные мероприятия длились 7 дней, в каждый из которых выполнялись определенные ритуалы. К сожалению, старые обычаи уходят в прошлое, забываются, поэтому даже уроженки этих селений не смогли

подробно описать мне все обряды, вспомнив только некоторые подробности. В определённый день собравшиеся в доме невесты родственницы шили одежду для невесты, в четверг (или в пятницу) обязательно готовили мучную халву, которая у даргинцев называется беккук (кстати, очень вкусную! Её и сейчас готовят в праздники, например к празднику ураза-байрам. Рецепт её приготовления прост: в разогретое топленое масло постепенно добавляют просеянную муку и долго томят в тазу или чугунной кастрюле на огне, постоянно помешивая деревянной лопаткой. Этот процесс занимает 3 часа, мука приобретает золотистый цвет. Через 3 часа добавляют сахар или сахарную пудру, продолжая постоянно помешивать. Когда халва готова, её выкладывают на плоский поднос или тарелку и разравнивают, дают остыть и нарезают квадратиками). В некоторых лакских селах к невесте посылали раскроенную одежду для жениха, которую невеста должна была сшить, а жених — носить до окончания свадебных торжеств. В селении Унчукатль невесту вели к дому жениха пешком, а в селе Кая — обязательно забирали на лошадях, причём количество лошадей в упряжке подчеркивало состоятельность тухума (рода) семьи жениха. В этих же селах существовал обычай наряжать «свадебное дерево», и с ним тоже был связан интересный обряд: когда со свадебного дерева похищались конфеты, орехи, то похитителя ловили, связывали и не отпускали, пока его родные не внесут за него назначенный выкуп.

Интересные сведения о лакских свадебных обрядах приводит А. Г. Булатова: у лакцев собственно свадьбе предшествовал обряд душ шабитан — «посадить девушку-невесту». Он заключался в том, что в доме невесты в этот день собирались ее подруги-ровесницы, от жениха приходили к ней несколько женщин с мешочками хны и подарками. Мешочки с хной и подарки раскладывались на большом медном подносе, который потом переходил в собственность невесты. Женщины разводили в воде хну и красили ею ладони невесты; это означало, что теперь до свадьбы она не должна выполнять никакой физической работы. Пришедших угощали кисло-сладкой мучной кашей на абрикосовом соке с подливой из урбеча. С этого момента невеста называлась виришар и целую неделю, иногда и больше, должна была сидеть дома, никому не показываясь за его пределами, с подругами, которые ее развлекали. Это одна из проявлявшихся в горской среде разновидностей избегания, где таковое вообще большого распространения не имело, видимо, потому, что девушка-горянка была важной рабочей единицей в семье. Если после начала периода душ шабитан кто-то из мужчин — родственников жениха или он сам появлялся в том квартале, где был дом невесты, ее подруги срывали с него шапку, которую получить обратно он мог только за выкуп.

Девушки, собиравшиеся у невесты во весь период ее предсвадебного затворничества, шили для нее новую одежду, так как ничего из того, что она носила в родительском доме, не полагалось брать с собой в дом мужа: существовало поверье, что это может навлечь на мужа всякого рода несчастья. Днём девушки здесь работали, а вечерами развлекались: играли в ритуальную игру узуккирте буккаву («стремечко») или катали по наклонной доске яблоки и орехи так, чтобы сбить последующими экземплярами предыдущие, которые в случае удачи становились собственностью выигравшей. Здесь же девушки пели, танцевали, подражая манерам того или иного

лица в селении, разыгрывали всевозможные бытовые сценки с шутивными диалогами и переодеваниями. Переодетая в мужчину девушка могла отсюда пойти по селению, зайти в какой-нибудь дом. Там сразу понимали, откуда явился ряженный, и включались в игру: начинались приветствия, расспросы, переодетую девушку встречали как кунака из другого селения, оказывая положенные ему знаки внимания, но в шутливой форме. Девушка отмалчивалась или объяснялась жестами, из чего хозяева «заклучали», что кунак немой. Если же девушка отвечала на вопросы, она говорила изменённым голосом, иногда стараясь передать диалектные особенности речи того или другого селения. Затем, станцевав с женщинами, с кривляниями и ужимками, переодетая исчезала. Не каждая девушка могла разыграть подобную сценку, в селениях были признанные мастерицы, обладавшие даром перевоплощения.

Во многих сёлах было принято демонстрировать приданое невесты. В аварском селе Ругуджа в день показа приданого невесты от жениха отправляли ей подарки, разложив их на нескольких огромных подносах. Это были предметы одежды, мог здесь быть и ковер или украшения, но обязательным элементом был особый хлеб кудияб чед в диаметре около метра. На его выпечку шла большая мерка муки (12 кг). Пекли его в горячих углях очага, положив на огромную каменную плиту. Отдельно на этой же плите выпекали из теста фигурки домашних животных: барана, козла, коровы, быка, курицы, петуха и т. п.; они устанавливались на готовом хлебе вертикально, попеременно с ядрами грецких орехов и вареными яйцами. При изготовлении хлеба в тесто добавляли кусочки сухой колбасы и орехи. Хлеб этот был символом плодородия, посылкой его выражалось пожелание изобилия, материального благополучия, богатого урожая хлебов и обильного приплода скота. Вместе с хлебом отправляли такого же размера халву. И то и другое в доме невесты разрезалось на мелкие кусочки и раздавалось всем её родственникам. Подарки несли целой процессией двое мужчин и женщины. Впереди шествовал близкий родственник отца жениха, навесив на плечо два засушенных бока барана, связанных вместе, и держа в руке кувшинчик бузы. Затем выстраивалась вереница женщин с подносами с одеждой и тканями от жениха, с кудияб чед и халвой, после них — родственницы жениха с подносами от себя, на каждом из которых был отрез ткани на одежду и хлеб большого размера; завершал процессию мужчина, нёсший курдюк, наколов его на палку. Смотреть на это собиралось всё село, приходили даже с хуторов; если дело происходило летом, оставляли даже полевые работы. Само шествие в окружении большого числа зрителей, сопровождавшееся пением, разноцветные одежды участниц процессии, вынутые по этому случаю из сундуков, обилие на них серебряных украшений, яркие пятна предметов одежды, постельных принадлежностей, развешанных и разложенных на веранде невестиного дома и во дворе его, представляли собою красочное зрелище*.

Своего апогея свадьба достигала в день привода невесты. У народов Южного Дагестана, в том числе и у лакцев, живущих среди лезгинских народов, принято было в этот день с утра выводить жениха из «другого» дома на площадь селения и здесь одаривать его разнообразными подарками, в

---

* Булатова А. Г. Указ. соч. — С. 151.

том числе и деньгами. Сюда женщины — родственницы жениха — шли целой вереницей, неся на голове подносы, полные яств и подарков для него (всевозможные сладости, орехи, крашеные яйца, фрукты, халву, конфеты и т. п., материю на одежду). Ступив на площадь, каждая из женщин с подносом делала танцевальный круг и ставила поднос на стол перед женихом, а на шею ему накидывала принесённый отрез ткани. Стоящие около жениха два его друга складывали подарки в заранее приготовленные хурджины, которые относились в «другой» дом, где жених во многих случаях находился еще несколько дней после свадьбы. Мужчины клали перед женихом деньги. Молодёжь, ровесники жениха, танцевали перед ним, пытались похитить что-нибудь из продуктов или напитков, стоящих на столе перед женихом. Для предотвращения этого у стола дежурил третий друг жениха с длинной палкой. Если палка доставала похитителя, он штрафовался чем-нибудь из продуктов. По пути жениха сюда и здесь делались попытки его похищения. Он не должен был этому сопротивляться. Похитивший назначал выкуп за его освобождение, который должен был платить или распорядитель торжества, или опекун. Укравший папаху жениха нёс её в дом невесты и получал за неё выкуп с её родителей.

Невесту в дом жениха переводили под вечер, у некоторых народов и этнических групп она шла туда ночью, иногда переход этот старались сохранить в тайне. Так, в селе Ругельда общества Келеб в вечер заключения махара девушку уводила к себе её старшая замужняя сестра или другая близкая родственница, сюда же в этот вечер тайно приводили жениха и здесь заключался брак. У бежтинцев невесту забирали в дом жениха из «другого» дома, разведав предварительно её местонахождение, так как она несколько раз меняла его, переходила из дома одной подруги в дом другой. В селе Анди невесту также вели поздно вечером две-три посланные за нею из дома жениха женщины и женщина из числа её родственниц, опекавшая её. Последняя накрывала её полой своей шубы так, чтобы присутствие невесты среди женщин вообще не было заметно. Вели её тайно, обходными путями, но молодёжь, угадав её маршрут, старалась перекрыть ей дорогу, чтобы получить выкуп. Обманный маневр производили и лакцы в тех случаях, когда боялись нанесения недоброжелателями вреда невесте разнообразными магическими манипуляциями: в свадебной процессии с соблюдением всех обрядов отправляли ложную невесту, в то время как настоящая обходными путями уходила в сопровождении одной или двух подруг.

Вообще в старину невеста шла в дом жениха хотя и явно, но ночью у лакцев, даргинцев, у большей части аваро-андо-дидойских народов. Даже в тех случаях, когда в отдельных селениях этих народов (Гергебиль, Тлюх, Араканы — у аварцев, Балхар у лакцев) невеста выходила из своего дома утром, в дом своего будущего мужа она вступала ночью; по словам информаторов, невеста в пути делала шаг вперед, два назад. Иногда она растягивала шествие на два дня, ночуя по дороге у кого-то из родственников, так как она сама и вообще её сторона должны были демонстрировать отсутствие у них спешки, как бы нежелание идти туда. Поэтому процессия с невестой везде, где не было тайного перехода её, шла медленно, с частыми остановками для танцев.

Точно так же невеста в горных селениях даргинцев (Ашты, Кунки, Сулевкент, Герга, Верхний Мулебки и др.) показывала свое нежелание идти

тем, что в дороге внезапно останавливалась, так что сопровождающей её женщине, шедшей перед ней и державшей её за матерчатый пояс, приходилось тянуть её вперед. Этой же цели служил и ритуальный плач невесты перед выходом из родительского дома в некоторых сельских обществах.

Послов жениха не всегда впускали сразу в дом невесты. Так, у годоберинцев их долго держали у ворот, «выясняя», что это за люди, зачем пришли. Иногда шуточные препирательства сторон затягивались, пришедшие облагались «штрафом» как возмутители спокойствия. Характер диалога зависел от остроумия мужчины, возглавлявшего пришедших. У даргинцев отдельных селений (Киша и др.) вывод невесты из родительского дома сопровождался смеховым действием, называвшимся гьабагь кайсан — получение денег. Он состоял в том, что в этот момент в дом невесты врываются двое юношей из числа жениховых друзей. Каждый из них по 3 раза подряд должен был правильно назвать имена присутствующих в комнате. Если кто-то один из них или оба ошибались, их перевязывали в поясе шерстяной верёвкой, подвязывали к потолочной балке и держали в таком положении (обычно недолго), пока имена не назывались правильно. Здесь бывало много смеха, шуточных препирательств по поводу правильности сказанного. Затем родители невесты клали в шапки этих юношей мелкие деньги, на которые те позже покупали конфеты, орехи, фрукты для собравшейся сюда молодёжи.

У кайтагских даргинцев был ритуал, связанный с «допросом» невесты в доме жениха. Когда гости со стороны невесты уходили, жениха и невесту вызывали в комнату, где сидели мужчины, родственники жениха. Мужчины задавали невесте грубоватые вопросы: «А зачем ты пришла в этот дом?», «А почему твои родственники ушли, а ты осталась тут?» Невесте оставалось только краснеть и отмалчиваться, она становилась предметом шуток со стороны родственников молодого мужа...

О свадебных обычаях в разных селах Дагестана можно говорить бесконечно долго, настолько интересна эта тема. Обряды, ритуалы, традиции и обычаи существовали во всех областях жизни горцев, сопровождая их от рождения до смерти, и очень жаль, что эта важная часть нашей жизни забывается, уходит в прошлое, а на смену древним обычаям приходит современная свадьба, играемая в огромных банкетных залах, с приглашением до тысячи гостей, с лимузинами и нанятыми певцами, «мегазвездами» дагестанской эстрады... и почти не звучат барабан и зурна, народные песни и ритуальные свадебные игры и сценки...

Ирина Нисина

Родилась на Украине в городе Виннице. Закончила с отличием Казанский институт культуры и Винницкий пединститут. В 1994 году переехала на постоянное жительство в Австралию.

Ныне живёт на Голд Кост в штате Квинслэнд, преподаёт владение информационными технологиями в государственной школе. Семейные записки вскоре вырвались из рамок и, переродившись в отдельные рассказы и повести, стали бесконтрольно плодиться и размножаться. Повести, рассказы и очерки опубликованы в газетах и журналах «Стороны света», «Чайка», «Лексикон», «Филадельфия» (США), «Алеф» (Москва—Нью-Йорк), «Интеллигент», «Меценат и Мир», «Южная звезда» (Россия), «Австралийская мозаика» (Австралия), «Самовар» (Канада), «Учитель Алматы» (Казахстан) и др.

Ветка мимозы

Мимоза была ярко-желтая, с крупными пупырышками, нежно-зелеными листочками и упругими стебельками. Она была совсем свежей, ее не сорвали, а аккуратно срезали и так же аккуратно уложили в чемодан. Там уже лежало так много цветов, что у женщины, укладывавшей мимозу, разболелась от запаха голова. Но она продолжала улыбаться, ей хотелось, чтобы ее муж, молчаливый и не щедрый на ласку, видел ее не усталой и бледной с большим животом, а улыбающейся, веселой, в радостном ожидании. Женщина очень боялась, что ребенок решит родиться раньше, чем вернется муж, и некому будет помочь ей добраться до больницы. Но она не хотела говорить об этом.

Они выбрали этот заброшенный поселок для жилья потому, что здесь, в стороне от дорог, ведущих в ставший таким жестоким мир, мужу было спокойнее. Там рушились семьи, уходили в прошлое страны, перестала цениться дружба и взаимная помощь, то, к чему они привыкли с детства. Этот мир пугал их обоих: его — потому что он никак не мог привыкнуть к жизни без войны. А ее — потому что мир сделал его таким, живущим, как во сне, в этом непонятном слове «депрессия», которое она вспоминала каждый день, просыпаясь утром и еще не открыв глаза. Женщина мысленно согласилась с мужем, когда он увез ее сюда. Здесь, вдали от шума большого города и ежедневных новостей с телеэкрана, у него было больше шансов опять стать таким, каким он был до войны. Родители не мешали, старались понять, ждали.

До родного города было полдня пути на юг. А до новой границы — полдня пути на север. Когда-то в этом поселке жил его дядя. Но дядя взял жену из другого народа, поэтому им пришлось уехать отсюда навсегда. Они теперь живут рядом с родней жены. Писали, что счастливы, оба работают, дети учатся, старший — уже студент. Что ж, его дядя сделал свой выбор, а он — свой.

Они поселились в бывшем дядином доме. Здесь было все нужное для жизни простой и незатейливой. Сохранилась даже небольшая библиотека, и женщина вечерами читала мужу вслух. Он притворялся, что занят своими делами и не слушает ее. Но она знала — не пропускает ни слова, понимала по его дыханию, то учащенному, то замирающему.

Он закрыл полный мимозы чемодан, и вдвоем они погрузили его в багажник белого «Москвича». Машина была старая, но еще ни разу не подводила, бегала исправно. Он не предлагал жене поехать к отцу в город, где была больница и где в доме, полном женщин, она могла бы спокойно дожидаться родов. Она не просила его об этом, понимала, что муж не хотел, чтобы родные видели ее стоптанные сапожки, старенькую голубую, еще девичью, курточку с капюшоном.

А он думал купить ей в городе подарков, чтобы она поняла, как ему хорошо с ней. Хотел даже привезти ей сладостей, в изобилии продававшихся на рынке, побаловать ее.

Но это потом, после мимозы.

Машина легко взяла с места и скрылась за поворотом. Она еще немножко постояла, глядя на дорогу, потом взяла с крыльца ведро и медленно пошла к колонке на площади. Ее длинное платье из хан-атласа, самого яркого, который смогла найти на рынке свежесобранную (восемь цветов!), трепетало на ветру, обнимая живот. Она поправила платок и попыталась стянуть полы куртки. Солнце уже светило по-весеннему, а степной ветер был еще холодным. Женщина повесила ведро на кран и взялась за рычаг. Люди бросили поселок, ушли. А колонка, качавшая артезианскую воду, все еще работала.

...Мужчина торговал мимозой, спрятав лицо в воротник бушлата и ежась от холодного мартовского ветра. Торговля шла бойко, цена у него была чуть ниже, чем у других, а мимоза — свежая, яркая, с крупными пупырышками. К вечеру чемодан его опустел, на дне осталась одинокая веточка. Мужчина, прихрамывая, отнес чемодан в багажник «Москвича», припаркованного неподалеку. Он прошел дальше по улице в манящее мясным запахом кафе «Алан» и спросил поесть. Молча поужинал, долго пил чай, подливая в пиалу из расписанного цветами чайника. Все время думал о жене. Он подсчитал, что ребенок должен родиться после двадцатого марта. Сегодня только седьмое, начало месяца. Еще как минимум дней десять, волноваться не о чем. Он решил, что на следующей неделе все-таки отвезет ее к отцу, пусть женщины позаботятся. У них в доме уже двадцать лет никто не рожал. Мать, тетки, вдовая сестра, племянницы — все соскучились по детям, пускай порадуются. И после родов матери нужен уход, одна она не справится! Он вдруг представил, что у жены начались роды и она стонет, лежа на кровати в их большой спальне, или ходит, раскачиваясь от боли, по комнатам их пустого дома. А если...

Нет! Быть не может, еще две недели, не меньше. И признаков никаких, она бы сказала. Чемодан вчера подымали вместе — и ничего!

Чемодан...

Он быстро расплатился и прихрамывая поспешил к машине. На выезде из города заправил полный бак и залил бензином две канистры.

Под утро совершенно разбитый, усталый до тумана в глазах, он подъехал к поселку. В доме было темно. Он тихонько разделся, прошел в комнату и прилег на тахте, накрывшись своим же бушлатом. Спал недолго и проснул-

ся, когда солнце еще только взошло. Она не кричала, но по ее дыханию он понял — началось. Он встал, плеснул в лицо воды из умывальника, снял с крючка ее голубую курточку, прошел в спальню. Жена тяжело дышала, пыталась сдержать стон, руками комкала под себя простынь. Увидела у него в руках курточку, замотала головой — «нет!». Да он и сам видел, что они уже никуда не поедут, — на кровати расплывалось мокрое пятно.

Все утро он слушал дыхание жены. После полудня она стала стонать, к вечеру стон сорвался на крик. А когда крик стал протяжным, он понял — скоро. Чистые простынки лежали в шкафу, там же старенькие полотенца, пеленки — все накрыто марлей. Воду он давно принес и сейчас поставил ведро на плиту. Он топил плиту весь день, скармливая огню ветку за веткой, только чтобы хоть чем-то себя занять и не думать, как она мучается там, в спальне. Если бы он мог забрать эту боль! Он-то выдержит, не такое на войне стерпел, да и после войны досталось. Но он не мог думать об этом, когда она так старательно пыталась сдержать крики. Он принес ей чаю, размочил лепешку, заставил в полдень поесть. Потом обтер ее горячей водой — слышал, что помогает, — переменял ей рубашку. Позже принес еще чаю.

Жена снова закричала, долго, тягуче. Он вздохнул, взял из шкафа полотенца и пеленки, прихватил на кухне бутылку со спиртом и вошел в спальню. Он знал, что делать. Десять лет назад они с отцом везли через перевал овдовевшую в одночасье, беременную на последнем месяце, безутешно плачущую сестру. Около полуночи машина стала, и пока отец копался в моторе, пытаясь в полутьме, под тусклым светом фонарика, найти повреждение, у сестры начались роды. Они с отцом тогда уложили девочку спать в стороне от дороги, а сами водили сестру вокруг машины до самого рассвета, пока она не стала кричать, что сейчас уронит ребенка на землю. Отец принимал роды, он только помогал. А мальчик у сестры родился мертвый...

У него затряслись руки, и он схватился за спинку кровати. Жена подняла на него полные боли глаза и снова застонала. Он погладил ей живот, обтер мокрым полотенцем ее вспотевший лоб. Теперь его очередь быть главным, тем более что помощи ждать неоткуда.

Ребенок родился через час. Мужчина потихоньку, очень осторожно, вывел мокрую головку, потом плечико. Со следующим стоном матери маленькое тельце доверчиво скользнуло к нему в руки. Набросив на новорожденного пеленку, он поболтал лезвием ножа в стакане со спиртом и перерезал пуповину. В подставленный тазик выпала плацента, стекли мутноватые последние воды. Он вынес таз на улицу, вылил в яму. Когда вернулся, жена уже спала, положив маленького у подушки.

И только тогда он понял, что не знает, кто у него родился. Первенец-сын, как положено иметь любому гордому мужчине их народа, или девочка, за которую нужно, хотя бы для виду, поругать жену, чтобы в следующий раз старалась больше и родила мальчика. И он с удивлением понял, что ему, так ждавшему сына и наследника, теперь все равно. Главное — они вместе, вдвоем, нет, уже втроем. И у них обязательно будут еще дети, много детей, мальчиков и девочек. Мужчина хотел сказать об этом жене, но не находил слов, а она спала. Да и занят он был — воду наливал в тазик. Попробовал воду локтем, как пробовала мама, когда купали младшего брата. Вроде хорошая. Он расстелил пеленки на кровати, взял лежавший возле подушки

невесомый сверток. Мягкая ткань беззвучно соскользнула с крохотного тельца. Сын!

В воде мальчик сначала тихонько заскулил, но потом перестал и, открыв темные материнские глаза, посмотрел на отца. Он вытер маленького стареньким мягким полотенцем, запеленал как умел. Потом прошептал ему на ухо все, что положено прошептать первенцу-сыну, и снова положил между подушек, радуясь, что тот пока не плачет и не просит есть, а значит, даст матери еще немного поспать. Маме...

Внезапно слезы обожгли ему глаза. И с этими слезами, недостойными настоящего мужчины, главы семьи и воина, его сердце наконец победило. Он понял, что нужно вернуться в этот недобрый и несправедливый мир. Понял, что нерадостен без него их старый дом, несчастливы родители, потерявшие троих сыновей из четырех, что ждут не дождутся родные, когда в доме снова зазвучат детские голоса. И еще понял, что не вправе он отбирать этот мир у сына, каким бы неправильным мир ни был.

Он сгреб одежду с полок, затолкал в сумку, сверху бросил, сняв со стены, несколько фотографий в рамках. Отдельно, завернув в марлю, положил детские вещи. Подумал, порылся в стопке пеленок и вынул две про запас. Методично расстелил одеяльце, взял в шкафу пустой пластиковый пакет и, разорвав его, разложил поверх одеяла, накрыл пеленкой.

Ребенок завозился в подушках, потом тихонечко замыкал. Жена проснулась, застонала, заворочалась, устраиваясь поудобнее, и тихонько ахнула, схватившись за живот. Он понял. Из открытого шкафа достал салфетки, нарезанные из старых простыней, аккуратно выстиранные и сложенные в уголке на полке. Две отнес жене, неловко ткнув ей в руку. Остальные хотел уложить в сумку, но там уже было полно — не закрыть. Он пошел за чемоданом. Нести одному было не с руки, и он опять вспомнил, как они вдвоем грузили цветы в машину. Вспомнил еще, что у него есть много денег и в городе он сможет все купить для ребенка. И жене подарки он так и не купил! Дома можно попросить племянницу, девчонка всего на пять лет моложе жены, знает, что выбрать.

Чемодан улегся на тахту, шелкнули замки. На дне лежала забытая ветка мимозы. Ярко-желтая и все еще свежая. Весь чемодан ею пропах. Он вытащил мимозу, хотел отложить ее в сторону — и замер. Вчера на рынке (неужели только вчера?) люди покупали мимозу, радовались ей, подсчитывали, загибая пальцы, сколько букетиков им нужно купить. Матери, жене, дочке, тетке, да мало ли!

Он никогда не дарил жене цветов. Мужчины их народа не дарят цветы невестам. Родители договорились их поженить когда он еще был в госпитале. Встретились на обручении, через месяц поженились, а после свадьбы уехали сюда. За два года двадцать слов друг другу не сказали. Да и о чем говорить, если жена хорошая и знает свои обязанности. Вот, и мальчика родила, постаралась. Слезы снова обожгли глаза. Он посмотрел на ветку мимозы, все еще зажатую в кулаке. Медленно прошел в спальню, где, весь красный от стараний, его сын сосал грудь. Она подняла на него глаза, смутилась, накинута на грудь уголок одеяла.

И он протянул ей мимозу.

Сергей Ледовский

Живет в Мельбурне, работает программистом.

«Люблю музыку, не только классическую, играю на гитаре. Пытаюсь писать, и музыку тоже. Родился в Молдове. Жил в Канаде. В Австралии — с 1996 года. Хочется домой, вернуться и жить там, вряд ли это сбудется, уже основательно осел здесь. Рыжий мальчишка, мой маленький сын — родом отсюда, и даже если он когда-нибудь заговорит по-русски, то вряд ли назовёт коалу чебурашкой, а дим-сим пельменем...»

Музыка Козьмины

Козьмина с самого раннего детства слышала музыку. Не вычурную мелодию мыслей или фантазий. Просто музыку. Случалось это ранними тихими вечерами. Сначала невидимый оркестр давал какую-то ноту, словно настраиваясь. Козьмина разрешала начать. Робко вступали струнные и, пока Козьмина ещё не сосредоточилась, выдавали какие-то вымученные пассажи, просто так, для поддержания темы. Они могли нудить долго, пока Козьмина наконец не зажмурилась и не начинала командовать. Слова «дирижировать» она не употребляла. Любила валторны. Она их включала в первую очередь, валторны умиротворённо вторили струнной группе и затем медленно притихали. Потом вступали клавишные. Они изливали всё, что могли, и тоже уходили на задний план. Тут наступала очередь всяких неожиданных и даже экзотических инструментов. Вклинивались замысловатые рожки, шамисены, дудуки. Звучала гитара. Затёсывались синтезаторы. Даже колокольный звон присутствовал иногда. Вечер проходил. Оставались опять только струнные, которые Козьмина постоянно унижала, они звучали всегда для гармонической поддержки до последнего, без выкрутасов. Раболепно и назойливо. Когда хотелось заснуть, она отправляла невидимых струнников на покой, иногда прикрикнув даже: «Пошли вон! Надоели». Невидимые пюпитры складывались, и Козьмина утихала.

Из внешней музыки ей больше всех нравился Скарлатти. Доменико. Да, она преклонялась перед гением Баха, но в конце каждой баховской пьесы с ускользящим смыслом слышала: «Ну вот, а теперь послушайте ещё это». Музыка Баха была нескончаема, венадоедлива. Она была органична и безгранична, как жизнь. Но ей больше нравился Скарлатти. Каждая его соната, обрываясь, говорила: «Это всё! Навсегда! Уйдите все!» Это завораживало Козьмину больше всего. Доменико был её лучшим воображаемым другом. Моцарта она считала легкомысленным мальчиком, одарённым повесой. Бетховен был букой. Шопен заставлял страдать от сладостного диабета. Мусоргский был гениальный неряха. Римский-Корсаков — академический шмель, работяга и ворчун. Штраус — вальсирующий жуир. Любила она Рахманинова и Прокофьева, но времени разобраться в их замысловатых формах не хватало. Она словно отложила их в сторонку для будущих впечатлений. «Пусть Серёжи полежат пока на полке», — говорила себе она.

Музыкального образования у Козьмины не было. Имея в голове собственный оркестр, она сознательно упустила из виду, что существует ещё иная, непонятая теория музыки, отличная от её собственной. Её устраивала своя, уютная и послушная, и казалось, что если она начнёт постигать какую-то ещё музыкальную грамоту, это может разрушить её собственную внутреннюю гармонию звуков. «Ни за что!» — говорила она себе. Отсылала струнников спать и сама засыпала.

Andante

Знойный, душающий август перевалил за середину. Ветер гонял по асфальту опавшие раньше времени, иссохшие листья. Запах гари бесцеремонно бродил по бульварам и настойчиво врывается в неплотно закрытые форточки. Козьмина забыла, что бывает зима и снег. Время остановилось и замерло, словно задумавшись, двигаться ему вперёд или повернуть назад, повторно истязая измученных жарой людей. Козьмина жары не замечала, ей казалось теперь, что если с ней в этом августе ничего не произойдёт, то уже не произойдёт никогда. Она часами просиживала в тенистых уголках ближайшего парка, празднично раскрывая свою постаревшую от ненужности книгу, словно жалея её, демонстрируя той, что по-прежнему любит её и нуждается в ней. Сама же она украдкой вычитывала свежие мысли из других, более юных изданий, сверкающих глянец и уверенностью в своей оригинальности и новизне.

По утрам шла в библиотеку, в прохладу и тишину её залов. Долго что-то выискивала. Выбирала, перечитывала, никогда ничего не записывала. Иногда, бродя среди стеллажей, закрывала глаза, пытаясь на ощупь определить примерное содержание той или иной книги, её настроение. Шла в музыкальный отдел, где, дотрагиваясь до корешков сонатных альбомов, мысленно беседовала с Доменико обо всём, о чём ещё не успела. Сосредоточенно прослушивала. Просто подолгу сидела, размышляя.

Однажды, находясь в привычной задумчивости, она почувствовала чьё-то присутствие. Кто-то, лет двадцати восьми, «мужского пола», как мысленно величала всех мужчин Козьмина, держа под мышкой фолиант, о чём-то её спрашивал. Козьмина включила внимание и взглянула на него.

— Может, вам помочь? Вы так задумались, словно не можете определиться с выбором.

— Вы разве работаете здесь? Я вас не помню.

— Нет, что вы. Я просто предлагаю помощь. Я здесь часто бываю.

— Я тоже здесь часто бываю и вас не помню.

— Мне кажется, вы не можете никого здесь помнить. Такое ощущение, что вы здесь чувствуете себя единственным посетителем. Это что, ваша зона комфорта — никого не замечать?

— Моя зона комфорта — не разговаривать с незнакомыми мне людьми.

— Коротко и ясно. Что ж, тогда я пошёл... Знаете, у меня есть ещё только один вопрос. Я заметил, вы любите Скарлатти.

— Слушаю.

— Вам не кажется, что Скарлатти в конце каждой своей сонаты словно говорит: «Хватит»?

- Бред!
- Да, вообще конечно.
- Меня он просит больше не приходить. Но я всё равно возвращаюсь.
- Ах, вот что, — незнакомец явно пытался сдержать улыбку.
- Пойдите! Что? Что он вам говорит?
- Да нет, мне лично ничего. Я просто ...
- Это вы у меня просили почитать книгу! Вы? «Космогенез разума».

Отвечайте!

— Я? У вас? Ну, я не знаю. Мы с вами каждый день посещаем эту библиотеку. Тут хранятся миллионы томов... Впрочем, конечно, я бы предпочёл одолжить её именно у вас.

— Вы не одалживали. Я забыла её на скамейке, а вы нашли, позвонили и просили дочитать. А потом вовремя не вернули.

— Очень романтично. Но хочу заметить, я всегда книги возвращаю вовремя. Даже если это «Космогенез разума». Это мой принцип. Я не люблю никого задерживать, кто-то, может оказаться, нетерпеливо ждёт своей очереди.

— Я тоже терпеть не могу, когда задерживают.

— Хотя, если кто-то бы нашёл мою, я в знак благодарности...

— Извините, мне пора. До свидания.

Allegro ma non troppo

Козьмина обычно, не нуждалась ни в чём присутствии, всегда считала, если кто-то очень нужен — случается цепочка счастливых или просто удачных совпадений, в зависимости от степени нужности. И всё разрешается само собой. Если и не само собой, то при небольшом усилии, мысленном, конечно. Мысленная энергия, витая в пространстве, создаёт события благоприятного свойства, затем, словно бусы, нанизывает их на верёвочку жизненной линии. А дальше: сколь верёвочке ни виться...

Её отец в юности учился на архитектурном факультете Политеха. Измученный проектом молодой папаша преддипломным вечером, полным неги честно выполненного дела, вдруг с ужасом обнаружил, что у него отсутствует один зачёт по практике, не то с третьего, не то с четвёртого курса. Мелочь, но неприятно, более того, ужасно, потому, что защиту всё равно не примут без полного комплекта автографов всех преподавателей. Вот в тот момент отец понял, что ему ужасно необходимо разыскать одного человека по имени «доцент Гричук», припасть к его туфле и прорыдать: «Нужна мне подпись, только подпись — какой пустяк». А тот ему типа: «Как бы не так, как бы не так», — для рифмы, чтоб складно было. Об этом не хотелось думать.

На часах было семь вечера. Казалось, времени достаточно. Но первый же сокурсник по телефону сообщил ему, что товарищ этот в институте больше не работает, лишь нанимается на время практики и номера его он не знает. Его телефона, как оказалось позже, из его друзей не помнил никто. Папаша взял с полки справочник, зажмурившись, прижал его к груди, словно Библию. Со словами «одна надежда осталась, спаси и сохрани» раскрыл справочник и начал листать. Нашёл Гричуков двенадцать человек и стал названивать всем по порядку. Надежда таяла с каждым новым неверным звонком. Оставался последний, двенадцатый.

Отец собрал волю в кулак и набрал номер. Кто-то нетрезвый на том конце провода попытался ответить:

— Вам што ?

— Здравствуйте, у меня ваша подпись отсутствует. За практику. Третий курс, а завтра защита. Мне срочно нужно.

— Што за муть, вы к кому?

— Да из Политеха я, у меня ...

— А, институт, это к моему сыну, наверное. Валентин, подойди.

К трубке подошёл сын Гричука-двенадцатого.

— Слушай, Валентин, что делать? Я ищу доцента Гричука. Отец у тебя выпил слегка. Может, он забыл, что он — архитектор? — начал нести уже полную чушь утопающий дипломник.

— Папа не работает ни в каком институте, он вообще не архитектор.

— Может, ты знаешь доцента? Ты же из Политеха.

— Да не из Политеха я. Медицинский. У отца, когда он в таком состоянии, все институты одинаковы.

— Что же делать? Вы у меня последние в списке. Остальных я уже обзвонил.

— Не знаю.

— Может, родственник у тебя есть с такой фамилией?

Валентин задумался.

— Я, помню, в лагерь пионерский ездил в четвёртом классе, семь лет назад. И там был ещё один Гричук. Просто мой однофамилец. Нас так и называли — Гричук Первый и Гричук Второй. Я — Первым был.

— Ну и где он?

— Я не знаю. Мы даже не дружили. Вообще-то, когда уезжали мы, каждому мяч подарили футбольный. И все друг у друга на мячах расписались. Телефоны, кажется, тоже оставляли. Только где этот мяч сейчас?

— Ну, может, в сарае где-нибудь, на антресолях? Сходи, глянь. Погибаю.

Валентин ушёл и вернулся через некоторое время довольный:

— Нашёл! Представляешь? Как его мама ещё не выбросила? Сейчас гляну... Вот. Гричук Второй. Записывай...

Козьминин отец дрожащими руками набрал номер, которого, о чудо, не оказалось в списке двенадцати. Первое, что отец услышал после того, как представился, было: «Студент такой-то! О чём вы вообще думаете? Вы полагаете, что это я должен бегать за вами? Сейчас же приезжайте, пока я не уснул». Аллилуйя!

Первая бусинка удачи — не большая, но очень важная. Эта бусинка сделала так, чтобы нетрезвый отец семейства попался последним, окажись он одиннадцатым или каким-нибудь другим, измученный дипломник перелистнул бы его, не думая. Вторая бусинка сделала так, чтобы Гричук Последний не бросил трубку. Третья — чтобы зацепился сознанием за сына и позвал его, хотя тот был, казалось, вовсе ни при чём. Четвёртая — чтобы сын оказался отзывчивым парнем. Пятая — чтобы дипломник был до идиотизма настойчив. Шестая — чтобы парень случайно отдыхал в одном лагере с сыном доцента Гричука. Седьмая — чтобы парень вспомнил это. Восьмая — чтобы существовал футбольный мяч с телефонами всех подряд, а не только друзей. Девятая — чтобы мяч уцелел. Десятая — чтобы Валентин не любил играть в футбол и телефон не стёрся. Одиннадцатая — чтобы

Гричуки Вторые за семь лет не съехали и не поменяли телефон. И наконец, двенадцатая бусина, самая большая, счастливого розового цвета, сделала так, чтобы доцент Гричук вспомнил самого себя в молодости, не стал ерепениться и не глядя подписал.

Чудесные бусы — символ счастья и вечной удачи. Их Козьмина всегда представляла себе очень отчётливо. Мысленно прикасаясь к ним и рассматривая каждую бусину.

Allegretto

На следующий день, в конце ещё одного изнуряюще жаркого дня, Козьмина стояла в секции живописи и напряжённо вглядывалась в репродукцию «Посещение волхвов». «Ну вот, получилось», — подумала она. Козьмину посещали волхвы. Они топтались в прихожей и, смущённо покашливая, ожидали аудиенции. Козьмина, для солидности немного помедлив, позволила им войти. В руках она держала те самые бусы счастья и удачи. Бусины были нанизаны на толстую верёвочку, раззолоченную и счастливо прохладную на ощупь. В самом центре ожерелья располагалась огромная алая бусина вечной любви, её соседкой была чёрная бусина такого же размера — любви неразделённой. Неразделённая любовь тоже являлась большой удачей, хоть и неприятного свойства. «Лучше полюбить и разбить себе сердце, — думала Козьмина, — чем вовсе не ощутить никогда и ничего в течение всей жизни». Козьмина мельком заметила, что эта чёрная бусина привлекала волхвов как раз больше всего. Поражала также размером и цветом бусина материнства. Были соседки помельче, сулящие успехи на разных поприщах, удачные женитьбы, охоты и рыбалки. Мелкие бусины, творящие такие, например, чудеса, как билет в Большой театр и на Таганку или право участия в телемассовках, были зеленовато-жёлтых расцветок. На верёвочку было нанизано и огромное число мельчайших серебристых бусинок для самых небольших, но всё равно приятных сюрпризов. Началась раздача бусин. Козьмина с достоинством снимала по одной и одаривала каждого из посетителей, оставляя самые большие и значительные нетронутыми. Вдруг верёвочка с треском разорвалась, бусины весело покатались во все стороны, с шумом ударяясь о пол, как градины. Волхвы, отталкивая друг друга, с безумно расширенными глазами бросились их собирать... В этот момент Козьмина услышала возню и покашливание за спиной.

— Позвольте, я представлюсь, на всякий случай, раз уж мы собираемся продолжать регулярно посещать это заведение.

— Зачем так длинно? Представляйтесь, — ответила она, не оборачиваясь и не отрываясь от изображения.

— У меня необычное имя. Меня зовут Никодим.

— Необычное? — повернулась она и, увидев вчерашнего собеседника, добавила: — Откашляйтесь. Сейчас я вам своё скажу. Откашлялись?.. Очень приятно, Козьмина.

— Козьмина? Замечательно! Полный набор раритетов.

— Ну вот и познакомились, что-то ещё?

— Позвольте мне пригласить вас в театр. Я уверен, вы любите. Или оперу.

— Я предпочитаю симфоническую музыку. Вам что же, понравились мои глаза?

- Почему глаза? Я этого не говорил.
- Собирались. Лучше не пытайтесь. Все мужчины с этого начинают.
- О ваших глазах?
- Это для них причинное место.

Никодим вдруг закашлялся.

— Послушайте, что-то меня сегодня кашель мучит. Шумлю, мешаю. Давайте сегодня уйдём вместе — натужно произнёс он. — Простите, я отойду, мне нужно позвонить.

Он отошёл, продолжая покашливать. Вынул листок с номером телефона, начал набирать, сверяясь с цифрами. Козьмина поёжилась от пикающих звуков примитивной мелодии.

— Алло, я не уверен, туда ли я попал. Мне нужно... — начал он.

Козьмина вдруг быстрым шагом подошла к нему.

— Что вы сказали? Вы не уверены?

— (Минуточку.) Что случилось?

— Скажите, они там, в трубке, молчали? И вы были не уверены?

— Да нет, они... В чём дело, объясните мне?

— Послушайте, давайте я вам скажу номер своего телефона, пойду домой, а вы мне позвоните.

— Что за чушь? Козьмина, вы же здесь. В конце концов, у вас что, нет мобильного?

— Нет. Вы мне позвоните, а я буду молчать. А вы скажете: «Чёрт, туда ли я попал?» Скажете?

— А почему же молчать? Что за спектакль? Козьмина!

— Оставьте меня! Я пойду..

Presto

Козьмина шла вдоль нескончаемых витрин, и ей было противно. Противно от своей несдержанности. Каждая вещь, увиденная за стеклом, её раздражала. Раздражало также собственное отражение, призрачно бредущее на фоне выставленных образцов. Любого другого это отражение могло бы только привлечь. Изысканная походка раздосадованной, разгневанной длинноногой грации с пухлыми лодыжками, чуть смугловатой кожей и волнистыми каштановыми волосами. Отражение словно пинало и распихивало выставленные бытовые приборы, россыпи кухонных принадлежностей. Умудрялось не запутаться в ворохе мужских галстуков и сорочек. Чуть не наступив на связку саксофонов и тромбонов, отражение остановилось, а затем, приблизившись к Козьмине, исчезло. Козьмина вошла внутрь. Она вдруг подумала, что никогда ещё не видела, как выглядит дудук. Её собственный внутренний дудук, с прекрасным жалобным тембром, в её фантазиях выглядел как очень тонкая амфора с узким горлышком. Он охрип, вероятно, от жары и вторую неделю отказывался звучать. Ей захотелось поглядеть на настоящий. Она подошла к ассистенту и спросила:

— Скажите, у вас есть дудук?

Ассистент вежливо улыбнулся и нарочито громким голосом обратился к кому-то за перегородкой:

— Алёна, у нас есть дудук?

— У нас всё есть, — отозвалась невидимая Алёна, имитируя кавказский акцент.

— Алёна шутит, — тут же заметил ассистент, обращаясь к Козьмине. — Сейчас данный товар у нас отсутствует. Но мы можем заказать для вас, если желаете. Доставка в течение двух недель.

— Нет, мне нужно было сейчас. Я пойду, — ответила Козьмина. Но когда ассистент отошёл, задержалась.

Она разыскала секцию струнных и остановилась. Оглядев тонкошеие виолы и виолончели с контрастными талиями и широкими бёдрами, она мысленно пообещала себе извиниться вечером перед струнниками.

— Знаете, у вас глаза... — послышалось со стороны.

— У меня глаза, — перебила голос Козьмина. — И вы туда же?

— Куда? — не понял Голос.

— Окунаете свои мысли в мои причинные места. Лучше скажите про волосы или, например, лодыжки — Козьмина решительно повернулась в направлении голоса.

— Лодыжки? — безнадёжно спросил по виду вконец оробевший молодой человек.

— Да, лодыжки. Взгляните, не стесняйтесь. Опускайте глаза, я подожду.

— Слегка пухловаты.

— Какой вы искренний! Ну надо же! Режете правду в глаза. Это хорошо. Это замечательно... А вы любите театр? А давайте сходим! Никогда не была.

— Вы никогда не были в театре?

— Ну, допустим, была. Но я обычно не слушаю, о чём они говорят. Я им не верю.

— Вы прямо Станиславская.

— Станиславская? Прекрасно! Вы тогда будете Немировичем-Данченко. Господин Немирович, берите меня под руку. Мы идём в театр. Немедленно!

Agitato Giocoso

Козьмина открыла дверь ключом. Вошла. Затем повернулась и позвала.

— Ну, проходите. Что же вы? Вам разве не понравилась постановка? Мы сейчас её обсудим.

— Я даже не знаю ещё, как вас зовут.

— Могли бы догадаться, господин Немирович тире Данченко. Константина Сергеевна.

— Константина — не женское имя.

— Ах, не женское. Скажите спасибо, что я вам не сказала своё настоящее имя. С вас пока хватит и этого.

— Ну хорошо, К-константина. Я найду. У вас есть кофе?

— У меня всё есть — медленно произнесла Козьмина, имитируя кавказский акцент. — У меня есть коньяк. У меня есть дудук. У меня даже есть бивший муж, да? Он даже иногда навевывается. Его зовут Рамал. Джигит необыкновенный.

— Ревнивый?

— Про джигита шучу. Тут целая история. Мы его вообще-то Ромкой зовём. Ничего кавказского. Просто его папу зовут Радий Савельевич, а

маму — Мальвина Викентьевна. Вот. Когда Ромка родился, они и решили это имя составить. Тогда все выпендривались, имена изобретали. А им показалось, что Рамал звучит очень мужественно. Вот и получился джигит. А после того как мы поженились, моя мама стала втихую называть его Маралом. Когда мы развелись и был большой общесемейный скандал, мой папа сказал Радию Савельевичу: «Если ваш Марал будет распускать копыта, я ему их быстро отстегну, вместе с рожками!» Я думала — подерутся. А они все вдруг рассмеялись, и расстались мы мирно. Но моя мама после развода всё равно зовёт его Амаралом.

— А что случилось?

— Не хочу об этом, хватит. Ну, давайте. За знакомство. Так, что же с нашей постановкой?..

Козьмина, выпив всю рюмку до дна, поднялась и прошла по комнате. Затем остановилась, словно задумавшись о чём-то. Вдруг в глазах у нее заблестели слёзы.

— Что с вами? — вскочил Немирович-Данченко.

— Поверили? — усмехнулась Станиславская. — А зря. Я всего лишь вспомнила, как в детстве ушибла коленку. Мне было больно, обидно и одиноко. Вот. Я представила, что это случилось именно сейчас. Налейте мне ещё.

Выпила и продолжила.

— А эти лунатики сегодня бродили по сцене, словно никогда в жизни не падали и не раздирали локтей и коленок. В зале хлопали гораздо натуральней, чем они играли, — закончила она, покачнувшись.

— Константина, что с вами? Вы, кажется, опьянели.

— Кажется.

— Вы выпили всего две рюмки.

— Я никогда ещё не пила алкоголь. Эта бутылка — для гостей.

— Я сейчас вас уложу спать и пойду.

— Договорились. Вы не могли бы завести мои ходики?

— Хорошо-хорошо, пойдёмте, ложитесь. Вот так.

— Я не спросила ваше имя.

— Называйте меня Володя, раз уж я — «тире Данченко».

— Ладн-но, Володя. Скажите, вы меня уважаете? Вы мне благодарны за что-нибудь?

— Конечно-конечно. Укройте.

— Тогда будьте ещё так добры. Когда будете уходить, напишите мне записку: «Спасибо, Коз... Константина» — на листке от календаря за 7-е число и бросьте её в почтовый ящик.

— Обязательно. Я вам позвоню. До свидания, Константина.

Allegro Vivo

Козьмина проснулась от тиканья ходиков.

Было уже позднее утро. Голова не болела, но мысли были какие-то обыденные. Что надо, наконец, в сентябре вернуться на работу. В конторе Рамала ей всё всегда прощают, но терпение может иссякнуть и у них. Что нужно купить стиральный порошок и прекратить отдавать стирку маме. Что надо

наведаться к родителям, ведь последний раз был ещё в июне. Этот немислимый ворох мыслей о делах почему-то начал волновать Козьмину гораздо больше, чем «Космогенез разума». Она встала, окончательно привела себя в чувство и для начала набрала номер Рамала.

— Ромка, привет.

— Привет, одноклассница. Ты уже зарегистрировалась на одноклассниках.ру или ждёшь, пока они изобретут внутренний компьютер? Как регистрируешься, будешь моим самым главным виртуальным другом.

— Слушай, как ты смотришь на то, если я в сентябре приду к вам опять поработать?

— Нет слов, Касьяныч. Рад безмерно. Приходи, когда созреешь.

— Спасибо.

— Касьяныч, ты только Таньке из отдела продаж не проговорись про прошлый раз.

— Я уже забыла про это. Не волнуйся.

— Ну целую. Ждём.

«Тэ-э-экс. С этим оленем разобрались», — подумала Козьмина и набрала мамин номер.

— Алё, мамуля, я решила зайти к вам в гости сегодня вечером.

— Ой, как здорово, Людмилочка! Папа будет очень рад!

— Мама, ты ещё, пожалуйста, купи стиральный порошок для меня, а то я не смогу выбрать.

— Хорошо, Люлечка. Ой! Забыла! Папа-то у нас сегодня в вечернюю смену. Расстроится, если тебя не увидит. Знаешь, доченька, ты приходи в субботу. А порошок я куплю и занесу сегодня. Гляну на твою машину, заодно и постираю. Ты не волнуйся, иди по своим делам, я возьму ключ с собой.

«Как удачно и легко всё сегодня организуется», — сказала себе Козьмина. Она быстро оделась, выпила чаю и вышла из дома, втайне надеясь не встретиться в библиотеке с Никодимом и отдохнуть в одиночестве.

Moderato Misterioso

Козьмина прохаживалась вдоль стеллажей секции нот и музыкальной грамоты. Она разглядывала издания, всматривалась в нотные знаки, пытаясь заставить эти закорючки зазвучать. Они же всего лишь беззвучно танцевали для неё. Шестнадцатые и восьмые танцевали группами, взявшись за руки. Поодиночке, словно ирландские плясуны, солидно вытанцовывали четвертные и половинки. Целые ноты не желали двигаться и, как большие белые сливы, лениво полёживали, занимая собой целый такт. Козьмина немного наклонила голову. Теперь ноты превратились в стиранные тряпочки, висевшие на верёвочках и слегка покачивающиеся на невидимом ветру. Ноты висели, прищёлкнутые прищепками дизев и бекаров. С них каплями бемолет стекала влага. Большой скрипичный ключ, словно свернувшийся узлом сторожевой удав, охранял всю эту стирку.

Козьмина взглянула на ноты исподлобья. Так получалось всё просто. Расправив ветви сквозь жёрдочки, рос виноград, раскинув, словно усы, лиги, которые беспорядочно тянулись к жёрдочкам и к гроздьям винограда.

Реальное же чтение нот представлялось ей адом. Она искренне жалела всех музыкантов. Представьте, что вы читаете книгу, а вам между строчек знаками советуют: «Быстрее! Быстрее же!» «А здесь медленнее, ещё медленнее».

«А здесь — быстро, но не очень». «Что значит — не очень?» — начинаете кипятиться вы. В этом даже есть смысл. Вот у вас в книге встретилось довольно скучное место, не страшно — читайте Allegro. А вот в этом месте — поинтереснее будет, и значок — Adagio: читайте помедленнее, получите удовольствие. Ну а если полная чушь написана — Presto, Presto Agitato. Здесь читайте тяжело, а здесь скоробно.

А вот, например, читаете вы вслух, а там значок — *p, piano* — тише то есть читайте. Дальше идёт *crescendo*, и ваше бормотание делается громче. Вы замечаете знак — *ff, fortissimo*. Вам предлагают кричать вслух и подбадривают: «Ну же, кричите, там ведь знак стоит, иначе будет неверно прочитано». Козьмина представила, какой шум стоял бы в библиотеке, если бы такая книжная нотная грамота существовала.

Самым большим ударом для книголюбителей были бы знаки повторения. Вы прочли кусок, а там знак повтора стоит — читайте ещё раз. Ну что же, неплохой знак для учебников. Самая неразбериха началась бы, если в книгах начали бы расставлять «фонари» и «кобры» — знаки сложных повторов. Дочитали до «фонаря» — теперь нужно вернуться к главе второй, читать вплоть до пятой, затем сразу перейти на двадцать шестую и читать её три раза. Ну и вольты, наконец, — варьирующиеся окончания. Читая трижды ту же многострадальную двадцать шестую главу, вдруг обнаруживаете, что в конце первого прочтения Она сомневается, выходить ли замуж за Него, во второй вольте — Она согласна, в третий раз является кто-то Третий и вся помолвка летит кувырком. «Бедные музыканты», — вздохнула Козьмина.

Coda

Когда она вернулась, мама уже достирывала и что-то вытирала на кухне.

— Привет, мамуся, как дела?

— Ты, Людмилочка? Вот и славно! Звонил какой-то Володя и спрашивал Константину. Я сказала, что здесь такая не живёт. Он сказал: «Ах да, у неё вообще-то другое имя, наверное», и он, мол, тоже не Володя, но ты его знаешь как Володю. Я ему говорю, пусть сначала разберётся, кто ему нужен и как его самого зовут, а потом звонит. И бросила трубку. А он опять позвонил. Начал спрашивать про какую-то книгу. «Космы» какие-то, я не поняла. Спрашивал, нашла ли ты книгу в ящике. Так я его сначала поздравила, что он всё-таки вспомнил твоё имя, и говорю ему: «Слушай, Володя или как тебя там, прекрати звонить, а то я милицию позову. Они твои космы тебе живо повыдергают». Люлечка, ты же знаешь, как сейчас воруют. Люля, Люля! Что с тобой?! Присядь! Присядь! Ой, господи! Опять! То Амарал этот, то Володя какой-то, тоже сволочь ещё та, алкоголик, имя своё не помнит! Люлечка, ты меня слышишь?! О, господи! «Скорую» надо.

— Мама. Мама! Да, мама же! Не надо никого! Оставь. Оставь! Я перегрелась, наверное. Жарко очень. Оставь...

Александр Ланин

Ленинград—Санкт-Петербург—Кёльн—Франфуркт-на-Майне. «Окончил Боннский университет, физико-математик. До Хокинга или Перельмана не дорос, поэтому тупо работаю в банковском секторе. Из меркантильных соображений. Из остальных — пишу стихи. С 2001 года публикуюсь по всяким интернетам. Вот недавно на “Пушкине в Британии” засветился. Небезуспешно играю в спортивное “Что? Где? Когда?”. Слуха нет. Голоса нет. Характер не нордический, но есть. Равно, как и семья в количестве жены и дочери. Люблю поэзию Сосноры и не люблю поэзию Пастернака. Бродского уважаю, но побаиваюсь. С остальными великими тоже как-то ладим».

Пять карт

1. Валет

Веки уставшие сном припорошены,
И замерзает тушь.
В небе буксует кораблик заброшенный
На холостом лету.
Ночь — луноликая тень безмятежности —
Спит на его крыле.
Здравствуй, дитя моей умершей нежности,
Маленький мой валет.

Я не носил, не кормил и не пестовал,
Не поднимал лица,
Не понимал торжества неуместного
И не винил гонца.
Не отрицал, что причастен деянием,
Деепричастен днём.
Не повторял: «Не суди, Судия. Не я
Так отражаюсь в нём».

Что моя вера — минутна и прожита,
Что мой кусок стены?
С пятого класса глаза обезвожены,
С пятого курса — сны.
Режет сугроб языка индевелого
Голос санный след.
Я отпускаю тебя — неумелого,
Маленький мой валет.

Время на скорую руку заштопано,
Дыры мозолят взгляд.
Скоро мне станет понятно, за что по нам
Из-за кустов палят.
Мелкими бесами рядятся попусту
Духи разрыв-травы.
Хочется выть, не по-волчьи, а попросту,
По-человечьи выть.

Не долетят до последних небес дары
Наших дурацких слов.
Сентиментальны пророки и бездари,
Пагубен их улов.
Только увидев, что силы не выть ищю
В очередном нуле,
Руку протянет и, может быть, вытащит
Маленький мой валет.

Жизни ли трещина, яви ль окраина,
Сна ли воздушный шар.
Мне до сих пор недоступна игра его
И непривычен шаг.
Но без него как дойти до излучины,
Не расплескав горсти?

В небе кораблик ругается с тучами,
Тучи молчат: «Прости».

2. Дама

Не бывает любви, недостойной чужого горя.
Так слезинка ребёнка снежинкой сгорает в Боге.
Разбуди меня ночью — огнём, небесами, морем,
Нарисуй мои звёзды на белом своём пороге.
Если вечер поймёт, он сумеет уйти от плена,
Но скорбит петушок о беспутном своём Додоне.
Моя тень, словно гость, покидает чужие стены.
Моя линия жизни бежит по твоей ладони.

Не бывает любви, недостойной чужого счастья.
Так неловкости ложь всё равно обернётся зверем.
Разбуди меня там, между первым и третьим часом,
Разорви мою цепь за секунду до звона звеньев.
На весеннюю улицу выйдут, рыдая, пары,
Возлагая цветы к веселорукой своей мадонне.
Но пускай моя бухта искрится рядами палуб,
Моя линия жизни лежит на твоей ладони.

Не бывает любви. Никогда. Никакой. И точка.
И томление духа — всего лишь причуда тела.
Но — дурные вампиры — мы живы, и живы только
Отражаясь друг в друге и тем сохраняя тени.
Наша хлипкая нить — не замена привычным тросам,
Ведь она и горит, и в воде, понимаешь, тонет.
Просто всё это то, что случится не с нами. Просто
Моя линия жизни бежит по твоей ладони.

3. Король

Заливался в лесу соловей, словно в ухо яд.
Это просто престол. На престоле — всего лишь я.

Это просто мой век непривычен на цвет и вкус.
В нём грешно умирать. И как минимум странно жить.
Мы уже научились швырять о помост тоску
И молиться мечу и доспеху, презрев ножи.
Мы уже научились отделке звериных шкур,
Но ещё не привыкли к естественной смене кож.
Короли не должны и на нашем больном веку
Доживать до маразма, грехами шлифуя ложь.

Я любил этот век, но, законы его поправ,
На мгновение вышел за рамки привычных пут.
Я боролся за трон, на жену не имея прав,
На змеиный язык примеряя чужой типун.
Но жена или трон — всё одно — забираться вверх,
Обжираясь ли властью, любовью ли пасть набив.
Я — усталый политик, предавший свой верный век,
Хохотавший в кулак, предавая его на бис.

А народ благоденствует. В прошлом — война и мор,
За убитым ушли, к королевской припав ноге.
Я провёл этот год, выгребая его дерьмо,
Ненавидим двором и наследником — принцем Г.
Показания призрака — чушь, сумасшедший бред,
Но рачительный дьявол не прячет расчётный лист.
Отпечатками пальцев на смрадном его пере
Театральные жесты в дешёвую явь вплелись.

Это пальцы впились в деревянную плоть стола.
Это сердце стучит и пытается выйти вон.
Королева, которая годы меня ждала,
Тоже смотрит на сцену. А я смотрю на него.
Наконец-то ты вырос, мой принц, ученик шута.
Мой подосланный призрак порвал беспорочный круг.
Ты сумел осознать — королём невозможно стать,
Не ломая себя. И ещё — не марая рук.

Так сыграй в моей смерти почётную роль косы,
Мой достойный наследник. Который, возможно, сын.

4. Туз

Ни один из грехов не приходит сам
Без одной из небесных кар.
Ты подобна стреле на моих весах,
Я подобен колоде карт.
Пустословие чисел, тиски игры,
Равновластие двух цветов.
И, конечно, четвёрка умильных рыл
Похотливых моих вальтов.
А у дам с королями надменный лик —
В нём и мощь, и краса, и власть.
Но под каждым из ликов живёт двойник —
Та же сила и та же масть.
Мы боимся взглянуть двойнику в глаза,
Страх в напыщенной позе карт.
Потому-то нет карты сильнее туза —
На него не нашлось зеркал.

Голоса у людей, что глаза у лиц —
То кричащих, то лиц-тихонь.
У тебя не нашлось для меня улик,
У меня — для тебя стихов.
Но не тянутся руки сплестись в кольцо,
И бежать не пора, пока
Ни единой ухмылкой не лжёт лицо
Зазеркального двойника.
Я у зеркала жду, я уже привык
Не сводить воспалённых глаз.
Я пожму тебе руку — держись, старик, —
Правой левую — в самый раз.
Улыбнись на мгновение, спой, спляши,
Отрази мой смешной азарт.
Отыщи в зазеркалье моей души
Одного моего туза.

Отражается всё: от стрелы до слов,
Точка в точку. И все над «ё».
Ты почти отгадала моё число,
Я ещё не забыл твоё.
После смерти вальту обеспечен залп,
Плачет дама, хандрит король.
А тузы собирают огромный зал,
А потом забывают роль.

Потому что не ищут зеркальных пар,
Потому что привыкли врозь.
Отражения вертятся в сонных па,
Протирая всё ту же ось.
Ты потеряна здесь, я не найден там,
Но, набывчась под стать мосту,
В рукаве, на изломе реки-листа,
Притаился козырный туз.

5. Джокер

Минута смеха продлевает жизнь на пять минут.

Народная мудрость

Шуту не положен отпуск. Ни на день нельзя, ни на два.
Иные отвоевались, а он и дошёл, и дожил.
Иного ломает обыск, а им унывать не надо,
Ведь те, кто не унывает, живут на неделю дольше.

Иного арест ломает. Земля под ногами площе,
Сдают адреса и нервы в сыром беспределе камер.
Шута же искус не манит — ему выходить на площадь,
Ему становится первым, кто кинет тот самый камень.

Иная вода — застынет, но нам бы ходить по этой.
Пророки бредут, зевая, за плугами лучшей доли.
О мире грустят акыны, о вечном грустят поэты,
А те, кто не унывает, живут на неделю дольше.

Навылет пробиты уши, заклеены рты и стёкла.
Не бросил бы пляса мальчик, когда бы не эти раны.
Шуту и беда — кликуша, и голод — родная тётка.
За то и паёк их смачен, за то их щадят тираны.

Картинное наше счастье не выдержит их объятий,
Судьба их сторожевая глаза опустила долу.
Но кто бы в дверь ни стучался, не смей унывать, приятель,
Ведь тот, кто не унывает, живёт на неделю дольше.

Как хочется взять перо и об этой мечтать неделе,
Как шут, что подолом задран на платье любого строя.
Но семь городов-героев причастность свою не делят,
И семь деревень на завтра забудут его гастроли.

В пропитанной водкой кухне один завершает опись,
Другой коньяк допивает под запах лимонной дольки.
А шут в коридоре курит. Шуту не положен отпуск.
И те, кто не унывает, живут на неделю дольше.

Напёрсточник

Я говорю: «Подвинься, здесь и так горячо».
Я ломаю свой взгляд о чужое бронзовое плечо.
Я говорю: «Выбирай, где истина, — она где-то там, внутри» —
И пододвигаю бокалы. Бокалов — три.

Такая игра в напёрстки. Ты тянешь средний бокал.
Ты сама разлила его, я тебя под руку не толкал.
Ты сама сломала традицию, не пригубив вина.
Истина ниже дна.

Ещё можно гадать по кофейной гуще, я так тоже могу.
Можно гадать по звёздам и по вишнёвому пирогу,
Можно ломать комедию на маленькие смешные слова,
Ожидая как минимум выстрела. Хотя выстрелов будет два.

Такая игра в театр — кукольный домик, волшебный зонт.
Я говорю, что занавес опускается прямо за горизонт.
Я говорю, что где-то на небе кто-то включает свет.
Мне говорят, что нет.

Мне говорят, что на небе пусто — безлюдно и все в пивной.
В раю перекур, забытые боги толпятся на проходной.
У любви помятое ночью тело и лицо с рекламы духов.
Все великие поэты не умерли — они просто не пишут стихов.

Значит, пора поверить во всё то, что делал во сне.
Мне говорят, что это к весне, хреновой такой весне.
Мне говорят, что у каждого между душой и кожей броня.
Значит, и у меня.

Александр Крамер

Родился на Украине, в Харькове. По образованию инженер. Публиковался в литературных периодических изданиях разных стран, в том числе в Германии (где живет последние 12 лет), России, Украине, США и Канаде.

Чашка

1

Кто, почему и когда назвал ее Чашкой, наверно, теперь уже не узнает никто. Ну Чашка — и Чашка, и бог с ним. Чашка была обычной дворнягой, но невероятного рыжего цвета. Казалось, жаркое пламя примчалось к вашим ногам и улеглось беспокойным веселым живым костром. А еще была Чашка доброй, ласковой и... деликатной, если так можно, конечно, сказать о собаке. Деликатность эта особенно проявлялась в еде. Во-первых, Чашка, в отличие от своих сородичей, в жизни не выпрашивала подачку и, во-вторых, никогда не набрасывалась на еду тут же, как бы ни была голодна: возьмет аккуратно косточку, отнесет в укромное место, потом обязательно прибежит весело тявкнуть «спасибо» и повилить жарким хвостиком в знак благодарности, а только потом уже окончательно отправляется есть.

Может, за огненный цвет, а может, за добрый нрав прижилась она в гараже пожарной команды — на радость суровым мужчинам и всей детворе в округе.

2

Снег перестал идти утром. Тучи рассеялись и вышло бледное солнце. Чашка лежала возле ворот гаража на снежном искристом снегу, как огромный пушистый солнечный зайчик, и нежилась тихо на холодном утреннем солнышке. Добрая ее морда и гибкий огненный хвост выражали полное и всеобъемлющее довольство. Симпатичные улыбки, вспыхивающие при виде ее на лицах редких прохожих, говорили о том, что лежит она здесь не напрасно и утро проходит не зря. А еще вот-вот должны были выйти на улицу дети — и тогда жизнь окончательно наполнится счастьем...

3

Уже второй день старую нищенку душил изнуряющий кашель. Он налетал приступами, сгибая ее пополам, и потом отпускал внезапно; и так целый день. Вчера из-за этого она не пошла к церкви Святого Павла, где всегда попрошайничала, а сегодня с утра не могла никак встать и теперь опоздала; ее постоянное место, почти возле самой паперти, где лучше всего подавали, уже оказалось занятым. Она попыталась было орать и скандалить в надежде место вернуть, и тогда темноглазый высокий и крепкий старик молча взял ее за плечо и вывел вон, за ограду. Было холодно. Снег и солнце назойливо лезли в глаза. Нищенка шла вся сторбившись, тяжело опираясь на суковатую палку и чуть не по земле волоча грязную дерматиновую ко-

шелку, в которой таскала все, что удавалось добыть. Временами ее снова и снова гнул в три погибели кашель, тогда она ставила палку перед собой, наваливалась на нее всей грудью и так перемогала приступ, а потом громко отхаркивалась и, сплевывая, шла дальше.

Когда рыжая веселая псина подбежала к нищенке, старуху разбил новый приступ. Она прочно оперлась на палку и зашлась вся в лающем хриплом кашле, глубоко нагнув голову и сотрясаясь всем телом. Пока нищенка кашляла, Чашка сидела и внимательно смотрела старухе в лицо, задрав морду и поджав виновато хвост. Чашка была доброй собакой, и, наверное, ей стало жалко грязную и больную старуху. Может быть, она хотела как-то выразить старухе свое участие, а может быть, даже хотела с ней поделиться своим сегодняшним чистым собачьим счастьем... Поэтому, когда старухин кашель утих, Чашка принялась весело прыгать вокруг нее и залиристо лаять, замечательно виляя хвостиком. Потом она стала носиться и дергать старухину сумку. Потом... Нищенка вдруг подняла свою палку и что было сил саданула ею Чашку по морде. Чашка взвизнула и, не помня себя от боли, кинулась прочь, на дорогу. Казалось, на весь огромный квартал слышен был визг тормозов и жуткий, несмолкаемый вой изувеченного животного.

Нищенка в последний раз харкнула, утерлась ладонью и, ссутулясь, поплелась восвояси, равнодушная ко всему и ко всем, даже к себе самой.

4

Фаустов был мужиком настырным и принципиальным, жестким, но не жестоким, не злым, зла в нем не было вовсе, одни только жесткие принципы; но за это его не любили, и сам себя Фаустов временами тоже не очень-то жаловал, но поделаться с собой ничего так за сорок лет и не смог. Да и кто и за что станет жаловать зануду и трезвенника, чуть не святошу? Женщины, что понапористей, быстро его спроваживали куда подальше. Женщины попокладистей — сами соскакивали с подножки, почитая за лучшее поискать себе новых попутчиков. А мужчины — те просто старались загодя убраться куда-нибудь в сторону, чтоб не попасть ненароком в какую-нибудь передрыгу: больной — он и есть больной, какой с него спрос, да ну его, от греха! Оттого он, как видно, все время и шел по дороге один.

Но Фаустов не обижался. Стерпелся, привык, приспособился... Иногда, правда, сильно болела душа, но стерпелся и с этим. Малыми радостями, словно большими, перемогался.

Уже несколько дней, как ныло что-то внутри, болело, нудило... В общем, было хреново. Больничный при этой болезни врачи не дают и рецепт не выписывают. И тогда вдруг пришла ему в голову мысль побывать в тех краях, где жила огнешерстная псина.

Однажды, год с лишком назад, когда его так же, как и сейчас, терзала тоска и он целыми днями шатался по городу, не находя себе места, тогда в первый раз и набрел он на дворнягу по имени Чашка, и в тот раз отпустило. Сразу почти что!

Он и подумал, что, может быть, снова сможет подлечиться с помощью Чашки. Доброта, пускай и собачья, — ну чем не лекарство? Он был почти что уверен, что нашел-таки правильный путь к излечению, что недолго совсем — и все снова будет «путем». А о том, что случилось зимой, он, конечно, не знал. Да откуда б мог знать!

И сегодня с утра, в воскресенье, Фаустов встал с единственной мыслью: «Наведаться к Чашке». На скорую руку позавтракал и стал собираться. Он, когда колбасу еще резал, начал вдруг внутренне улыбаться, скупое еще, неуверенно, но улыбаться, представляя, как увидит он Чашку и как будет потом кормить огнецветную добрую псину. А когда закрывал ключом дверь, был убежден совершенно, что все будет отлично, на пять, а может быть, и на пять с плюсом.

5

Весна была поздней и робкой. Снег сходил медленно и неохотно. Весь апрель было сыро и холодно, и лишь к концу мая стало жарко и сухо. И Фаустов тоже согрелся под утренним солнцем и, предвкушая скорую встречу, теперь улыбался по-настоящему. Пусть несмело пока еще, но уже по-настоящему!

Он увидел ее еще издали. Этот цвет ни с чем в мире нельзя было спутать! Ну конечно же, Чашка! Но она как-то странно, как-то не так лежала у ручейка, вытекавшего из ворот пожарки, положив грустно голову на передние лапы и, казалось, спала. Фаустов подошел совсем близко, присел на корточки и тихо позвал: «Чашка, Чашка». Собака неспешно подняла к нему равнодушную грустную морду, как будто ждала, когда он отстанет и пойдет себе дальше. Но Фаустов слишком сильно хотел этой встречи, слишком много ждал от нее и был не намерен сдаваться. Он порывлся в кармане куртки, достал колбасу, выложил ее всю на асфальт, взял кусок и стал настойчиво тыкать им Чашке под нос, приговаривая при этом: «Ешь, Чашка, ешь, ну чего ты морду воротишь. Смотри, колбаса какая. Свежая, то что надо». Продолжалось это недолго. Одним гибким движением Чашка вдруг поднялась на передние лапы и, как циркачка, не спеша пошла к гаражу, и задние лапы ее бессильно болтались вдоль тела. А куски колбасы так и остались нетронутыми лежать на асфальте.

Кровь вдруг бешено ударила Фаустову в голову, он стал жарко-пунцовым; казалось, его сейчас хватит удар. Но он сумел быстро взять себя в руки, чуть не бегом догнал уходящую Чашку, поднял ее на руки, прижал крепко-крепко к груди, и от жуткой внезапной взвинченности напрочь забыв про транспорт, понесся домой. Чтобы разжечь в доме жаркий огонь. Чтобы в доме было тепло.

Лариса Подаваленко

Родилась в Москве. В настоящее время живёт в Голландии. Училась в педагогическом, на факультете английского языка. По профессии — учитель и переводчик. Сейчас занимается домом, семьёй и литературной деятельностью. Дважды была финалистом турнира «Пушкин в Британии» (в 2008 году — бронзовым призёром в номинации «короткий рассказ»). Финалист конкурса «Эмигрантская лира», Брюссель, 2009 г. Публикации в журналах и газетах — в частности, в «Московском комсомольце» и «Юности». В редакции «Юность» в 2001 году вышла книга «Туманный долгожитель».

Жили-были три дуры *(очень маленькая повесть)*

Зима наступила пятнадцатого июня, в субботу. Было очень холодно, окно было открыто, и по комнате летал снег. Потом снег упал и растаял на рыжей ковровой дорожке. Но зима на этом не кончилась. Когда наступила оттепель, а она наступила почти внезапно, обнаружилось, что под снегом скончался ручной мотылёк. Он лежал на рыжей шерсти, мокрый идохлый. Было совершенно непонятно, замёрз он или утонул. Мотылька мы похоронили в цветочном горшке цикламена, который, как известно, любит холод. Всё это началось с того, что Поля выпрыгнула из окна. Или всё началось со слов Аввика — мы были у него в гостях и пили дрянной чай из керамических кружек. Вру, я пила растворимый кофе. А Аввик ничего не пил, он просто смотрел на Таньку, а потом сказал, что она, Танька, сегодня очень красивая. Танька была одета в потёртый спортивный костюм её бывшего мужа Костика — всё, что у неё от него осталось. Танька покраснела и сказала: «Спасибо», а я не придавала этому никакого значения, потому что дула на горячий кофе и пыталась разглядеть, что это написано на постере у Аввика над диваном. А Полька значение придавала — Танька сегодня красивая, а я, значит, нет. Подошла к окну и выпрыгнула в июньскую ночь. Так началась зима. Всё получилось очень глупо. Потому что мы все три красотой не отличались. И Аввик, наверно, просто сказал это — надо было ему что-то сказать. На нашем курсе была только одна красавица — Сонька. Это давало ей власть над институтскими мужчинами и презрение ко всем институтским женщинам. Нас же троих она просто ненавидела. Потому что мы были вместе и потому что однажды она попросила у меня шпаргалку и вместо благодарности похлопала своими синими глазами с коровьей истомой и произнесла: «Милая ты женщина, Вика, жаль, что у тебя такое кривое лицо». На что я ей ответила: «По крайней мере у меня лицо. У тебя же на этом месте — совершенно прекрасная жопа». Так мы стали врагами. Она не была дурой. Дурой была я. Половина преподавателей на нашем курсе были мужчинами, неровно дышавшими, если Сонька заходила в аудиторию. Быть врагом Соньки означало «неуды». И я, мы все, три мушкетёрки, их получали. Сонька пра-

вила всеми. Всеми, кроме Аввика. Поэтому мы и заходили к нему. В гости. Попить чаю. Или кофе. Девчонки звали его не только Аввиком, но и «наша Ваша», как подружку. Ввали, конечно. Полька была уже с третьего курса влюблена в него по уши. Танька хотела опять замуж, а я — совсем полная дура — ходила с ними за компанию. Факт, что он не запал на Соньку, давал им надежду, а я дула на горячий кофе, когда внезапно пошёл снег. Танька хохотала, как идиотка, хватала снег, лепила комки и швыряла их в Аввика, думая, что одержала победу. Хотя Виктория — это я. А Полька взяла и прыгнула. Не разбилась, конечно. Я никогда и не сомневалась, что она не разобьётся — уж больно здорово она умела группироваться. Она была мастером какого-то спорта. Её можно было из самолёта сбрасывать — струппируется и приземлится, останется только найти её по следам босоножек — высокие каблуки и голые пальцы. Аввик очень расстроился. И не только из-за Полькиного прыжка, а, по-моему, ещё из-за того, что мы так к нему приходим — без звонка и т. д. Правда, с тортом и даже букетом белых пионов. Когда мы подобрали Полю и убедились, что с ней всё нормально, он вышел и сказал — хорошо, что всё обошлось, так как ему срочно нужно уходить. В руках он неловко держал наши пионы. Кстати, мотылёк был дополнением к цветам. Поля притащила его в коробке с дырочками, чтобы он не задохнулся. Да уж, кому суждено утонуть или замёрзнуть — не задохнётся, проверено.

Мы сидели на скамейке в парке. Полька курила одну сигарету за другой. Танька обнимала её за плечи, стараясь успокоить, а я ела мороженое и нагло глядела перед собой. У меня были сотни причин проливать слёзы, но я этого не делала, понимая, что на меня в данный момент всем наплевать. Что из того, что я провалила сессию и должна была почти все каникулы ездить в институт досдавать зачёты? И что у меня заболела бабушка, и мама уехала к ней, надеясь, что я буду готовить для себя и Лизки «настоящую» еду? Конечно, всё это было хернёй по сравнению со страданиями Польки. Её любимый сначала не сказал ей, что она красивая. Вернее, сказал не ей. Потом не подобрал её с асфальта. Вернее, подобрал не он. А потом и вообще отправился куда-то с её пионами. Вернее, с нашими. «Это Сонька, это она, сука, я знаю!» Полька тряхнула пустой пачкой и, всхлипнув, швырнула её мимо урны. Ага, кроме Соньки других сук нет! Зачем он Соньке сдался, она только с фирмачами и интуриками встречается. «Девки, сигареты надо купить». — «У меня есть», — Танька полезла в сумочку. Я не выдержала: «Чего ты дымишь, как паровоз, спортсменка хренова?» — «Ты б чего понимала!» Две пары глаз одарили меня презрительным, страдающим, обвиняющим и объясняющим мне моё ничтожество взглядом. Ну да, я такая неопытная малолетка, у которой даже парня-то никогда не было. Конечно, мне хотелось сильных чувств, большого и чистого секса. Но не страданий. Нет, не надо. Надо, чтобы обожали, поклонялись, выполняли каждый каприз. С моей стороны всё это абсолютно необязательно. Нет, ну не такая уж я неромантичная. Если я покупала себе новый шарф, например, то тут же представляла, как я бегу вдоль Патриарших, шарф развеивается, а там, за углом, стоит он, мой Мастер, ждёт меня с букетом противных жёлтых цветов и нервно поглядывает на часы. Вот он видит меня, лицо его сияет, я прыгаю в его объятия, дальше — тишина... Нет, Полькиных страданий я не понимала. И Танькиных тоже. Она, единственная из нас, уже побывала замужем и из

замужества вышла. И всё ещё страдала по сбежавшему от неё мужу Костику. Костик ей встретился на полпути к взрослости. Я думаю, он её в этом пути и задержал. Костик был старшим пионервожатым в Танькиной школе. Но занимался в основном комсомолками. Костик, как все шуплые и невысокие мужчинки, любил хорошо половозрелых девушек. Танька на их фоне казалась даже не пионеркой, а октябрёнком. Разумеется, даже несмотря на Танькину комплекцию, он с ней флиртовал. Такие, как Костик, флиртуют со всеми дамами, слегка выросшими из подгузников. Но кого-то с этого флирта тошнило, а Танька влипла по уши. Она стала писать стихи и подбрасывать их ему в пионерскую комнату. Не знаю, что это было — метод прекратить стихонападение или Танькина привлекательность мухи с точки зрения паука, но Костик Таньку отметил и закрутил с ней это — роман. Танька была вне себя от счастья. Она таскала Костика по подругам, чтобы то ли поделиться радостью, то ли насладиться завистью. У меня этот тощий (вот уж точное имечко — Костик!) сероватенький и слегка лысеватенький юноша с маленькими хитрыми глазками и птичьим подбородком, да ещё и учившийся в вечернем педсе на учительницу младших классов, зависти точно не вызывал. Вызывал подозрения. И не только у меня. Но не у Таньки. Она смотрела на него, не отрываясь, подкладывала ему самые большие куски торта (вот уж не в коня корм!), громко хохотала всем его глупым шуткам и даже шевелила губами, когда он говорил. На всё это больно было смотреть. Только не надо думать, что я не была счастлива за подругу. Конечно, я не желала Таньке зла. Но видеть, как этот Костик строит глазки даже мне и Польке, было очень противно. Танька прожужжала нам все уши о том, какой он гений — занимался в клубе КСП, бряцал под три аккорда что-то вроде: «Наш костёр — лишь зола, ты опять не дала», носила за ним гитару и ездила на слёты. Ну и доносила. Костик на глазах у жены начал ухаживать за одной сексуально отчаявшейся и слегка престарелой бардессой, объясняя всё это творческой дружбой. Творческая дружба переросла в творческий секс, и Костик переехал на квартиру к бардессе, оставив Таньке только один спортивный костюм. Теперь Танька носила этот костюм, который был почти её размера, представляла в красках, как и в каких позах Костик трахает бардессу, и тайно надеялась, что, когда ему это надоест, он вернётся к своей маленькой мушке. Нет, такой любви с такими последствиями мне совсем не хотелось. Уж лучше быть одинокой и гордой. Полька всё ещё всхлипывала, но уже не курила. Танька поскучилась. «Тебе домой не пора? — спросила она меня. — Лизка уже, наверное, из школы пришла. Тебе кормить её не надо?» Избавиться от меня хотят, сучки опытные. «Не пора. И потом она уже всё равно Муськину кильку в томате в холодильнике нашла и сожрала». «Бедная Муська». — Бедная Муська? Бедная я!

«Проходите. Берите билетик. Садитесь, готовьтесь». Похолодание сменилось жуткой ленивой жарой. В открытое окно аудитории на смену снегу влетал тополиный пух. На площадке орала, наслаждаясь каникулами, необлагерные дети. Нормальный народ обсыхал у воды на дачах или хотя бы в Серебряном Бору. А я, ненормальная, приехала к Засосу передавать исторический музизм. Засос потел. Из его подмышек разливался Тихий океан и чернели глубоководные впадины, жир выпаривался и оседал глянцем на лысине и толстом лице престарелого пупса. Я смотрела на вопросы в билете и не понимала ни фига, что там написано. И зачем я поступила в этот

институт? Мне, будущей великой актрисе, было абсолютно всё равно, где учиться — в юридическом, экономическом или в Тимирязевке на факультете хреноводства. Мама сказала — учись, где хочешь, лишь бы было высшее образование. Это когда я заявила, что буду поступать в Театральный каждый год, пока не примут. И все эти годы буду драить полы в каком-нибудь театре. Мудрая мама, прекрасно понимая, что к тому моменту, когда я поумнею, полов в этом театре уже не останется, собрала семейный совет в составе бабушки, тётки, подруги и моей младшей сестры и, подавляя большинством, заставила меня сдать документы в этот самый вуз, мотивируя тем, что а) конкурс не такой высокий; б) аттестат приличный; и в) поступай каждый год хоть в цирковое училище, а учёба пойдёт. Учиться, так сказать, всегда пригодится. И вот я сижу и смотрю на серую, обшпаклёванную перед окраской стену аудитории, и последнее, что лезет мне в голову, — так это учёба. «Зосима Петрович, можно выйти? В туалет?» — «Нет, нельзя. Вы прекрасно знаете правила: сдадите зачёт — и идите, куда хотите». Вот идиот! Как будто в это время в туалете сидит полкурса с учебниками и шпаргалками специально для меня! Полька и Танька поехали сегодня загорать, но обещали ждать меня в три часа у метро. Я глянула на часы — двенадцать. Жаркий летний полдень. Засос прикрылся ладошкой и зевнул. Разморило беднягу. Жертва неудовлетворённого полового инстинкта. Засос обожал заваливать студенток на экзамене и назначать им пересдачу в жару. Они ж тогда приходят в таких лёгких платьицах, в просвечивающих кофточках с глубокими вырезами, а некоторые даже — подумать страшно — без лифчика. И сидят так близко! А если и не садятся, то Засос сам примкнёт и сядет рядышком. «Ну давайте, продолжайте! Начали хорошо!» А сам бегаёт жирными голубыми глазками и прижимается жирной коленкой. Я представила его потную тушу, жмущуюся ко мне, и захотела в туалет ещё сильнее. Чтобы побороть это желание, я сосредоточилась на вопросах в билете. Интересно, сказать Польке или нет, что я видела Соньку с Аввиком? Я ехала в институт и, чтобы потянуть время, сдуру пошла через парк, абсолютно забыв про накрашенные ресницы — непременный атрибут для сдачи зачёта у Засоса. Через пять минут и два килограмма тополиного пуха, налипшего на глаза, я свалилась на скамейку, сдирая пух вместе с тушью и заливаясь горькими слезами. Прозрев, я огляделась — не видел ли кто моего позора — и прямо у себя за спиной, на противоположной стороне бульвара, увидела Соньку и Аввика. Они меня не видели — Сонька сидела в профиль, жрала шоколад, запивала его коньяком прямо из горла и смотрела вдаль. Аввик стоял тоже в профиль и смотрел в ту же сторону, только не вдаль, а на Соньку. Вид у него был виноватый и какой-то несчастно-счастливый. Таким Аввика можно было увидеть нечасто. Зато Сонька выглядела как обычно — гордо, уверенно и равнодушно даже по отношению к шоколаду с коньяком. Вроде — чего она тут такого не видала? Шоколада? Или Аввика? Подумаешь! И, несмотря на то что смотрели они не в глаза друг другу и не сидели в обнимку, ежу было понятно, что их связывает не просто случайная встреча в парке. Не будет же студентка, даже если она — Сонька, так нахально хавать коньяк в присутствии преподавателя? Сонька коллекционировала мужчин — ей это было не трудно, потом теряла к ним всякий интерес — ждала иностранного принца на белом мерсе. Аввик был для неё интересным объектом — независимый, молодой, интеллигентный, южный — да ещё и не падал ниц перед

ней, как все остальные. Вот она его и соблазнила — для коллекции. А он, видимо, влюбился — вон каким побитым щенком перед ней стоит! А Полька его любит. Бедная Полька! Так говорить ей или нет? «Вы готовы? Время!» Засос многозначительно потикал пальцем по часам. «Ещё минуточку, Зосима Петрович, пожалуйста!» Я выдала самую сладенькую улыбку, на какую была способна. Актриса я или нет? И как это Сонька делает? Она у Засоса всегда на отлично сдаёт! Может, наклоняется низко, когда билет берёт, или ненароком грудкой касается до мужественного плеча? А может, Засосу просто достаточно близко-близко заглянуть в её совершенное ухоженное личико, чтобы потом мечтать о ней долгими холодными ночами? Гадина ты, Сонька! А я тут уже почти описалась... Я полезла в карман джинсов и нащупала бумажку, которую сунула туда утром, — шпаргалку, её отдала мне Танька после сдачи экзамена. Большого доверия к Танькиным шпаргалкам я не испытывала — она всегда их делала выборочно: что-то сама знала, а на что-то просто везло. Везучая она, Танька! Засос опять зевнул, встал и пошире открыл окно. Сквозняк распахнул дверь, и Засос побежал её закрывать. Я, воспользовавшись моментом, разгладила шпору на коленке и обомлела — на меня смотрели ответы на мой билет! И кто этот идиот, который говорил, что Бога нет? Через полчаса я бежала с улыбающейся зачёткой в сумке прочь от института и Засоса! Это был последний раз, когда я видела Зосиму Петровича — на следующий год ни его, ни его предмета, в институте не было. Куда делся предмет — то история знает. Куда делся Засос — история умалчивает...

Танька и Полька ждали меня у выхода из метро. Я ещё из трамвая их увидела: Полька — длинная и худая, тёмные волосы стянуты в хвост, короткая белая маечка и шорты, обтягивающие её упругую спортивную попу, и белокурый ангелочек Танечка — вся в немислимых розовых рюшах, то, что она называла стилем «кантри». Самое смешное, что изнутри мои девки были на сто процентов до наоборот — Танькина расчётливая женская душа прочно стояла на земле обеими маленькими лапками, а Полькина — недоразвитого ребёнка — витала в облаках и розовых рюшах. Всё было, как всегда: Полька дымила, а Танька её утешала. Первое, что я услышала, подойдя к ним, было: «Я его ненавижу — он Мотю убил». Мотей звали мотылька. В этот момент я уже знала точно, что ничего не скажу о встрече в парке. Пусть Мотя останется единственной жертвой несчастной Полькиной любви. «Девки! Всё хоккей. Свобода до четверга. Куда пойдём?» Они переглянулись — значит, уже договорились. «Давайте в парк — на аттракционах покатаемся». Детский сад! Значит, они будут кататься, а я смотреть. Что это за кайф — вверх торماشками и вниз головой с потряхиванием? Им только раз удалось затащить меня на «карусельку» — обе орали мне, что это клёво, что такая лафа, не пожалеешь. Я пожалела уже, когда меня пристёгивали к стояку потёртым грязным ремнём со ржавой пряжкой. Потом я пожалела, когда эта громадина встала на бок, а когда она перевернула меня вниз головой — там образовалась первая мысль. Вернее, вопрос: «Когда это кончится»? Потом ненароком впрыгнула вторая: «ЭТО — никогда не кончится». Третьей мысли уже не было — наступила темнота. Темнота сменилась светом после того, как я от души облевала то ли берёзку, то ли рябину. «Давайте лучше в кабак». — «В кабак можно и попозже, вечером». Танька — ты парзитка! Куда тебе вниз головой в твоём платье с рюшами! «Ну давайте я

вас сначала хотя бы кофейком угощу — в честь сданного зачёта». Кофейня на Тверском — лучший кофе в Москве — моя единственная надежда отложить аттракционы на неопределённое будущее. Я прихлёбывала дымящееся счастье и делилась планами на поступление в Щуку. Или в Щепку. Или в ГИТИС. Я уже провалилась в двух из них, но девчонкам знать об этом было без надобности. «Слушай, Вик, чего ты так заиклилась на этом театральном? Ведь учишься уже?» Что б ты понимала! Кем же мне быть, если не актрисой? Экономистом? Не смей меня, Татьяна. «Может, у неё талант!» Спасибо, Поленька! «Ты вообще когда-нибудь на сцене стояла?» — «Ну да, в драмкружке, в Доме пионеров — я только главные роли играла, наша режиссёрша говорила, что у меня большое будущее». — «И кого ты там играла?» Танькина улыбка сильно смахивала на ухмылку. «Красную Шапочку играла. Кошку в “Кошкином доме”. Ещё мы на Октябрьские праздники...» — «Блоху в “Левше” не играла?» Ха-ха, смешно. Тебе бы и роль мушки-дрозофилки не доверили бы. Это тебе не любовные стишки под дверь пионерской комнаты подсовывать. По крайней мере, Польша была на моей стороне: «Дом пионеров — это детство, фигня. Тебе нужно в театр-студию какую-нибудь поступить. Их сейчас полным-полно. Почти при каждом клубе. Или при вузе. Может, и в нашем есть». — «В нашем нет. Я узнавала». — «У Витьки в заводском клубе народный театр открылся. Витька там занимается. Хочешь, я с ним поговорю?» — «Витька — это который твой сосед-педик?» Лучше бы я этого не говорила. Польша обиделась. «Ну он же с мужиком живёт». — «Он не педик — он девочка. С кем же ему ещё жить?» Витька, который работал на фабрике — «Красной заднице», — был соседом и Полькиным другом детства. Вернее, подружкой. Они сидели за одной партой. Иногда непродвинутые дети дразнили их женихом и невестой, но Польша никогда не воспринимала Витьку как существо мужского пола. Для неё он был мотыльком Мотей номер раз. Все — соседи, родители и знакомые — прочили близкую свадьбу. И когда Витькина мама угорела на даче, а Польша после похорон переселилась к нему — без неё он просто бы не пережил эту трагедию, — народ решил: всё — не было худа без добра, теперь они — пара. А Польша просто вела Витькино хозяйство и учила его группироваться — её главному искусству. Витька сгруппировался и — выжил. А потом Поля познакомила Витьку с Вовиком — массажистом её команды. Через некоторое время Вовик переехал к Витьке. И никто из соседей и знакомых не понял, что происходит, по крайней мере вначале. А Польша была счастлива за Витю. Одного она не могла предполагать — того, что Вовик был уже болен. Что через полтора года счастливой жизни Витька овдовеет, а через пять лет Польша будет организовывать и оплачивать похороны Витьки — никто из его родственников участия в этом принимать не будет. Но этого Польша ещё не знала. Она допила кофе и перевернула чашечку — Танька умела гадать на кофейной гуще. Я тоже перевернула чашечку. Надо же знать, досдам я зачёты и поступлю, наконец, в театральный? «Поль, тебе — дорога и мужик с большим носом». — «Дорога — на сборы, мужик с большим носом — тренер. Что интересненькое есть?» — «Нет, всё». — «Вот так всегда!» — «А мне, Тань?» — «Рельсы... похоже на рельсы. Кто-то с чем-то. Баба с мешком». — «Это — будущее. Вика с дачи на электричке мешок картошки домой везёт». Мудрости полные штаны. Сейчас вспомнят про аттракционы. «Девчонки, а что на завтра? Приезжайте вечером ко мне. Видик посмотрим. Мама у

бабушки». — «А Лизка?» — «Лизку спать уложим, у меня фильм классный есть — “Призрак”». — «У меня завтра тренировка — приду мёртвая. И потом, я этот фильм уже смотрела, там Деми Мур — лапочка. Я прям обрелась вся!» То, что Полька обрелась над «Призраком», было неудивительно. Даже на комедиях, когда все отупело ржали, Полька пускала слезу — и не от смеха. Она никогда не понимала: человек упал — ему же больно, чего уж тут смеяться. «Я тоже не смогу». Ну разумеется, Танька не сможет. Она никогда не выходила из дому в субботу и воскресенье. У неё была идея-фикс, что если Костик вернётся, то обязательно в выходной. «И потом, я этот фильм смотреть не могу. Там Патрик Свэйзи играет. Он так на Костика похож!» Я чуть не проглотила ложечку, которую в это время облизывала. Полька покраснела и, вытаращив глаза, многозначительно посмотрела на меня. Да — парочка, утка и цесарочка: одна ждёт Патрика Свэйзи домой в выходной, другая сохнет по Автандилу Викодиновичу, который гуляет с Сонькой. И при этом обе стремятся повисеть вниз головой на какой-нибудь экстримной «карусельке»! Вот она, жисть-жистянка! «Лучше давайте у меня соберёмся!» Значит, опять к Таньке, в Коровино-Фуниково.

Из нас троих отдельная квартира была только у Таньки. Поэтому мы собирались чаще всего у неё, несмотря на отдалённость Коровино-Фуникова от центра. Танька предпочитала называть свой спальный район просто Коровиным. Квартира у неё была шикарная, двухкомнатная, с большой кухней, на десятом этаже, откуда открывался вид на новостройки и поля. Как Танька стала обладательницей подобной роскоши — мы особенно не вдавались. Знаю только, что это был подарок Танькиных родителей молодожёнам и тут замешана некая двоюродная бабка, вроде бы как продавшая дом в деревне и переехавшая в Москву. Я лично с этой бабкой знакома не была, так что — кто его знает! Нам было вполне достаточно того, что Танька жила одна, хотя и это было не совсем правдой. Вместе с ней жили Костина чашка, Костин стул, Костина дрянь-герань и даже его фотка на стене. Этот прегадко ухмыляющийся со стены Костик действовал на нервы гостям и мешал Танькиной личной жизни. Но лучшего места для сборищ у нас не было. Полька жила с родителями в хрущобе где-то на Профсоюзной или проспекте Вернадского, а я — самая центральная из всех — делила на Сре-тенке четырнадцатиметровый коммунальный рай с мамой, Лизкой и кош-кой. Раньше с нами там жил и папа, но вскоре после рождения Лизки он уехал на заработки в Ленинград и остался там навсегда. Без нас. Поэтому мама так ненавидела фильм «Ирония судьбы». И вообще — Новый год. Именно под Новый год папа сообщил ей, что встретил любовь своей жизни и хочет развестись. Будущая квартира была официальной причиной его отъезда. Он нашёл работу в Питере с перспективой её получения в самом ближайшем будущем. Мама радовалась и даже купила слайды с видами дворцов и каналов, чтобы я привыкала к облику города, в котором буду жить. Мама вообще была фантазёркой и мечтательницей. Она верила, что папа всё для нас устроит и перевезёт нас в большую ленинградскую квартиру. Вместо этого папа нашёл себе в Ленинграде любовницу и впоследствии женился на ней. Смелую женщину не испугало даже наличие двух несовершенно-летних детей. В смысле алиментов. В конце концов, у неё действительно была квартира. Ей нужен был только муж. Мама ругала разлучницу самыми страшными словами, а я-то знала, что дело было вовсе не в ней. Просто

папке жутко надоела эта наша комната с окном, выходящим на глухой торец кинотеатра, эта кухня с запахом тёти-Машиных любимых пельменей и дяди-Сашиного первача, жуткая неотмываемая коричневость мест общего пользования, для посещения которых надо было стоять в очереди. Он просто сбежал от постоянного топанья, кашляния, а больше всего — непрекращающихся Лизкиных воплей, которые доводили его, как и, впрочем, меня, до состояния нечеловеческого желания просто уйти куда-нибудь, где тихо. Вот он и ушёл. А мы остались. Мама отчаянно старалась дружить с соседями, особенно с тётей Машей, которая работала продавщицей в универмаге. В знак этой дружбы тётя Маша иногда продавала нам дефицит; особенно ценились детские удлинённые колготки — мама считала, что я слишком быстро расту, а ноги вообще растут отдельно от меня. В нашей коммуналке было совсем не так много соседей. Две комнаты были постоянно на замке. Кто там официально был прописан — я понятия не имела. Три другие занимали тётя Маша с дядей Сашей, молодая пара Павлик и Жора — Жора, кстати, была женщиной, Жозефиной — и Элен Петровна. Таким образом, детьми были только мы с Лизкой. Хотя Лизка по таланту орать могла бы посоперничать с десятью младенцами. Сосуществовали мы очень мирно и даже дружно. Во многом благодаря маме, которую соседи жалели. В конце концов, её бросил муж с двумя детьми на руках. Даже кошка Муська, также лишившаяся кормильца, получала от соседей дополнительное питание. В связи с чем сильно, почти неприлично растолстела. Больше всех мне нравилось ходить в гости к Элен Петровне. Мама покупала для неё продукты, а я относилась. Элен Петровна занимала самую маленькую, но самую интересную комнату в нашей квартире. Мама говорила, что её покойный муж был капитаном дальнего плавания. А может — просто путешественником. Вся комнатка Элен Петровны была уставлена муляжами рыб, огромными ракушками, кораллами, на стенах висели картины морских пейзажей, на комод стояли модели каравелл. Элен Петровна сидела в кресле, накрытая пледом, и я — в нежном возрасте, разумеется — всерьёз думала, что под этим пледом — рыбий хвост. Я ставила продукты в её маленький, но очень шумный холодильник, который Элен Петровна держала у себя в комнате, и представляла, как по ночам её пол превращается в волны, а сама она — русалка — плещется в них и её многочисленные серебряные перстни звякают, ударяясь о комод. Что кстати, было бы объяснением тех звуков, что доносились из комнаты Элен Петровны по ночам. Загадочным существом была эта престарелая русалка — к ней никто никогда не приезжал, она не принимала гостей, из почты ей приходил только журнал «Иностранная литература». Зато когда она умерла, маленькая комната наполнилась таким количеством людей и обнаружилось такое количество родственников, что соседей просто оттеснили в их комнаты. Похороны были очень даже приличными. Я помню крышку роскошного гроба, стоявшую в нашем коридоре. Потом все эти родственники растащили все Эленины богатства — я запомнила унылого вида даму, уносившую такого же унылого вида чучело рыбы. Потом в эту комнату въехал какой-то совсем неинтересный мужик, а после него — не знаю, вскорости я и сама рассталась с нашей коммуналностью и окном, выходящим на глухой торец кинотеатра.

С той поры немало лип облетело и немало сдохло мотыльков. Я так и не стала актрисой. Моя младшая сестра Лизка — мамина гордость, отличница,

которая никогда — по крайней мере, вслух — не мечтала о сцене и получала первые места на олимпиадах по физике и математике, — вот она и стала актрисой, причём очень успешной и востребованной. Это её афиши висят по Москве. Это она светится на обложках журналов. Это она очень занята в театре и снимается в сериалах. Моя супергромкооральная и вечно перемазанная в Муськиной кильке Лизка. Она, а не я. Нет, я очень люблю мою сестру. В конце концов, она — единственный родной человек, который у меня остался. Вернее, она и её две дочки — мои племянки. Сестрёнка моя, как ни странно, тоже любит меня. Но всё-таки актриса — она, а не я. Ну, не получилось. Хотя институт я всё-таки бросила. После этого наш семейный совет собрался вновь и решил выдать меня замуж. Кандидатура была подобрана сильно положительная — племянник маминой подруги, лейтенант, только что окончивший военное училище. Самое странное, что план удался. Я действительно вышла замуж и — что полная дурь — уехала с ним в гарнизон. Совместная жизнь наша, чего и следовало ожидать, продолжалась недолго. Сначала был майор, потом — полковник, женатый и неважно на сколько лет старше меня, потом — меня слегка разжаловали — капитан, на неважно сколько лет моложе и тоже женатый. Не знаю, как там с их жёнами, но в результате, я осталась одна. Ни мужа, ни детей. Как-то было стыдно возвращаться в Москву. Я и не возвращалась — почти двадцать лет не возвращалась! Ну, может, чуть больше, чуть меньше... Столько было стран, городов, посёлков — не перечислишь. Но только не родная, помешанная на тополином пухе Москва. Ну не могла ж я в конце концов не вернуться — я ж всё-таки полная дура, а дур тянет к их истокам. Я, естественно, поддерживала по мере сил связь с родными и друзьями, но всё это было не то. Когда я приехала, то первым делом позвонила Таньке. Мы встретились возле нашей кафешки — только это была уже совсем не та кафешка, а что-то жутко дорогое и новомодное. Зато Танька была всё той же — такая же худенько-полненькая, юбка с воланом и спортивная куртка, очень похожая на ту, Костикову. Мы встретились так, как будто всех этих лет и не было, словно мы не виделись пару часов. Как будто и не было этой пропасти. А пропасть — она была. Но мы трепались о моих путешествиях и любовных приключениях, о Танькиных мужьях, последний из которых явно был не подарком, судя по замазанному тоном синяку под Танькиным глазом. О том, как мы провели жизнь и как жизнь провела нас. Самое главное, что я поняла из этой болтологии: если ты — дура, то это навсегда. Танька закончила институт с красным дипломом, но никогда не работала по специальности — её специальностью было любить мужчин, которые выбирали её. И делали с ней всё, что хотели. Бедная мушка! Сонька-красавица всё-таки вышла за какого-то диппосыльника и уехала с ним то ли в Швецию, то ли в Танзанию. Аввик всё ещё преподавал в нашем институте — по словам Таньки, он располнел и уже не пил чай со студентками, а просто пил. Вскоре после моего отъезда, он переехал из однокомнатной квартирки в ближнем Подмосковье, куда три дуры так любили приходить к нему в гости, в новостройку, на пятнадцатый этаж. Что сыграло впоследствии роковую роль. Так сложилось, что Польша всё-таки переспала с ним, где-то на последнем курсе. И не только переспала, но и стала его гражданской женой. Родила ему сына. Бросила спорт. Почему Аввик не женился на ней — Танька понятия не имела, но они жили вместе в этом новостроечном рае на пятнадца-

том этаже. Пока Польша не выпрыгнула из окна. Или с балкона. И первый раз в жизни — забыла сгруппироваться. А может, не смогла или не захотела. В первый и последний раз. Её сына, видимо по согласию с Аввиком, забрали Полькины родители к себе куда-то на Профсоюзную или проспект Вернадского. Танька сказала — очень талантливый парень вырос. Спортсмен. Занимается какой-то атлетикой. Зовут Мотей. Матвеем Автандиловичем. Бедный мальчик! Мы с Танькой вышли из кафе на бульвар — летняя пыль перемешивалась с визгом автопокрышек и солнечной паутиной, опутавшей смешливую листву. Сильно пахло прошлым. Мы, дуры, были снова вместе. И нам нужно было как-нибудь жить дальше. Хотя бы до метро.

Елена Андрейченко

Родилась в Алма-Ате. Кандидат филологических наук. Научный сотрудник, преподаватель Афинского университета им. Каподистрии. Два года живет в Афинах. Автор более двадцати научных работ в области теоретической русистики. Занимается переводами с греческого. Пишет прозу.

Белое на синем

(Отрывок из романа, часть 2, продолжение)

* * *

Греческие звезды светили по-прежнему. Всё так же, как и тысячу, и две, и три тысячи лет назад. Сколько судеб они знают, сколько они свершили, ведя своих подданных к радостям и печалям, к победам и поражениям, к любви и миру.

Эта мозаика из сверкающих точек была и в этот поздний вечер на своём обычном месте, и, как обычно, редко кто из живущих и суетящихся обращал на неё внимание.

Он вернулся.

Наконец Андреас после больше чем двадцатидневного скитания по отелям различной величины и одного стиля вдохнул пронзительно свежий афинский воздух, который со светом столь знакомых звёзд окутал его в первые же мгновения после выхода из здания аэропорта.

— Как же хорошо! Как же мне светло! Я дома! — думал он, отмеряя уверенными шагами известное расстояние до автостоянки, чтобы скорее сесть в свое авто и мчаться по любимым улицам.

— За полночь. Поздно. Так или иначе — домашние спят.

Андреас прибавил газ, через несколько минут сбавил скорость, чтобы свернуть с магистрали под тем же названием, что и весь полуостров, — Атика. Он поднялся на один пустырь, который давно приметил, не раз заезжая туда после аэропорта. Там был удобный заезд, и с высоты примерно двухсот метров открывался великолепный вид на ночные Афины. Они распластались перед ним жёлто-оранжевым морем огней и огоньков, они вторили звёздной мозаике только с десятикратным усилением свечения. Сколько судеб! А мечта на всех одна!

Мечта Андреаса сегодня сбылась. Он дома. Он закурил. Когда сигарета догорела у него в руке, не уезжая с этого места, он решил посмотреть свой план на завтра и примерно полчаса поработать. Портативный компьютер, самый преданный помощник, проинформировал о следующем: на завтра запланировано три встречи, а также совещание с сотрудниками профильных отделов.

Одна встреча с выездом была оговорена заблаговременно. Вечером его ждал старинный друг, с которым жизнь свела его более двадцати лет назад. Поначалу их общение было более частым, так как их объединял общий интерес в работе, позднее общение стало более глубоким по содержанию, но,

что совершенно естественно, встречи стали более редкими, но если они планировались, то непременно случались. Вот и завтра будет одна из них. Андреас не видел своего друга почти год. Марселино, итальянец по происхождению, волею судеб всю жизнь прожил в Мадриде. Он представлял собой белокурого господина высокого роста, всегда облачающегося в безукоризненный костюм. Одно из его наиболее неизменных убеждений состояло в том, что не итальянцы, а именно испанцы есть самые прямые наследники Западной Римской империи. Ныне в Афинах он находился по делам своего скромного винодельческого хозяйства, которое недавно приобрел в Греции, так же как и маленький, но весьма элегантный домик в Психико*. Сегодня последний был оживлён приготовлением к встрече со старым хорошим другом. Казалось, что даже розы в небольшом садике радовались тому, что наконец увидят не только своего хозяина, но и кого-то другого!

Андреас приехал, прихватив с собой для пробы бутылочку красного критского вина, так как знал, что Марселино не переносит белых вин, несмотря на их великое разнообразие и превосходное качество в Греции.

— Здравствуй, Андрей!

— Сколько лет, сколько зим, Марселино!

Марселино не владел греческим. И друзья для общения избирали русский язык: для Андреаса он был почти родным, а Марселино до беспамятства любил русскую культуру, учил русский язык всю жизнь и постоянно ездил в Россию его совершенствовать. И с нашим героем, естественно, тоже предпочитал говорить по-русски.

Андреас знал, что этот католик с глубокими убеждениями в религиозной сфере имеет удивительную способность сводить любой разговор к правильности и исключительности христианской веры в её католическом выражении. Это было великолепной почвой для беседы, которая могла касаться как очень серьёзных вещей, так и самых обычных мирских. Этот факт ревностной преданности убеждениям, происходящим из горнила системы католической церкви, в какой-то степени умилял Андреаса и даже восхищал. Он понимал, что это, пожалуй, единственная вещь, которая их рознит. Хотя так, возможно, казалось только Андреасу.

— Ты знаешь, как жарко бывает в Мадриде?

— Нет, я никогда не бывал в Мадриде летом.

Андреас был удивлён весьма странным началом разговора.

— Знаешь, какое бывает марево: ни один листочек, даже самый маленький, ни на одном дереве не шелохнется.

У Андреаса от удивления начали расширяться и без того огромные глаза.

— И когда вот так жарко, испанки уже почти не носят никакой одежды, фланируя по площадям и улицам, а мужчины в ужасно чёрных очках, сидя в многочисленных кафетериях, за всем этим наблюдают со сладострастием. И я тоже был таким до совсем недавнего времени.

— Говорю честно. Я ничего не понимаю, — жёсткость, поверхностно отталкивающая всякую сентиментальность, заговорила в Андреасе. Она была возвращена в нём с юных лет. После такого долгого перерыва Андреас ожидал от встречи разговора о мировой политике, о роли России в ней. Он тоже очень любил эту большую загадочную страну, которая внушала ему до-

---

* Психико — один из престижных районов Афин, с небольшими виллами.

верие и восхищение. Доверие, потому что она стала великой наследницей его культуры, а восхищение — потому что он не видел или не хотел видеть многого... Только одновременно влюбленный и любящий может пребывать в таком состоянии!

— Я тебя достаточно знаю, Марселино, что это за откровенная чушь? Какая жара в Мадриде? Какие полубнажённые испанки? Мы с тобой так редко встречаемся, а ты мне сейчас...

Марселино внезапным взмахом руки прервал своего собеседника. Этот взмах был настолько резким и неожиданным, что Андреасу совершенно невозможно было закончить начатую фразу.

— Ты не понимаешь, амиго: одни глаза всё разом перечеркнули.

Интонация сахарная и в то же время жгучая боль, стоящая за ней, теперь заморозили Андреаса. Вдруг перед собой он увидел влюблённого человека. И тут он спросил:

— И где же эти прекрасные глаза?

— Здесь, в Афинах. Ты поверь мне, эти глаза своим изумрудным огнём спалили немало. И я на грани.

— Ах, Марселино, вот уж такой страсти я от тебя не ожидал!

— Каждый вечер я выворачиваю свои собственные глаза, чтобы они смотрели внутрь моей собственной ужасной души.

— А разве душа может быть ужасной? Это ведь дар Бога?

— Я забыл, что это так. Я вижу в ней столько порочного, столько недостойного.

— Да... — произнес Андреас. Теперь наш герой прекрасно и окончательно понял своего друга. В данный момент он подумал о том, что ни один в мире человек, кроме католика, не смог бы укорять себя столь жестоко за чувство, которое, по мнению Марселино, так нежданно и негаданно, а главное — некстати настигло его сердце и душу, воспитанные не столь для наслаждения чувствами, сколь для исполнения того или иного долга.

Марселино продолжал свою «исповедь». Андреас же был не из тех людей, что вдаются в таковые подробности. Слушая переливы этой кристальной души, грек погрузился в иного рода размышления.

Почему-то на память ему вдруг пришла его недавняя поездка в Вену. Он бывал в ней такое бесчисленное количество раз, что прогулки по императорским дворцам, посещение оперы или других подобных мест, избираемых туристами со всех концов света, не оставляли уже у него особой свежести и незабываемости впечатлений. В последнюю поездку после прогулки по Грабен*, где он заглянул к друзьям в родную греческую дипломатическую миссию, Андреас решил посвятить ещё несколько мгновений своей жизни собору Святого Стефана.

Это величественное произведение готики вздымалось над городом вальсов как пронзительное чувство совести, запечатлённое в каменной симфонии. Туристы бесконечной вереницей тянулись в храм и выходили из него. Андреас проскользнул вместе со всеми желающими в этот момент войти туда и растворился среди шумной тишины его стен и колонн, усыпанных фигурками. В глубине слышался хор, пение смешивалось с похожими на ро-

---

* Грабен — одна из центральных улиц Вены, выходящая прямо к собору Святого Стефана.

кот горной реки разговорами туристов. Этот рокот звучал как минимум на двадцати языках. Возгласы восхищения и изумления сменяли один другой.

Андреас вдруг почувствовал, что начинает замерзать. Он стал испытывать именно физический холод, хотя европейские города давно уже обнял тёплый веселый апрель.

— Как же здесь холодно! — услышал собственный шепот Андреас.

Такое острое, острое, как вся пламенеющая готика вокруг, чувство нехватки тепла сковало Андреаса. Здесь не было даже золота, благородный греющий цвет которого наполнял церкви и церквушки его и без того теплой радушной родины. Никакое солнце не могло согреть эти каменные галереи, всё было против него. Даже цветные витражи преграждали ему путь, они переливались разноцветными всполохами, впитывая снаружи солнечные лучи, и передавали их внутрь в виде ровного струящегося света, лишённого жизни мирской. Мир был вне.

Здесь был только Бог. Но его словно искусственно разделили с собственным творением — со светом солнца, что дает жизнь хоть и грешной, но благодатной Земле.

Андреас не заметил, как прошел час. Не один раз он был здесь, но сейчас он чувствовал себя почему-то особенно очарованным. Внезапно его взгляд остановился на молодой женщине, сидящей в отдалении. Казалось, она с большим прилежанием возносила молитву к Господу, образ которого сиял перед ней. Андреас видел как её лицо, так и картину, изображающую Христа с исходящим снопом света из груди Его. Что-то невыразимо притягательное было то ли в выражении глаз этой дамы, то ли в лике Христа, то ли в той молитве, которая неслась к Творцу, воссоединяя земное создание с небесами.

— Её мысли, её слова, её руки, её глаза сделали из меня короля. Но как они сделали, так же могут в одночасье и разрушить!

Это столь громкое восклицание вернуло Андреаса к сиюминутной действительности.

О чём он? Ах да... Кто же она? Какая она должна быть, если смогла столкнуть столь уравновешенного и всё подчиняющего исполнению долга человека в пропасть страстей?

Андреас пристально посмотрел на Марселино. Тот был в пылу и плену своих чувств и исповеди в них.

— Знаешь, друг, однажды мы вели разговор о чем-то прекрасном, по моему, о балете, сидя за столом в моём кабинете. Её руки лежали так... так спокойно и непринуждённо, а я бы всё на свете отдал только за одно их прикосновение.

«Господь с ним», — подумал Андреас.

Он снова взглянул на Марселино. Он пылал мыслями, но даже в этом случае его несколько сковывала внешняя сдержанность. Зная Марселино довольно давно и достаточно хорошо, Андреас не мог и предположить, что внутреннее состояние этого безупречного, кристальной души человека может столь сильно разниться с его внешней чопорностью, порою переходящей даже в черствость.

Молодая женщина пребывала на том же самом месте, не изменив ни позы, ни выражения глаз. Минуло ещё как минимум полчаса. Наконец Андреас заметил, что она была одета в иссиня-чёрный костюм с галстуком.

Воротник и манжеты её блузы охлаждали и без того нетеплую атмосферу своей снежной белизной. Её очень маленькие белые руки, не замерзая в этом снегу, покоились на подставке для молитв. На безымянном пальце левой руки Андреасу удалось разглядеть довольно внушительных размеров серебряный перстень с чернением в виде ромашки.

Какие изумительные изящные руки! — они оставили неизгладимое впечатление в памяти нашего героя.

Вдруг дама припала на колени и перекрестилась. И так как Андреас не сводил с неё глаз, он заметил, что крестное знамение было совершено справа налево.

— Она православная!

— Она православная! Я никогда не испытывал того, что испытываю сейчас, к православной! Ты знаешь, Андрей, как я воспитан, и всегда был убежден, что самое верное толкование христианства принадлежит нам, католикам! Но даже в этом, по-моему, она сумела меня переубедить.

Невероятно, но в это мгновение Андреасу показалось, что Марселино говорил именно о той женщине из венского собора.

— Она гречанка?

— Сюда, в Афины, её привело великое чувство любви к своим истокам. Она прекрасно понимает, что её культура наследует то, что создано, возвращено и цветет на этой благодатной земле.

— Она русская?

— Для меня она славянка!

— Марселино, так все же что она делает в Афинах?

— Любит их! К сожалению для меня, она любит их больше, чем меня.

— Давай лучше действительно поговорим о различиях между православием и католичеством.

— Нет их, нет. Какая разница?

— А ты прав, Марселино! Между нами, пожалуй, остались только внешние различия. Это лишь разные формы выражения одной великой любви к Творцу. Той любви, которой Он же и одарил нас. Готика нас возносит к небесам так же стремительно, как сама и выглядит. Входя в храм, ты словно по крутым и острым ступеням быстро шагаешь к провидению. Но такой быстрый и резкий взлёт может сулить и скорейшее ниспровержение. Православный же храм словно обнимает тебя, окутывает округлостью своих форм, возносит тебя медленно, без риска падения.

— Да, наверное, именно так. Ты должен быть очень счастливым, Андрей, только потому, что ты грек. Такое понимание действительности — твоя суть. Ты смотришь в корень любого вопроса. А мы добавляем слишком много кружев, за которыми не только исток, но и истина теряются. Я преклоняю голову перед всеми храмами, которые вы создавали для богов несуществующих. Наша душа — храм Бога настоящего. В какой чистоте мы должны содержать её, чтобы быть прекрасными и достойными! А романский стиль и готика — это отражение состояния наших душ.

— Как метко ты выразился, — абсолютного согласился Андреас, — нужно всегда заботиться о душе своей, чтобы она пребывала в чистоте и порядке, ибо она и есть самый главный храм Господень.

Сколько храмов разных эпох, стилей и форм посчастливилось повидать Андреасу! Доволен ли он был приобретенным опытом, или этот опыт тяго-

тил его? Но рассуждения ревностного католика привели к заключению, что нет храма прекраснее души человеческой.

— Смеркается, — уже с меньшим пылом произнес Марселино, — пожалуй, я принесу лампу.

Мужчины сидели за столиком в саду под открытым небом. На южном вечернем солнце нежились цветы, кивая своими головками, постепенно отправлялись в путешествие по никому не ведомому миру снов.

— Марселино, не нужно лампы. Давай лучше полюбуемся на то, как ночь станет зажигать звёздочки, одну за другой. Смеркается! Сколько поэзии в этом русском слове. Оно словно дышит мечтой и покоем. Ты прислушайся: смееркаа-аается! — отчего-то у Андреаса защемило сердце. Очарователен и упоителен был звук этого слова.

* * *

— Смеркается! Пора задернуть шторы! — послышалось из передней.

У Николая как-то томно заломило в душе и сердце. Мир погружался в сумерки. Но то было только за окнами. Мир же, который был создан собственными руками, находился в соседней комнате, и к нему всегда можно было прикоснуться, и никакой силой нельзя было его отнять. Все члены семьи носились в хлопотах предстоящего чаепития. На столе, покрытом белой с тоненькими розовыми полосочками скатертью, стояло бесчисленное количество разнообразных ваз, наполненных печеньями, вафлями, шоколадными конфетами и зефиром бело-розового цвета. Счастливые обитатели дома утопали в этом изобилии точно так же, как они утопали в обворожительных рассказах хозяина, в которых всегда таилось ещё так много не ведомого никому (кроме, собственно, самого свидетеля происшествий), о которых он то с пылом, то со степенностью ментора повествовал. Плотные шторы отгородили друг от друга два мира, и тот, что был внутри, не уступал своему внешнему эквиваленту ни в величине, ни в содержании.

Наконец в фиолетовые чашечки с золотой росписью был разлит дымящийся ароматный чай. Дымком струилась и беседа, большей частью представляющая собой монолог.

— Ломаной линией удалялись отроги гор, они удалялись столь же быстро, сколь быстро уносил меня из родного гнезда поезд.

В этой командировке, а они в этот период жизни Николая повторялись чуть ли не каждые 15—20 дней, не было никакого смысла лететь самолетом, потому что следовало останавливаться чуть ли не в десятке крупных и мелких городов, которые лежали по пути следования поезда. Конечным пунктом назначения был русский город со шведским названием Выборг и два его спутника — Рябово и Поляны. Путь занимал почти четверо суток. Сейчас Николай находился в самом начале этого длинного, но довольно привычного пути.

Стоял январь. Он серебрился белизной своих одежд, уютно укрывая леса и степные просторы. Горы исчезли. Солнце встало. Поезд монотонно стучал колесами. У меня было двухместное купе и по счастливой случайности, не было компаньона. Можно было полностью посвятить себя либо собственным мыслям, либо чтению, либо запискам, либо просто наблюдению за сменявшимся пейзажем за окном. Так как было очень раннее утро, я занялся последним. Но пейзаж всё не менялся. Тот факт, что поезд шёл,

можно было определить только по мерному постукиванию колес и по дрожанию чайной ложечки в блюде.

Яркий белый свет проникал сквозь окна вагона, рано поутру заставляя пассажиров открывать глаза. Белое снежное полотно покрывало эту довольно значительную часть земного шара. Покрывтие это было настолько плотным, что создавалось впечатление замурованности самой истории и течения времени под ним. Десятками, даже сотнями километров не на чем было остановиться глазу.

— Какие бескрайние, бесконечные степи. И что я здесь делаю, в этом далёком краю? Какой отчизне я служу? Что связывает меня, русского человека, с этой снежной пустыней? Прошлые притязания империи? Желание познания нового? Любовь? — Мысли Николая зафиксировались. — Да, наверное, любовь, я здесь нашёл свою русскую любовь. Собственно, ей одной я и служу. — Николай закрыл глаза, и перед ним побежали картины этой же самой степи, только такой, какой она бывает в мае. Она червонная, то ли оттого, что залита кровью, то ли оттого, что залита любовью. Так здесь цветут маки. Пышным пламенным ковром застлана вся земля. И эта земля живет только в мае. Затем всё высыхает в ожидании нечастых дождей, а затем и снега. Всполох жизни — только раз в год.

Николай снова открыл глаза, и снова перед ним бежал снег, снег и только снег на ярком солнце. Ни птица не пролетит, ни зверь не пробежит. Температура около 35 ниже нуля. Так прошел весь день.

— Я сидел, делая некоторые записи, и немного дремал под стук колес. К шести часам вечера незатейливо подкрепился. А белое полотно за окнами всё не исчезало. Только теперь оно особенно, как-то по-сказочному серебрилось. На Землю упала ночь. Ночь безлунная, тёмная. Светившие звёзды были величиной почти с тарелку. Температура упала до минус 40. В том же монотонном ритме прошел и следующий день. Две-три короткие остановки в пути — на пути, соединяющем целые миры, которые и ныне ещё не успели встретиться. И вообще встретятся ли когда-нибудь?!

Только ранним утром третьего дня замелькали деревья, которые быстро стали превращаться в лес, одетый в белую шубу. Он был ближе, понятней, родней в силу исторических причин и генетического зова.

Николай делал однодневные остановки в Уральске, Саратове, Тамбове и Рязани, каждый раз пересаживаясь на новый, идущий по одному и тому же маршруту поезд.

Вот наконец Москва. Двухдневный перерыв между поездами, в который нужно было успеть в проектный институт, а также подписать два контракта с клиентами по очистным сооружениям.

Скорый поезд достиг Петербурга. Здесь у Николая были переговоры всего на один час, но он не мог себе позволить только проездом по дороге от дома бывать в этом совершенном городе. Николай посвятил целый день и вечер прогулкам по ладоням площадей, изученных ещё в студенческие годы и всегда дышащих для Николая юностью, временем поиска своего идеала, а главное — самого себя. Наш герой прошелся по Невскому проспекту, постоял на Лебяжьей канавке. Он словно ветром пронёсся и в то же время обнял город, где жили герои пушкинской «Пиковой дамы» и лермонтовского «Маскарада». Нева дышала Золотым веком русской литературы, а снег и лёд опраляли её веком Серебряным. И несмотря на то что в эту суровую пору

река была скована льдом, её внутренние силы, неисчерпаемый дух ждали своего часа, который всегда и обязательно приходил, приходит и будет приходить.

В ночь Николай отправился в Выборг. Там предстояло также несколько деловых встреч, от которых ожидалось особое гостеприимство. И в самом конце этой длительной и суматошной командировки было запланировано посещение двух городков под Выборгом — Рябова и Полян.

— До Рябова я доехал на машине коллег из Выборга. Потом я должен был переместиться в город Поляны и уже после — вернуться снова в Выборг. Между городами Рябово и Поляны также не было сообщения по железной дороге. И то, что произошло с ним по пути из одного в другой, никогда в жизни не забудется, и это именно то, о чём в данный момент Николай увлечённо повествовал в теплом родном доме за любимым «сладким» столом с чаепитием.

— Наш партнер настолько радушно принял меня, что мы осмотрели и подписали всё, что нужно, не более чем за 45 минут. Затем начались мои приключения с гостиницей. На завтра нужно было посмотреть один речной объект, который находился примерно в нескольких километрах от города, и под вечер я должен был сесть в комфортабельный автобус до Полян. Меня очень удивило, что весь последующий разговор состоял в том, где мне переночевать, хотя всё это было решено за неделю до моего прибытия. Оказалось, что единственная достойная гостиница вдруг закрылась на ремонт. Другие переполнены, да и останавливаться в них не очень-то захочешь, и принимающая сторона мне бы этого никогда не позволила. И представляете, что они сделали?! Они преобразовали дипломатический вагон поезда Москва—Ленинград в гостиницу для особых гостей. Я и без того почти неделю не выходил из поезда, и снова ночевать на колёсах, только остановившихся! Заманчивая перспектива! Но внутренний интерьер и все удобства меня приятно удивили, и по сути не оставалось желать ничего лучшего. А самое главное — внутри было очень тепло, что немаловажно на тридцатиградусном морозе. Партнёр нашей компании, промышленник средней руки Валерий Иванович Бобров весь вечер рассказывал мне разные небылицы и занимательные истории о местной жизни, о том, как все стремятся в Петербург и о многом, многом другом. Так за беседой пошёл уже третий час ночи.

— Всё, всё, Валерий Иванович, пора сворачиваться, пора-пора, дорогой, и вам и мне завтра по делам.

— Да, да, — пробурчал последний, явно не желая уходить, но понимая, что иначе уже действительно нельзя, оставил меня в моем гостиничном номере на колесах.

Через четыре с половиной часа Николай проснулся бодрым, в прекрасном расположении духа. Служебная машина подъехала к 7.20. Осмотр очистительных сооружений прошёл без проблем, но, конечно, не без теплого приема такого гостя из столь далекой стороны.

Николай очень спешил, зная, что к трём часам дня он обязательно должен попасть на автобус. Из-за радушия коллег он, конечно, опоздал. Автобус уехал, оставляя за собой взрытый снег и морозную пыль. Город Поляны был последним пунктом назначения, и от удачи в завершении дел зависело счастливое возвращение домой. Если Николай не успевал завершить дела там, он автоматически опаздывал на поезд, идущий уже из Выборга в

Петербург, а потом терял и самолёт из Петербурга, совершающий нужный рейс только раз в неделю. При всей любви к Северной Пальмире по дороге домой у Николая не было никакого желания задерживаться там даже и на двое лишних суток. Он всегда спешил домой, потому что знал, что его там ждут, ждут с большим нетерпением, ждут с большой любовью. И если была возможность выиграть хотя бы несколько часов и прибыть домой раньше, Николай обязательно её использовал вне зависимости от дальности и продолжительности командировки.

А в данный момент, опоздав на автобус и зная, что эта ошибка влечёт за собой опоздание на целую неделю и лишние ненужные ожидания и переживания близких, Николай метался несколько минут, как лев в клетке. Прикинув расстояние и время, он посмотрел на часы — брегет; они показывали 3.33 пополудни. Через две минуты Николай принял решение и сам себе сказал:

— Хожу я быстро. Сейчас — минус 28 градусов, значит, буду идти ещё быстрее. До места назначения дойду часа за три. Максимум — к семи вечера буду на месте! Проведу запланированные на сегодня переговоры. Утром подпишу бумаги и бегом на поезд! — Крепкие и выносливые ноги Николая уже несли его к цели. Ему совсем не нужны были даже сапоги-скороходы. Любая обувь заменяла ему их. По быстроте ходьбы на большие расстояния ему не было равных!

Темнело в это время года в начале шестого, а то, может быть, и раньше — в зависимости от погоды. Он по-прежнему шагал резво, преодолевая одну сотню метров за другой. Автобус здесь в этот сезон ходил два раза в сутки, то есть утренний рейс и трёхчасовой, на который он «с успехом» опоздал. Редко попадался легковой или грузовой автомобиль. Последние двое суток совсем не было осадков, дорожное полотно было почищено и хорошо утрамбовано.

Сейчас перед ним распластались снега России. Они белым золотом горели на заходящем солнце. В эти мгновения Николай думал, что где-то на юге, под жаркими лучами, грея свои бочки, спеют такие любимые им маслины. Он ещё не представлял себе, как может быть невероятно и невыносима жизнь без оливкового дерева, дрожащего на обдающем влажностью морском ветру; без его уютной, сотканной из веков тени, которая спасает в жаркий полдень, даря лёгкий сон или глубокую дремоту.

Николай продолжал идти, сохраняя темп. Примерно раз в десять минут он подносил к носу варежку (перчатки в такой мороз были бесполезны: пальцы отмораживались в одиночестве, отсеченные друг от друга кожаными перегородками, творениями моды, которая здесь, в столь суровом климате, занимала почти последнее место в жизни), дышал в неё, для того чтобы не отморозить кончик носа. Вокруг не было никого, никого, никого. Николай слышал свои собственные шаги.

— Как приятно по-русски скрипит снег под ногами, и на самом деле редко кто об этом задумывается. Сколько романтики! — Я остановился и посмотрел на свои собственные следы. Они чётко запечатлевали упругую походку хозяина.

За полтора часа пути Николаю встретился один грузовик и две легковые машины, двигавшиеся в том же направлении, что и наш герой. Огненный шар солнца приближался к горизонту.

— Боже, какая красота! — так просто и звучно сорвалось с уст Николая. Хвойный лес, что окружал трассу с обеих сторон, в закатных лучах солнца стал синим-синим: то ли потому, что ветви елей и сосен были укрыты довольно толстым слоем снега, цвет которого перемешивался с естественной зеленью, то ли потому, что золотые лучи небесного светила просто замерзали в этом северном краю, оставляя за собой способность только светить, но не греть. Картина была поистине неопишима и невыразима ни словом поэта, ни кистью художника. Ты видишь то ли синее на белом, то ли белое на синем. Эти два цвета — цвет Богородицы и цвет морозной чистоты, цвет синевы моря и неба, да цвет самой мечты.

Послышался скрип тормозов. Рядом с Николаем резко остановилась «Лада», обдав морозной пылью. В машине находились двое молодых мужчин, им ещё точно не было сорока. На долю секунды его охватило чувство беспокойства.

— Что им нужно? Зачем я им понадобился? Тот, что был на месте пассажира, поздоровался и почти приказным тоном сказал мне лезть в машину на заднее сиденье.

— Что такое? Почему? Я иду себе своей дорогой.

— Полежайте, полежайте и не спорьте!

— Что значит — не спорьте? Я вас первый раз в жизни вижу!

— Если бы мы проехали здесь ещё на полчаса позже, вы бы нас уже никогда не увидели.

— Позвольте, что всё это значит?

— Вам отгрызут ноги и руки в лучшем случае, в худшем — загрызут совсем.

— Кто?

— Да волки же! Знаете, сколько их здесь?!

Вот об этом Николай, конечно, не подумал, начиная свой путь. Что так просто его могут загрызть волки!

— Откуда вы, молодой человек, вы явно не местный? — спросил тот, что был за рулём. — И скорее полежайте в автомобиль. Мы вас подбросим до Полян.

Тут уж я, не раздумывая, немедленно сел в машину и спешно захлопнул дверь, отделив себя от этого морозного и прекрасного, но столь же и опасного мира.

— Да, вы правы, я с далекого юга нашей такой большой страны.

— Сразу видно. Надо же такое придумать — идти пешком в этой местности!

— Но про волков мне никто не сказал!

— Кто ж скажет, все думают, что это аксиома.

— Боже мой! Меня могли съесть волки. Какой ужас!

И в эти минуты я вовсе не думал о себе. Я думал о том, что меня ждут прекрасные глаза, нежные руки, которых я по своей глупости мог никогда больше не увидеть и не поцеловать. И там, за 5 тысяч километров отсюда, эти нежные руки терзали бы сами себя, надорвалось бы сердце, потускнели бы прекрасные глаза. Какой же я глупый! Какой безответственный! Этот урок я на всю жизнь запомнил. Это не военные действия, это не спасение утопающих, это моя собственная халатность не по отношению к себе, а по отношению к близким и дорогим людям!

— Хватит на сегодня историй, продолжение в следующий раз! Несите-ка лучше наш торт!

Повествование подошло к концу. Дым тонкой струйкой ушел в высоту.

Сигарета догорела у него в руке. Андреас закуривал по привычке, он вот уже почти год как не курил. Сигарета светилась оранжевой точкой в двух сильных сомкнутых пальцах, храня прозрачное молчание.

Мужчины решили перейти в дом.

(Продолжение следует)

Море...

(Вступительная статья)

Когда видишь море, большое и ласковое, с белыми барашками-гребешками волн, никогда не можешь осознать, сколько же их, этих волн?! Схватить хотя бы одну, почувствовать её прикосновение, её поцелуй. Это цель, которой достигают, поверьте, не многие.

Также и поэзия — это огромное море. Как же трудно порой найти в нем свою волну, правильно выбрать её. Тот, кто выбрал, — выбрал. Это как знаменитые строки О. Элитиса*

Жизнь — лишь вспышка,
Кто видел, видел.

Она несёт в себе гармонию и красоту.

Продолжая работать над переводами поэтических произведений Христоса Контонунисиоса, я вновь и вновь плыву по прекрасному и тёплому греческому морю поэзии.

На этот раз мой выбор пал на четыре его поэтических произведения, а именно: «Посещение одной крепости», «В соборе Святого Спиридона», «Ноев ковчег», «Луна сегодня вечером», которые здесь публикуются впервые.

Хочу поделиться несколькими своими наблюдениями: стихотворение «Луна сегодня вечером» в переводе на русский язык обрело как минимум один дополнительный смысл. Вы спросите, как и почему? Это может прозвучать несколько «филологично», но во всём виновата грамматическая категория рода имён существительных. В греческом языке слово «луна» (το φεγγάρι) — среднего рода, а в русском — женского. В переводе появляется метафора переноса философского обращения автора к луне — на обращение к женщине. Разве в русской поэтической традиции не сравнивается хрупкая женская краса с лунным ликом?! Так русский язык вдыхает новое видение, ощущение и восприятие сказанного по-гречески. Поразительна поэма «Посещение одной крепости», которая плавностью и мягкостью греческого языка сумела выразить суровую сущность северных народов, пребывающих в состоянии войны. В этом переводе, на мой взгляд, русский язык демонстрирует свою звучность и могучесть, он помогает постичь замысел автора сквозь свою исконную природу.

---

*Одиссеас Элитис (1911—1996), лауреат Нобелевской премии 1979 г.

Комплекс из четырёх произведений, предлагаемых читателям, в какой-то степени отражает возможности греческой поэтической мысли выражать все крупные этапы духовного развития, пройденные греческим народом да и целой частью человечества: классическая эпоха, эпоха христианства, эпоха Возрождения и нынешний период, как кажется, успешного симбиоза всех трёх предыдущих.

Мне бы не хотелось здесь давать развернутый анализ, не хочу в данном случае выступать критиком. Судить вам! Я лишь снова постаралась передать посредством перевода особенности восприятия и выражения идеального и материального миров в греческой культуре и языке.

С другими произведениями автора в оригинале, а также в переводах на русский и финский языки можно познакомиться в его теперь уже трех поэтических сборниках: «Милость слов», «Эол степи» и *Auroga Borealis*.

Посещение одной крепости

Зияющий глубокий ров держал меня вне настоящего
На противоположном берегу истории.
Меня сковали: толпа дурная и
Ненасытное тщеславие верхов.

Прошел я по тебе, Суоменлинна*.
Метони и Корони** всё ж мне ближе.
Здесь камни в крошку превращаются,
На пять сторон холодного Света
рассеиваются.

Рыданьям раненых я внял,
Тяжёлым шагам крепостных.
Всё ещё бьют барабаны
На этих влажных мостовых.

Измерили мужество и глупость
Владельцы истории,
Уже отмолились они
За здравие.

Дух нельзя перевести, идя по залитым,
Кровью пропахшим переулкам.
Я старался не заметить ужасов мучений,
Но я видел испуганные глаза,
Как прячутся они в тени
Показной храбрости.

---

* Суоменлинна — островная крепость близ Хельсинки, притязания на которую отстаивали русские, шведы и финны в XVIII—XX веках.

** Метони и Корони — крепости рыцарей крестовых походов на Западном Пелопоннесе.

Ветер Спасения сушит холод,
Сушит пот ещё безусого юнца.
Мольбы в пустоте.

В соборе святого Спиридона

Не было случайным единство в восприятии,
Шло во главе терзающее и умиротворяющее
Наше совпадение.

Люди мы, не вечны мы,
Окованы кто танцем, кто игрой.
Нас единит лишь пламя от свечи священной.

Дрожащая рука твоя опорой моей незримой
Сопровождается, неся свечу.
Другое измерение.

Дистанции Земли я преступаю,
Чтоб перед сущностью Святой
Свеча двойным огнём горела.

Ноев ковчег

Не совладели мы со страхом,
Что остались за бортом
Ковчег.
Настал конец света,
Грехи утопили вселенную,
А нас нет.

Рука всемогущая
Нас выбрала двоих.
А также всех земных зверей по паре
В ковчег.

Мы время повернули вспять
К рождению...
Мы видели конец начала,
Любовь на финише и жизни окончность.

Не совладели мы со страхом
И создали свой собственный ковчег.

Луна сегодня вечером

Неполная ты и уставшая,
Обещала, видимо, многое,
Сдержишь, кажется, не всё.

Сегодня ты, как люди,
Мелка да и безрадостна.

Терпение, друг мой,
Всё повторяется.
Круг в углы не впишется.

Георгий Гамсахурдия

Гамсахурдия Георгий Аквсентьевич родился в 1960 году в городе Тбилиси. В 1983 году окончил ГИТИС имени Луначарского, театроведческий факультет. Работал на киностудии «Грузия-фильм», в республиканской газете «Заря Востока». Автор пьес «Ромашки» — диплом конкурса на лучшую пьесу Министерства культуры Грузии, постановка в государственном драматическом театре города Рустави; «Сновидения немого, или Ветер в кулаке» — диплом Всесоюзного конкурса на лучшую пьесу о молодежи, публикация в альманахе «Драматургия» (Грузия), постановка в Сухумском грузинском государственном театре, в Академическом театре имени К. Марджанишвили, в Театре Университета Бредли (Пеория, США); «Приговор свобода» — диплом всесоюзного конкурса им. Вампилова, распространение ВААП, постановка в театре-студии «Драматург», Москва.

Все. Кроме Одной (Отрывок из повести)

Пройдет много лет, прежде чем одни поймут, что рождены от Бога, другие — от дьявола. А третьи — дети обоих.

И пройдет ещё столько же лет — и останутся на земле только третьи.

И не будет ни Бога, ни дьявола.

.....
Удивительно, но болезнь меняет человека до неузнаваемости. Делает его совершенно другим. И старость тоже. Нет, он не тот. Он совершенно не тот.

Неужели я постарею и стану такой же?

...Он просто не хочет меня узнавать.

Как все старики, он любит сладкое. Везу ему молочный шоколад. Хотя он всегда любил сладкое. Старики... У него и сейчас глаза горят. Как у ребенка...

В прошлый раз он, кажется, меня узнал.

Интересно, что чувствует бабочка, растекаясь на моём лобовом стекле? Наверное, то же и я почувствовала бы на её месте...

Почему он меня останавливает? Что нужно этому полицейскому?

— Прошу прощения, проблемы? Вы едете с включённым аварийным сигналом...

— Спасибо, офицер. Не обратила внимания.

Все мужчины одинаковые. Стоит широко улыбнуться — сразу тают, и слюна течет. Надо быть внимательней. Провожает меня взглядом. Хотя я тоже в зеркало смотрю. Ладно. Поехала дальше.

...Если б не этот дурацкий случай, до сих пор бы огурцом бегал. С другой стороны, он же знал, на что шел. Я вот знала, и еду теперь.

После инсульта он так и не оправился. Но врачи говорят — улучшения есть. Обещают, что скоро будет самостоятельно передвигаться.

Детям судьба отца безразлична. Они перестали с ним общаться. Не простили.

А у нас с ним детей нет. Он не захотел... Я не настояла... Теперь уже всё равно.

Надоело. Устала за рулём. А потом обратно... Но не оставаться же там. Вечером еще показ.

А что это я без музыки еду?

Надо в жизни что-то менять. Как-то все однообразно, неинтересно... Машину поменяю. Ага — и жизнь сразу с ней поменяется. Ещё и покрашусь в другой цвет. И подстригусь коротко. Мебель куплю белую.

Господи, что в голову лезет!

Та-ак. Машину влево тянет. Вот только этого не хватало. Колесо спустило.

— Всё-таки проблемы. Есть запасное?

— Офицер? Вы меня напугали. Есть, наверное. Не пользовалась.

— Разрешите открыть багажник.

Интересно, он женат? Судя по возрасту — должен. Я вполне могла быть его женой. И о чем я тогда бы с ним говорила? Наверное, нашла бы тему...

— В десяти километрах мастерская. Остановитесь там обязательно. Счастливого пути.

— Спасибо... Спасибо.

Не буду заезжать. И так уже столько времени потеряла. Минут двадцать осталось — быстро пролетят...

Ну вот и приехала. Сколько он уже здесь? Полгода?

Где моя дежурная шоколадка...

Так. У меня полчаса. А то не успею на дефиле. Чёрт, в парикмахерскую записаться забыла. Позвоню.

Обычно его прогуливают в это время.

Сиделка сама ко мне идёт.

— Здравствуйте... Давайте, пожалуйста, присядем.

Ну только её не хватало с душевспасительными беседами. Ну села. И чего она молчит? Денег, что ли, хочет попросить?

— Вы, пожалуйста, только не волнуйтесь...

С чего она взяла, что я волнуюсь. Но уже нервничаю. У меня и так времени нет. Господи! Долго она еще будет канючить?

— Мы знали, что вы едете, и поэтому не позвонили. Ваш супруг... скончался. Сегодня... Недавно.

Скончался.
Скончался.
Рано или поздно это должно было случиться.
Господи, прости.

— Он ещё в своей палате. Я вас провожу.

Я представляла себе эту минуту много раз, но происходит все по-другому.

За этой дверью мой, ныне уже покойный муж... и вместе с ним моя юность. Какая глупость в голову лезет!

— Там на столе лежат его личные вещи... И тетрадка. Прошу прощения, но я её прочла. Так получилось.

Закрывает за собой дверь.
Мы наедине. И, видимо, в последний раз.
Иногда мне его не хватает... Теперь уже — не иногда.
Он меня так и не простил. Зачем было так драматизировать. Всего лишь глупое увлечение. Лёгкий флирт...

Почему даже сейчас я не могу всё назвать своими словами?
Он совершенно на себя не похож. Такая бесславная кончина.
Дефиле придётся пропустить. Господи прости, какие мысли в голову лезут.
Надо сообщить его сыновьям.

Сдержал он свое слово — попросился со мной два года назад...
Ну не простил и не простил.

Часы. Очки. Карандаш.
Оказывается, как мало надо человеку.
Затёртая школьная тетрадь.
В конце — его подпись и... сегодняшнее число.
Хочется спросить — ты не против, милый?
Исписанные рваным почерком листы.

Я смотрю на своего мужа. А передо мной чужой, совершенно не знакомый мне человек. Но это он... с улыбкой на лице. Или мне кажется.
Нет — он улыбается.

За окном — солнце и дождь.

Первая страница.

Все.
Кроме Одной

...Казалось, можно остановиться и немного отдохнуть. Но это только казалось. Они покоя не знали и ночью. Падая и разбиваясь, калеча — убивая друг друга, они искали приют.

Где б их просто любили. Любили за то, что они есть.

Где б их ждали.

Где б они были нужны.

Но гасла искра божья, а усталость съедала сердца. И с каждым седым волосом, с каждой новой морщиной таяла и уходила надежда. Надежда, которая всегда бывает последней.

Заполняла её место грусть.

Седой прибор внимал моим безумным рассказам и кивал — то ли сочувствуя, то ли переживая. То ли прогоняя. Его слёзы солёными крупинками осыпали лицо. А влага сушила и съедала кожу. Но я вновь и вновь приходил на берег. Мне не найти было столь благодарного и терпеливого слушателя.

А иногда безразличная гладь и вовсе не обращала на меня внимания. Она готовила прибежище слепым душам и разбитым сердцам.

И они приходили.

С потухшими глазами — без грусти и надежды.

И их принимал океан.

.....
Миллиарды звёзд падают на землю, но ни одной из них не суждено вернуться обратно.

В конце лета вспыхнула весна.

Зима не возвращалась,

а осень... осень осталась осенью, и никогда я себя больше не встречал.

Это была моя последняя жизнь. И в ней мне предстояло понять, почему именно она стала последней. И что со мной произошло после неё. Пройдя половину пути, я решил: что должно было — уже случилось. Воспоминания заменили настоящее. Я успокоился, перестал мечтать и путешествовал по своему прошлому.

Но все изменилось, как всегда, вдруг.

Она прокралась мне в голову. Прокралась и осталась.

Она находила меня, когда Ей становилось одиноко. И уходила, когда я отпускал.

Она верила в чудеса.

А чудеса верили в Неё.

Настоящее — лишь миг, вспышка звезды. Звезды, которой Она когда-то была.

Я листаю Её судьбу — страницу за страницей и не могу поверить, что так произойдет...

Бессмысленные глаза смотрят на женщину уставшую, увядающую. Увядшую.

Каждый день,

каждый год,

каждый век.

Она смотрит в бессмысленные глаза.

Первый мужчина, как последний закат.

Хочется вернуться. Но не везёт — и не вспомнить всех. И не замолить грехи. И мимо не пройти. А надо остановиться, но не в силах.

Остановишься — и пустота.

Ночное июльское небо взрывалось фейерверком.

Млечный путь поглотил Землю. А светлячки, подражая небу, рассыпались в темноте.

Именно тогда Она должна была появиться. Я этого очень хотел.

Я знал.

Я ждал.

Я проживу миллионы жизней, прежде чем услышу: «Здравствуйте!»

Она спросит — зачем?

— Просто мне нравится быть с тобой, — отвечу я.

Она испугается, потому что знает — никогда не сможет забыть.

И начнётся наша история, которой не суждено будет закончиться.

Увидел Её — начинается жизнь.

Мы растворяемся в волшебной красоте отражений, нежимся звуками праздничного оркестра, парим кленовыми листьями.

Город празднует свой день — прохожие встречают нас улыбками.

Я подарил Ей пистолет... мыльный. Она выстреливает смех. И пузыри. В них отражаются счастливые глаза. Её улыбка. Её губы! Летают по городу пузыри, улицы переливаются волнами восторженных глаз.

Миллионы мыльных пузырей.

Миллионы счастливых глаз.

Миллионы улыбок.

Город ныряет в ночь.

Серебро на чёрном — особый шик.

Навстречу лошадь. Её хозяйка просит немного денег на овёс.

— А можно прокатиться? — Она гладит лошадь, треплет гриву.

Хозяйка и её питомец обеспечены кормом на месяц. Лошадь теряется в весёлом и хмельном море. И Она — верхом с горящими глазами. Море всегда возвращает чужое.

Я жду, когда смогу до неё дотронуться, чтобы помочь спуститься. Протягиваю руку. Радость выплескивается из Неё и красит улицу, машины, дома, людей, деревья. Кажется, и лошадь улыбается.

Иногда сам не знаешь, что нужно для счастья. А иногда — знаешь.

Теперь Она не любит зеркала. Она не подставляет лицо дождю. Она уже...

Мысленно возвращается обратно и кричит: «Не отпускай!»

Перед ней потухшие глаза и тысячи дней честной любви, как у всех. Ребенок. Работа. И ещё миллионы гвоздей, держащих её на распятии.

А как хочется раскинуть руки ветру! И Она раскинула руки и... нет, не полетела. Не получилось.

Надо было бросить монетку железной птичке и загадать заветное желание — желание, которое никогда не исполнится. Я загадал. Я хотел подарить ей жизнь. Маленькую жизнь. Что загадала она — я не знаю, но Её желания я исполнял всегда.

Ведь главных слова всего два — Да и...

Нет, любовь Она представляла иначе. Иначе должно быть всё — по-другому. По-другому! Так, как у всех. Так, как все это представляют, — цветы, подарки, пьяная свадьба и обязательное золото на руке.

Его, как кольцо с пальца, не снять и не заменить другим. Зарубка на теле. Давно зажившая рана. И она, как память — не болит. Но иногда ноет. Редко. Что твоё — то твоё.

Шрам.

И время над ним не властно.

Но иногда болит то, что ещё не случилось...

Она любит кокетничать. Ей хочется нравиться всем. Придает силы. Она жадно ловит взгляды мужчин: и уличного торговца, и таксиста, и официанта в ресторане.

Я люблю с ней обедать. А Она стесняется. Это правда. И ужинать.

Я помню каждую минуту.

Мальши старательно надувают воздушные шары и запускают ввысь. Их озорные маленькие души устремляются за ними и рисуют на небе чудные картины. Калейдоскоп меняется каждое мгновение. Я вижу — Ей хочется рисовать. И шар Её в небе.

Она — часть меня. И я чувствую Её так же, как и свое сердце...

Сейчас я повернусь, возьму Её за руку, а Она скажет: «Нам ссориться нельзя».

Я поворачиваюсь к Ней. Беру за руку. Жду.

— Нам ссориться нельзя.

— Я знаю.

Я знаю. Знаю, что Она скажет. Знаю, что сделает. Знаю, куда пойдет и когда выбьет стул из-под моих ног. И оставит за спиной дергающееся в судорогах тело. Знаю. И не изменю того, что должно произойти. Ибо изменить судьбу можно, но себя — нет.

Звезда, упавшая на землю, превращается в пыль — я знаю это наверняка. Я это пережил. Не все рождаются звездами. Не все остаются ими. И лишь немногие готовы сгореть дотла и не превратиться в прах.

Наши свидания.

Я подсознательно ускоряю шаг — ну как себя заставить идти, а не бежать?! Сейчас встану и досчитаю до десяти. До двадцати. Нет — до пятнадцати.

Холодок по телу.

Когда-то, играя в мяч, я упал на кусты. Сломанная ветка с карандаш продырявила мне бок. Я закрылся в комнате и, не проронив ни звука, вытаскил... по живому — с сучками и корой.

Не могу остановить дрожь.

Место встречи. Теперь время будет каждую секунду смаковать. Глубокий вдох — надо быть совершенно спокойным. А теперь медленный выдох.

Не всегда глаза заполняла пустота. Не всегда в них отражались чайник и кактус... они дарили теплоту, спокойствие и радость. И любовь — обычную, страстную, желанную. А ребёнок? Это же их ребёнок! Любила Она эти глаза. Она обожала в них смотреть — когда дарили Ей цветы. Каждый день. Всё меньше... и меньше.

А что — Она его любила?

Она думала, что любила.

Она думает, что любит?

Я часами жду в условленном месте. Она неожиданно появляется и шепчет всякую чушь. Как же мне нравится чувствовать себя мальчишкой. Как нравится наслаждаться ожиданием и умиляться, глядя на часы. А Она по-детски испытывает мое терпение.

— Разве можно обижаться на дождь?!

— Почему вы сравнили меня с дождём?

...С неба сыплется алмазы — солнце целует каждую каплю. А к вечеру облака вдыхают туман, готовясь к следующей встрече...

Голодный зверь, учуяв капкан, на него не идёт. Даже если манит пьянящий запах крови.

А если не учуял?

Когда Она рядом, меня разрывает. В голове лишь — Она. Она. Она. Она. ОНА! Я себя уговариваю — тихо, тихо... и меня закручивает смерчем. И кружится голова. И нет этому конца.

Волк отгрызает лапу, попав в ловушку.

Я в плену. Сдался... сам. Пошел и положил голову на плаху — покорно преподнёс топор, а Она...

Будет проживать заново каждую секунду, каждую минуту нашей жизни — всю свою долгую и счастливую другую жизнь.

Я её не отпускаю — хочу отпустить, но не могу. Я прожил уже другие миллионы жизней, и теперь мне её даже не узнать. Но не могу. Расстаться с мечтой — с моей мечтой.

Любовь взрывается мгновенно. Уходит долго, мучительно, жестоко — вырываясь кусками кровавого мяса. Уходит, но не вся.

Ловлю себя на том, что разговариваю с Ней. Сам спрашиваю и сам отвечаю — и не всегда то, что хотел бы услышать. И наша воображаемая беседа иногда доходит до ссоры. А иногда...

Я расспрашиваю Её. Она рассказывает убедительно, спокойно, не смущаясь. Расспрашиваю подробности. Отвечает. Повторяю вопросы. Те же ответы... к сожалению.

Разочарование — худшее из человеческих состояний.

— Обманывая, ты унижаешь и себя.

Она превращается в пунцовую розу.

— Что молчишь?

— Я готова провалиться сквозь землю, — выдавливает Она. — Я боялась...

— Страх — хорошее оправдание для малодушия, — обрываю Её. —
И только не надо извиняться.

— Простите.

У Неё именины — придут гости. Много гостей. Будет весело — и петь, и танцевать... очень весело. Надо успеть всё приготовить, а ещё — в салон, а ещё волосы подкрасить — седину. Ах, да какая разница — теперь Она любит свой дом, свой сад, свою машину. А котика как любит! Жизнь удалась?!

Разжиревшая душа способна лишь жиреть! А юность не знает страха. Юность наивна, юность беспощадна... и глупа. Недоверчива и прекрасна.

Не хочешь утонуть — беги от воды.

А я хочу.

Хочу раствориться в Ней.

Хочу туда, куда Она ещё никого не пускала.

Хочу ворваться, не разбирая пути-дороги. И бежать, бежать на манящий к себе маяк. И разбиться о берег, и оставить свой след на каждом сантиметре этой скалы.

Хочу!

Жизнь унижает неудачников. И, как продажная девка, отдаётся победителю. Но не даром.

Такую жизнь Она выбрала сама. Была ли ненависть? Нет ни ненависти, ни сожаления, ни смысла. Хотя кто ищет смысл в единении?! Она закрывает глаза — и возвращается... даже, когда отдается... возвращается в никогда. И цепляется там за каждое мгновение. Она не любит утро. Но утро упрямо наступает каждый раз. И с каждым днем всё быстрее и быстрее.

— Пожалуйста, два билета на первый вылетающий самолет.

Мы над облаками. Внизу вечереет. В иллюминаторе солнце только готовится за горизонт, а луна уже появилась. Я даже не знаю, в какую сторону мы летим — но Её смех... Её смех!

Мы взбираемся всё выше и выше. Она поскользнулась. Ловлю Её — и кубарем по снегу вниз. Два снежка. Согреваю Её руки, а вечером — горячее красное вино.

В Ней отражается огонь. Камин с благодарностью принимает поленья. Пламя ласкает Её и целует.

Её тепло.

Её нежность.

Её желания проникают в меня.

В окно стучится мокрый снег, луна расстилает свой ковёр прямо к нашему порогу. Пусть время остановится.

Она хотела быть мною украдена.

Она хотела быть мною любима.

Она хотела... хотела быть просто со мной.

Смотрю на Неё и вижу.

Перед сном Она рассказывает дочери о добром волшебнике, который исполняет все желания красивых девочек. И Её дочь верит в волшебника. И Она тоже.

И впервые Ей станет... не жалко — обидно! Обидно за каждый прожитый так день — счастливо и... очень счастливо.

В голове стреляет — сегодня не вернуть.

И Она начнет считать дни — дни, что не вернуть. Она больше не хочет прибавлять к ним ни одного. Она долго смотрит на себя в зеркало. Долго. В глаза.

Та же прохлада, та же роса, то же небо, облака, едва касающиеся земли. Солнце над горизонтом — восход или заход?

Не верю в случайности. Верю в судьбу, а она...

— Я ухожу, — сказала Она. — Я ухожу.

Мое сердце взметнулось атомным грибом и развеялось по всему свету. Она не умеет просить. Она умеет плакать — изливать себя отчаянными слезинками.

Во мне до сих пор звенит голос.

— Я не забуду вас никогда, — затаив дыхание, Она это сказала.

Её слезы впивались в меня осколками разорвавшейся души и прожигали соляной кислотой.

Рухнуло всё вокруг: дома, мосты, дороги. Вырывало деревья с корнем. Земля трещала и стонала. Потоки грязи заполняли реки. Я ошибся. Это — не Она. Я потерял ту, настоящую. Ту, которая меня ждёт и верит. Я ошибся. Природа победила разум.

Она не скажет почему. Она осталась без крова. Как Ей было мне это сказать?! Я чувствовал каждое дуновение Её золотистых волос, слышал тихий шёпот Её ресниц. Но тогда оказался глух и слеп. Я на коленях. Я прошу. Я умоляю. Я теряю Её. Н-е-е-е-е-т...

Нет. И вспомнить даже нечего. А столько лет прожили вместе! Она мечтала жить у моря. А прожила в маленьком провинциальном городке с большими домами и угрюмыми улицами, с вечными старухами, лужгающими семечки, и синюшными стариками с адским весельем в глазах.

Пройти может всё. А вернуться — никогда!

— Простите меня, ради бога, — донеслось до меня.

Поезд разрывал ночь... кромсал.

Он забрал Её в кромешную темноту.

Воздух не давал дышать. Моя жизнь вырвалась и помчалась вдогонку.

И затерялась в другой ночи.

Я очнулся. Ярость хлестала меня по щекам, злоба дышала холодом в лицо.

Загнанные в угол животные — домашние — тихо подставляют горло ножу. А от моего воя бились стёкла и осколками вонзались в грудь. Было больно невыносимо. И каждый сантиметр расставания усиливал эту боль.

Друг отдал мне дом. Он хотел, чтобы там жила Она... и я... не успел Ей об этом сказать.

Нестерпимой мукой мы одариваем тех, кому уже отдали свою любовь, своё сердце, себя.

Простить мои мольбы я не смог. В Её доме стала жить другая — не ставляй охотника быть добычей.

Через несколько дней я Её услышу. Как я ждал — вновь насладиться журчащим нежностью ручейком.

— Ой, как вы на меня сердиты! Ругаться, наверное, будете?

Господи, что же я делал?! Но слова вырывались дикими птицами и клевали Её, душили, раздирали. Как я был глуп. А подлый яд унижения превращался в кровь, разносился по телу и бил в голову.

Когда разделяешь жертву — важно не порвать желчный пузырь.

— Ты умерла для меня!

Она вернулась. Она не могла уйти. Ей надо было знать, что я рядом. Хочу быть с Ней. У Неё не было ни друзей, ни подруг. Был только я. Она не может быть одна. Она не переносит одиночества.

Кто-то заботливо создавал вокруг нас сказку, подталкивая друг к другу. Но стоило приблизиться, отбрасывал что есть силы. За всё надо платить. И не всегда деньгами. Сказка продолжалась. Не всякой любви настает конец.

Солнце строго держит на орбите планеты — и ни на шаг им не уйти со своего пути.

Каждый в точности шёл по начертанному. Маленькими шажками мы подкрадывались друг к другу. Я был счастлив.

Я хотел вдохнуть Её запах.

Я хотел Её обнять.

Я хотел пролететь с Ней над пропастью моей жизни. Но не разбиться, не потерять Её так. А иного пути друг к другу не было.

Я не верил, что Она сможет.

Сам замахваюсь ножом на прошлое. Отсеку. Лишь поранил... себя.

Перед сном я рассказываю сыну про вернувшуюся на небо звезду. И он мне верит. А я — верю себе.

В ожидании ребенка особая красота — ни с чем не сравнимая. Женщина — хранитель таинства. А младенец — итог долгой, мучительной и неравной битвы за юную душу. И великая награда.

Ожидание первенца. Желанного. А что ещё впереди?! Впервые... Впервые... Впервые... Впервые! Услышав «мама», сердце танцует и поёт. И кружится голова.

Дети появляются от любви, а после секса от них избавляются.

Мой брат — когда он уходил... жена встала на колени перед дверью... и ребёнок! Он переступил через этот порог. Теперь он счастлив. И лишь иногда — когда выпьет — вспоминает их глаза, полные слёз. И плачет. И у него есть мечта — стать временем.

Когда предаёт самый близкий, самый любимый — в тот миг заканчивается юность. И уходит за горизонт вместе с солнцем.

Вечереет. Воздушная скатерть, вышитая вручную, чашки, выбранные из сотни других. Вишневый пирог. Радуга на столе, сотканная из живых цветов! Чего бы ни касалась Она — даже сломанной на дороге ветки, — становилось прекрасным. Веранда. Семья пьет чай. А Она — любимое красное ...

Вино — как любовь.

Молодое — обманчиво. Пьётся как сок, разум не мутнеет, а потом — обухом по голове.

Зрелое — с самого начала чувствуешь силу.

Выдержанное — не каждому по плечу.

— А почему овцы рожают от баранов... а идут за козлом?

— Глубоко! Они же самки. Девушки то есть.

— А можно надо мной не издеваться?! — Она так мило злится.

Временами пропадает. Может, и не стоит понимать — почему?! Может, просто принимать всё так, как есть?

Ей нравится смотреть на сильных, мускулистых, крепких парней.

— Го—о—о-л! — встаёт весь стадион.

Не нравится мне здесь. Возьму Её за руку и отсюда... куда-нибудь, где мы будем вдвоём, чтоб уютно и тихо. И признаюсь Ей.

Она сказала — нет.

— Нет? — взорвусь. Взорвался.

— Г-о-о-о-о-о-л! — Она обезумела?! Обезумела.

Встал. Ухожу. Не замечает. Толпа ревёт. Стою. Смотрю.

...Никто и никогда меня больше не предаст и не продаст. Как тот фермер, что отвёл на базар молодого бычка. Да пошел он...

Прочь. От Неё прочь.

А дальше что?

Почему мы делаем то, что знаем — делать не стоит.

Всего одно слово — и... нет выбора? Где свобода, за которую я готов умереть?! Или моя свобода — то июльское небо?

Я Её спросил?! Я не хотел. Нет — хотел.

И нет дороги назад.

В другой Галактике найду свою — другую звезду. Нарожаем детей. Построим дом. Посадим деревья. И не вспомню о том, что было. Никогда. Никогда!

День судьбы раз в году. Как проведёшь, так и будет весь год. А сегодня День моей жизни.

Старательно разрываю каждую ниточку.
Вместе их не порвать — а по отдельности... долго, но рву.
И остается последняя. Не поднимается рука.
Ну да ладно, что одна нить между нами?! Сама исчезнет. Растворится.
Вкус крови — губу прокусил... чёрт!

Несовместимы свобода и любовь. Любовь похожа на рабство. А раб этот требует верности и преданности. И предательства не прощает. И даже если простит — всё равно не прощает.

Господи, ну почему именно Она?!

Я отпустил.

Я не напоминал. А Она стала обо мне забывать. И появился чужой. Рядом должен быть мужчина — у всех же есть.

Я гадал на лепестках Её души.

Нет. Она меня не любила. Не могла полюбить. Я был для Неё всем, но не любимым. Но как сладка ложь. Я представлял... А Её руки ласкали других и ждали меня.

Предательство и измена. Любовь и верность. Если перемешать. Получилось. У Неё получились.

Она с жадностью любила. Она позволяла испить себя до последней капли, но не мне.

Я написал Её имя — и сжёг! Я вырвал Её из себя — сердце бросил бродячим псам.

(Продолжение следует)

Елена Шапельникова

Родилась в Тбилиси. В 1970 году закончила филологический факультет Московского государственного университета им. М. Ломоносова. Много лет проработала переводчиком-синхронистом польского языка, редактором издательства «Прогресс». В издательстве «Олма-пресс» в ее переводе вышли любовные романы М. Джонс «Падение в рай» и М. Э. Ротман «Тайна леди Кэт», а также «Аффирмации» и «Цвета и числа» Луизы Хэй. С 2005 года живет в Израиле.

Полина

Мусиных никто евреями не считал, хотя они своей национальности не скрывали. Потому что жизнь Полины и её семьи ничем не отличалась от жизни окружающих её русских людей. Хотя нет, был один нюанс. Когда в лифте писали «Бей жидов!», Полина долго отмывала стены и чертыхалась. А с другой стороны, как можно было записать их в евреи, если они справляли Рождество и Пасху. А мама Полины — Раиса Марковна — часто бегала в церковь и крестила свою дочь. И дети у Полины были крещёные. Полина готовила «гефилте фиш», или рыбу по-еврейски, только на православную Пасху. А про еврейскую ничего не знала. Впрочем, фаршированную рыбу Полина делала на все семейные торжества и государственные праздники.

Однако когда наступили суровые времена, Полина попросила мать и её тёток встать на учёт в синагоге. И муж Полины раз в месяц развозил в сумке на колёсиках продукты от американской благотворительной организации для пожилых евреев, то есть тёток Раисы Марковны и для неё самой.

Соседи к такому повороту событий отнеслись не то что с пониманием, а с завистью. Потому что на их лестничной клетке жили одни русские, которым неоткуда было ждать помощи. И если в семье Раисы Марковны образовывался излишек гороха или риса, они с благодарностью принимали дары, предназначенные советским евреям.

Полина закончила Педагогический, Володя Орликов — её муж — Политехнический. Физики и лирики, так сказать. Познакомились они не случайно, не в стройотряде, не в походе у костра. А через знакомую мамы Володи, который к тому времени уже три раза был женат и разведён. Но его мама не теряла надежду устроить судьбу сына. И постоянно просила его друзей и своих подруг подыскать хорошую девушку для своего балбеса.

Володе было тридцать. Полиночка, которая не понравилась будущей свекрови, выглядела моложе её сына. Хотя ей в том году стукнуло тридцать два. Просто она умела хорошо краситься и одеваться. И не ударила лицом в грязь при первой встрече с будущей свекровью. Жили Орликовы в Подмосковье, а Полиночка — в Москве. Девушка в гостях засиделась. И мама Володи предложила ей переночевать у них. Но не в Володиной комнате, а в их с мужем спальне.

Мужа она послала ночевать к Володе, а девушку положила к себе в постель. Чтобы молодежь ночью не забаловала. И зорко следила за ней. Подмечала каждую мелочь. Как она разделась, аккуратно повесив свою юбку и блузку на спинку стула. Как сняла капроновые чулочки. И осталась в одних трусиках и лифчике. Будущая свекровь достала из шифоньера ночнушку необъятных размеров. Полина не посмела отказаться, молча влезла в неё, после чего стянула трусики и лифчик. И легла. Даже не спросила, где у них ванная. Не взяла предложенного полотенца. Не постирала чулки и трусики. И утром не подмылась и не умылась, а быстренько натянула на немывтое тело свои вещички, выпила стакан чая и убежала вместе с Володей.

За утренним чаем мама с папой подводили итоги визита очередной кандидатки.

— Что тебе сказать, Сева? — вздохнула Инна Яковлевна. — Могу дать голову на отсечение, что наш сын всегда будет сыт и обут. Она не потерпит, чтобы рядом с ней мужчина выглядел как бомж. И видно, что умеет готовить. Смотри, какой холодец принесла к столу. Даже у меня такой не получается!

— Так чем же ты недовольна? — муж не мог взять в толк. — Как будто все хорошо. И недурна собой, и Володе нравится. К тому же хозяйка отличная.

— Наш сын будет жить в хлеву! Помяни мое слово! — мать горестно вздохнула и налила себе ещё чаю.

После свадьбы Володя переехал в Москву к Полине в её трехкомнатную квартиру, в которой она жила вместе с мамой. На деньги, подаренные родственниками, Полина купила спальню, которая еле поместилась в узкой проходной комнате с балконом.

Детей они зачали на новых кроватях. Полина родила двух мальчишек, одного за другим. А потом к мужу охладела. Да она и не была влюблена в него. Даже до свадьбы. Просто пришел срок. Все подружки были замужем. И ей хотелось. А поскольку сексу она большого значения не придавала, ей казалось, что мужа со временем удастся полюбить. И что она будет находить радость в его грубых и неумелых ласках.

Но чуда не произошло! Никаких чувств к мужчине, лежавшему на соседней кровати, она не испытывала. Более того, с годами он стал раздражать её. Однако о разводе не могло быть и речи. Это что же? Опять одной в гости ходить? Нет, никогда! Сколько она настрадалась, пока нашла этого крепкого и молчаливого истукана!

Перед походом к её подругам она с самого утра пилила его, требовала, чтобы он принял душ и надел всё чистое. Муж угрюмо молчал. Заставлял себя уговаривать часами. Потом сдавался. Шёл в ванную. И сидел там долго-долго. Выходил чистый, благоухающий дорогим парфюмом. И прямоком отправлялся в спальню, где на его кровати уже лежали приготовленные женой трусы, носки, майка, сорочка и новый костюм.

Володя был так устроен, что после бани его всегда тянуло на секс, которм они с женой теперь занимались очень редко. И жена знала: раз он пошел ей на уступку, помылся и побрился, придётся выполнять супружеский долг. Она молча заходила в спальню, скидывала халат и поворачивалась к нему лицом.

— Ляг, что ли! — с досадой говорил он, окидывая взглядом располневшие прелести жены.

— Некогда, дети скоро придут! Я послала их в магазин! Давай по-быстрому!

После таких слов желание притуплялось. То есть притуплялись его чувства, а желания оставались. И жена тому свидетель. Потому что он накидывался на неё, как голодный волк. И она, раскачиваясь с ним в унисон, удивлялась каждый раз, сколько в нём ещё силы. И как долго он до сих пор её мучает. Но вот наконец наступала кульминация. Она тут же накидывала на себя халат и выходила из спальни. И даже не шла в ванную. А прямо на кухню. Чтобы побыстрее закурить. И забыть о том, что только что произошло с ними в их супружеской спальне.

И тем не менее даже это молчаливое соитие, которое не приносило обоим никакой радости, постоянно всплывало в памяти супругов, пока они сидели в гостях. Муж прижимался к бедру своей благоверной, надеясь на продолжение вечером. А она старалась всё время отодвинуться от него, чтобы его близость не напоминала ей о том, что было утром. Но места за столом было мало. И ей это не удавалось. И приходилось терпеть его жаркое бедро, которое не давало ей повернуться и пококетничать с соседом.

Полина любила кокетничать. И имела успех у мужчин, которым нравились её веселость и легковесность. Она не переносила серьёзных разговоров о поэзии и литературе, хотя до замужества регулярно читала все толстые журналы и не вылезала из театров. Пользуясь своими связями в профкоме, приобретала билеты на все самые громкие театральные премьеры. Однако ей казалось, что чтение и походы в театр — удел незамужних девиц, которым надо всё это делать, чтобы понравиться мужчине.

Замужество освободило её от тяжких обязанностей. Она забросила чтение, перестала ходить в театры. И всё свободное время проводила в приятных разговорах с подругами и в поисках дефицитных товаров. Единственное, что она не забросила, — это шитьё. И продолжала шить себе. Чтобы выглядеть модно и привлекательно. Потому что считала себя хорошенькой. И с годами своего мнения не изменила. Конечно, после родов она раздалась в бедрах. Но ноги остались такими же ровными и худыми. А грудь стала ещё пышнее. После рождения второго ребёнка она отрезала косу и стала стричься «под мальчика». А когда появилась седина, из шатенки превратилась в рыжую. И красилась постоянно.

Лицо у Полины было очень необычное. Большие карие глаза и большой нос казались ещё больше из-за непропорционально маленького подбородка и рта с узкими губами. Но Полина не унывала. И сумела внушить мужу и подругам, что у неё армянский тип красоты, хотя армян в её роду не было никогда. Она и свою игривость приписывала мифическим армянским генам. Но флиртowała только в присутствии мужа. Чтобы он понял, какое сокровище ему досталось. Муж на её поведение внимания старался не обращать. Так как давно догадался, что дальше хиханек-хаханек у его супруги дело не пойдёт. Что она весело строит глазки молодым людям, чтобы полить его. Чтобы он приревновал. И тем не менее он каждый раз попадался на её удочку, хотя точно знал, что ей не нужен ни один мужик. Но видеть, как «своё» тает в объятиях чужого мужика во время танцев, было выше его сил. Однажды он даже дал ей пощёчину. Полина поняла всё правильно. И совсем не обиделась. А дома, когда они уже лежали в постели, даже попросила у мужа прощения.

Их быт ничем не отличался от жизни любой русской, а точнее, советской семьи. В советские времена Володя приносил всю зарплату жене, которая каждый день выдавала ему заветный рубль. Однако он не привык экономить на себе. И каким-то чудесным способом постоянно имел заглазник, который жена бессовестно опустошала, если случайно находила. Она закатывала ему скандалы не потому, что подозревала его в измене. На этот счёт она была спокойна. Володя на сторону не пойдёт. Ему вполне хватает их банного секса. Ей было обидно, что он утаивает от неё доходы, а она из последних сил старается одеть его и детей, чтобы все вокруг говорили, какие у неё ухоженные мужчины.

Полина работала в Министерстве просвещения, куда по большому благу её устроила материнская тётка после окончания школы. Институт она закончила без отрыва от работы. И сразу пошла на повышение. Но не по профессиональной, а по комсомольской линии. Потому что была заводилой в коллективе. Из комитета комсомола плавно перешла на освобожденную работу в профкоме. Там её и застала перестройка.

Володя работал в одном из НИИ. Чем занимался её супруг, Полина не знала и не стремилась узнать. Больше всего её интересовала мужнина зарплата. Она никогда не расспрашивала его о работе, сослуживцах, о том, как он провёл день.

Перестройку Полина встретила во всеоружии. Планы их дальнейшей жизни были выработаны на семейном совете Раисой Марковной, её тётками и Полиной. Володю на совет, состоявшийся на квартире самой старшей, обеспеченной и бездетной материнской тётки, даже не пригласили. И он долго не мог простить жене, что семья, хотя бы ради приличия, не поинтересовалась его мнением. Однако против принятых там решений, то есть по существу, никаких возражений не имел. Семья начала готовиться к трудным временам. И надеяться можно было только на женщин.

Полина закончила курсы собачьих парикмахеров, продала мужнин «Запорожец», на вырученные деньги от которого купила элитного щенка. Уволилась с работы и засела дома. Тогда ей казалось, что заказам на стрижку не будет конца. А элитная кокерша будет постоянно рожать щенков, которых удастся продать по бешеным ценам. Увы, собак хозяева стригли весной, перед дачей, и после окончания дачного сезона. То есть она была занята в апреле-мае и сентябре-октябре. А всё остальное время стрижки случались очень нерегулярно. Кокерша беременела, но сбыть щенков оказалось делом непростым. И они иногда болтались под ногами месяцев до пяти. И продавались совсем не по бешеным ценам.

Володин НИИ закрылся одним из первых. Но он себя в новой действительности не нашёл. В основном сидел дома и ругал новую власть. А во время выборов отдавал предпочтение партиям националистического толка и жалел, что Сталин давно умер. Тем не менее его политические взгляды не мешали ему ежемесячно привозить продуктовые наборы из синагоги. И с аппетитом лопать рыбу по-еврейски, которую жена продолжала готовить на все праздники.

Идея об отъезде не раз приходила ей в голову, но Володя покидать родину не хотел. Да и взрослые мальчишки были на стороне отца. Оба встречались с русскими девушками. И Полина не протестовала, потому что не представляла себе жизни где-нибудь, кроме Москвы и её родного Выхина. Но ког-

да с Израилем ввели безвизовый режим, Полина всё же решила съездить в гости к своей подруге, с которой училась в одной из лучших школ в центре Москвы. Уж очень было интересно, как живётся людям на Святой земле. А поскольку она ехала в гости к подруге, у которой был муж, пришлось взять Володю, для симметрии. А то чего доброго родственники и знакомые Инги не поверят, что Полина — солидная замужняя женщина.

По такому поводу Володе были куплены в «сэконд хэнде» новые вещи: костюм, джинсы и несколько сорочек. Впрочем, она тоже обновила свой гардероб, который состоял из брюк, свитеров и блузок.

Володя в новом костюме смотрелся очень хорошо. И Полина даже попросила сына щёлкнуть их перед отъездом. Солидная пара: он с поредевшими, но всё ещё довольно густыми седыми волосами, широкоскулый и голубоглазый. Высокий и не прибавивший ни одного килограмма за столько лет совместной жизни. А рядом с ним она — в прекрасных новых брюках и новой куртке-дутике. С большими глазами и таким же большим носом. Но он хмурый и смотрит куда-то в пол. А она весёлая и смеющаяся, словно ей не шестьдесят, а сорок. И всё ещё впереди.

Инга с мужем встречали их в аэропорту. Полина поразились, как они выглядят. Два оборванца, иначе не скажешь. Инга была в каких-то застиранных джинсах и футболке, поверх которой набросила легкое пончо. Он — в сандалиях на босую ногу и старой клетчатой сорочке навывпуск. Полина даже подумала про себя, что надо было купить им подарков побольше. И кое-что из одежды в том же «сэконд хэнде». Однако на улице она была приятно удивлена, когда Рома подвел их к новенькому «мерседесу». Уже в машине Полина с удовольствием закурила сигарету, но Рома довольно резко сказал, что у них не курят. Ни дома, ни в машине. Полина не обиделась, потому что два года назад была у родственников в Германии. И все три недели ей приходилось курить на лестничной клетке или на улице.

Школьные подруги не виделись лет пять — с последнего приезда Инги, которая остановилась в квартире Полины. К приезду одноклассницы Полина пригласила женщину, чтобы та сделала генеральную уборку, поскольку сама убирать не любила. А уж если брала в руки тряпку, то только перед приходом важных гостей.

Полина своей квартирой гордилась. И все соседи бегали смотреть, какой она отгрохала ремонт. Изменения действительно были большие. Она расширила прихожую за счет стенных шкафов, соединила ванную с туалетом, чтобы втиснуть туда стиральную машину, пол в прихожей и кухне выложила дорожкой итальянской плиткой. Не говоря уже об испанском кафеле в ванной на полу и на стенах, который стоил целое состояние.

Готовилась Полина к ремонту года три: постепенно, на свою пенсию, прикупала сантехнику, плитку, обои. И складывала все материалы в спальне на шифоньере или в углу. А когда всё вплоть до нового душа и полотенцесушителя было закуплено, нашла дешёвого, но хорошего мастера. Правда, Володя очень помог. Чтобы платить меньше, он с сыновьями разрушил стенку между ванной и туалетом, снял в ванной коробку. Да и потом, когда мастер приступил к работе, ежедневно трудился с ним на равных, с каждой минутой удешевляя стоимость производимых мастером работ.

Полина готовила еду и кормила работника с мужем. Старалась побаловать обоих, чтобы им работалось веселее. А летом она наняла молдаван,

которые ей отремонтировали комнаты и кухню, положили плитку в прихожей и кухне и постелили линолеум в комнатах. И с молдаванами она сумела найти общий язык, только вот втиснуть Володю в их бригаду не удалось. Цены они не спустили и от Володиной помощи отказались. Когда ремонт подходил к концу, она заказала мебель для кухни и диваны в гостиную. И только после того, как ещё в течение года вставила во все окна стеклопакеты, пригласила подругу из Израиля к себе домой.

Инга ремонт её похвалила, но в восторг не пришла. Не то что её соседки по дому. Полина отвела ей комнату младшего сына, которого не было в городе. А Володя работал у Инги шофером. И с утра до вечера возил её по столице на новеньких «Жигулях». Подруги часто ездили в гости к своим одноклассницам, которым Инга рассказывала, какая у Полины уютная квартира. С каким вкусом подобраны обои и мебель. И какая замечательная у неё ванная, в которой уместилась новая стиральная машина «Аристон».

Из рассказов Инги получалось, что самое большое впечатление на неё произвела именно стиральная машина, потому что она была с сушкой. Все вокруг недоумевали, так как в магазинах были машины покруче «Аристана». И её подругам казалось, что наверняка в Израиле можно купить товары гораздо лучшего качества.

Инга поразилась, увидев в каждой комнате телевизор. Собственно, телевизора не было только в ванной.

— Зачем тебе столько? — поинтересовалась она.

— А разве у вас не так? — парировала Полина. — В Москве в любой квартире у каждого члена семьи по телевизору. Потому что мы все смотрим разные передачи. Я люблю политические и спортивные, Володя — боевики и триллеры, а сын крутит фильмы по виду.

Старший, который к этому времени жил уже отдельно, подтвердил, что и у него дома в каждой комнате по телику. А в кухне телик включается по утрам и вечерам во время еды, чтобы посмотреть новости.

— А у меня не так. У нас всего один большой телевизор в салоне и маленький в кухне. Рома принципиальный противник телевизора в спальне. Потому что мы читаем перед сном. А телик смотрим где-то с восьми до одиннадцати вечера. Новости и какой-нибудь фильм. Да к тому же нас днём дома нет, мы все работаем.

— И ты тоже? — Полиному удивлению не было предела.

— Да, и я. А что мне делать дома? — Ингу вопрос одноклассницы удивил. — Да и лишняя копейка не помешает.

— А когда в Израиле женщины выходят на пенсию? — поинтересовалась Полина.

— Мне ещё трубить четыре года, но Рома говорит, что надо работать, пока можем.

— Не поняла, — Полина аж присела от удивления на стул.

— А что непонятного? Девочки выросли. Уже давно живут своей жизнью. Мы остались одни.

— Так можно помогать старшей с внуками... — робко предложила Полина.

— Можно, конечно, мы и помогаем. Берем внучку на выходные к себе. Не на каждые, конечно, а раз в две-три недели. Потому что устаем очень. Хочется дома отдохнуть в тишине, пообщаться с друзьями, поехать куда-нибудь.

— Вы, наверное, часто отдыхаете? — поинтересовалась Полина. И, не дождавшись ответа, добавила: — А мы десять лет назад купили хату на Смоленщине. В родном селе Володиных родителей. И теперь каждое лето ездим туда отдыхать. На своей машине. Раньше на поезде, а теперь на «Жигулях». Даже прицеп приобрели. Я привожу оттуда разные варенья, соленья, овощи, фрукты, лук, которого хватает до февраля. Отовариваюсь под завязку.

— Рома любит отдыхать за границей. Когда девочки были маленькие, мы ездили с палатками на море. Снимали циммеры на севере.

— Не понял, на каком севере и что вы снимали? — переспросил Володя.

— На нашем. На севере Израиля. Там сдаются домики со всеми удобствами. В очень живописных местах. Часто в кибуцах. Но это всё в прошлом. Теперь Рома заказывает нам гостиницы через Интернет. В прошлом году мы были в Испании, два года назад — плавали по Луаре.

— Я тоже ездила в Турцию, — похвасталась Полина, но умолчала о том, что, кроме магазинов с дубленками и обувью, в Стамбуле не видела ничего.

— А куда? — поинтересовалась Инга. — Мы с Ромой раза три отдыхали в Анталии.

— Нет, я была только в Стамбуле.

Жили Куперманы в Петах-Тикве в районе вилл, недалеко от больницы «Бейлинсон». В последний свой приезд Инга показывала фотографии, на которых была снята вся её семья за завтраком на балконе собственной виллы. Но Полина не ожидала, что дом будет таким красивым и удобным. Что там два этажа. И у них будет своя спальня и ванная. А также кухня. Хотя никто отдельно готовить не собирался.

Подруга с мужем составили программу на каждый день пребывания гостей в Израиле. Полина была счастлива. Не придётся сидеть дома. Инга взяла отпуск, чтобы возить их по стране.

Рома рано утром уехал на работу, а они встали попозже. Спокойно позавтракали в Ингиной кухне, а потом на её машине поехали посмотреть город. Полина машину не водила, хотя у них с мужем была последняя модель «Жигулей», на которой они в основном ездили на дачу или к друзьям. Она до сих пор продолжала стричь собак, но пользовалась общественным транспортом из-за московских пробок.

Маленькую серебристую машину Инги парковать было легко. Они посетили супермаркет. Полина пришла в восторг от ассортимента овощного отдела. Она с удивлением сравнивала цены на болгарский перец тут и в Москве, брала в руки лук-порей, различные сорта салата, но только овощи показались ей дешевле, чем в России. Колбасные и молочные изделия, по её мнению, в России стоили меньше. И на вкус были не хуже.

— Володя, смотри! — она постоянно теребила мужа, равнодушно смотрящего на горы фруктов и овощей.

— Да отстань ты! — грубо обрывал ее супруг, которому было стыдно за жену, восторгавшуюся на весь магазин.

Инга уехала с Ромой в конце 79-го. Но мама её осталась в Москве. Поэтому Инга моталась в столицу часто. А Рома за всё время был раза два или три. В Израиле его все называли Рами. С дочерьми супруги общались исключительно на иврите. Внуки тоже русского языка не знали. Поэтому разговаривать с ними Полина не могла. Новости они тоже смотрели местные. И даже ради гостей Рома не делал исключения. Потому что российские со-

бытия его уже давно перестали интересовать, в связи с чем Полина по утрам включала маленький телевизор на кухне, чтобы узнать, чем живет столица, пока она в отъезде.

Рома был невысокого роста. Приземистый и мускулистый, с бритой головой по израильской моде. Ходил он дома и на работу как бомж. Полина не верила своим глазам. И на второй день не удержалась и стала расспрашивать подругу. А вдруг жильё не их, вдруг они его просто снимают? Или у семьи временные трудности?

— Инга, это ваша вилла?

— Да, я же тебе рассказывала о ней ещё в последний приезд в Москву.

— А долгов у вас нет случайно? — Полина терялась в догадках.

— Бог миловал, — рассмеялась её школьная подруга, но потом заметила серьезно: — Знаешь, у нас таких вопросов не задают.

— А почему? Это тайна? — удивилась Полина.

— Да, мы не привыкли обсуждать наше материальное положение с чужими людьми.

— Так разве я тебе чужая?

— Ты, Полиночка, конечно, не чужая, но всё же — не член моей семьи.

А это дела семейные.

— Извини, если что не так.

— Извиняю, дорогая, не обижайся! Если бы ты спросила Рому, он бы тебе нагрубил. Ты же видишь, какой у него тяжёлый характер. И он не терпит, когда кто-то суёт нос в его дела.

— Спасибо, что предупредила, подруга! — Полина искренне обрадовалась, что не стала говорить с Ромой об этих вещах. Но вопрос одежды, которому она придавала такое значение, по-прежнему волновал ее. — Ты только объясни, почему он ходит на работу в спортивных брюках и каких-то бобочках?

— Потому что в Израиле в хай-теке нет дресс-кода. Люди носят, что хотят.

— А-а-а... — Полина не знала, что такое «хай-тек» и «дресс-код», но спросить не решилась.

С Ромой вообще было тяжело. После работы он обязательно отдыхал часа полтора в супружеской спальне. И тогда жизнь в доме замирала. По выходным — дрых после обеда. А все экскурсии Инга выбирала с таким расчетом, чтобы и самой поспать часок после еды в пятницу и субботу. Полина, которая не ложилась днём никогда, понять их расписания не могла. Вечером Рома мог на самом интересном месте выключить телевизор, потому что завтра надо было рано вставать. И в одиннадцать отправлялся в спальню. И страшно злился, если Инга не шла вместе с ним, а оставалась поболтать с гостями.

— Вы что, каждый день занимаетесь этим делом? — Полина не могла себе представить, что этим можно заниматься с такой частотой.

— Нет, конечно, — смеялась Инга. — Просто ему надо, чтобы я была рядом. Он ревнует меня к тебе.

— Тебя ко мне? — Полина не верила своим ушам. — Так я не по этому делу... — хихикнула она.

— Он ревнует потому, что я уделяю внимание тебе. А не ему. Не шути!

— Это после стольких лет брака?

— Да, к старости совсем сошёл с ума. Никуда не пускает меня. Только с ним.

— Я бы не выдержала, — честно призналась Полина. Но тут же вспомнила своего зануду Володю, который целыми днями лежал на диване или перебирал свои инструменты, и добавила: — Да и мой не лучше. Просто мой — тряпка, а твой — деспот. Вот и вся разница. У нас в семье генератор идей — я, у вас — он. А ты, похоже, такая же лентяйка, как я, — засмеялась Полина, вспомнив, какой беспорядок она застала в Ингиной спальне: грязная одежда супругов валялась на полу, громоздилась на стульях.

— Придёт домработница и все уберёт, — махнула рукой Инга. — Я уже забыла, когда в последний раз подметала пол или мыла туалет.

— Счастливица! — с завистью произнесла Полина.

— Вот приехала бы вместе с Володей лет двадцать пять назад, и у тебя было бы все!

— Да кто бы подсказал. И мама была против.... — вздохнула Полина. — Впрочем, жить, как вы, я бы не смогла.

— Это почему же? — удивилась Инга.

— Вы всё время одни. К вам никто не приходит неделями. Тихо, как в морге. Я сошла бы с ума! Помнишь, как у меня было, когда ты приезжала? То Галка с пятого этажа забежит, то соседка по лестничной клетке. То Светлана из дома напротив заглянет на кофеёк...

— А как же! Мы же ни минуты не могли остаться вдвоем! А уж если ты делала беляши или варила борщ, у тебя столовался весь квартал! Как Володя выдерживает постоянное присутствие чужих людей в доме? И к чему всех кормить обедом? Разве они голодные? Ну угостила их чаем с вареньем или фруктами. И вполне достаточно.

— Сразу видно, Ингуля, что ты уехала давно. И многое подзабыла или не понимаешь. У нас угостить обедом дешевле, чем фруктами. Но это так, к слову. Мы любим гостей. Привыкли жить шумно. И на даче в нашем доме постоянно толкутся люди. Мы угощаем их московскими деликатесами, а они несут нам помидоры, кабачки, арбузы, дыни. У меня погреб всегда полный.

— Знаешь, Полиночка, я тоже не люблю сидеть дома, но Рому вытащить куда-нибудь очень сложно. Да и моих подруг он не переносит, за редким исключением. Поэтому я встречаюсь с ними в кафе по будням, после работы. Хожу на лекции в музей по выходным. А он целыми днями торчит в своём кабинете...

Приближался Пейсах. Полина помогала Инге делать покупки. Выбирать подарки для дочерей и внуков. Она с удовольствием бродила с ней по вечерам по большим универсамам, которые в Израиле назывались «Каньонами». И всё прикидывала. И сравнивала цены в Москве и тут. И получалось, что в Израиле покупать вещи нет никакого смысла, потому что в Москве всё дешевле. И выбор богаче. Но приехать без подарков она не могла. Хотя основные уже купила в Иерусалиме. Несколько крестиков, освященных в Храме Гроба Господня. Для сыновей, их жен и всех соседок по подъезду, с которыми дружила многие годы. И себя не забыла. Осветила свой крестик, купленный в Турции. Но носить его не носила. А прятала в сумочке. Боялась Ромы. Володя сфотографировал у святых мест. И у Стены Плача, где она оставила записочки.

Поездка в Иерусалим взволновала Полину. И она даже попросила Ингу отвезти её ещё раз. Чтобы уже без экскурсовода пройтись по местам, связанным с предательством и распятием Христа.

— А ты не хочешь посмотреть еврейские святыни, ведь ты же еврейка? Или я ошибаюсь? — язвительно поинтересовался Рома, которого раздражала жизнерадостная и недалёкая подруга жены, довольная собой и жизнью. И он постоянно отпускал язвительные замечания по поводу любого её рассказа об их жизни в России, которую упорно именовал своей «биологической родиной».

— Конечно, хоч, — искренне ответила Полина, пропустив мимо ушей вторую часть его вопроса. — У нас даже есть такая экскурсия.

Обидеть или разозлить Полину было невозможно. Она была такая благодушная, что Роме не удавалось зацепить её. Он злился молча, и его раздражение росло с каждым днем.

Полина хотела блеснуть своим умением. Предложила приготовить «гефилте фиш». Рома гордо отверг её помощь. Потому что уже давно решил, что делать рыбу будет сам. Полина не стала спорить. А Рома рыбу испортил. Положил котлетки в холодную воду. Фарш к тому же был очень сладкий. Но признаться в том, что рыба не удалась, он не мог. Инга поддержала его, съела две котлетки. Полина не смогла осилить и одну.

Баранина получилась недожаренная. Полина есть такую опасалась. Салаты сестра Инги сделала невкусные. Особенно «оливье». У Полины он получался гораздо вкуснее. Тем не менее пришлось положить себе ложечку. Печенье старшей дочки раскусить было невозможно. Однако все гости хвалили хозяйку. Восхищались бараньей ногой, приготовленной Ромой. Курить было нельзя. Полина выбегала каждые полчаса во двор. И еле дождалась конца посиделок. К тому же перед едой пришлось целый час слушать историю исхода евреев из Египта.

Полина не могла даже предположить, что Рома так серьёзно относится к соблюдению традиций. Когда он надел кипу и достал Тору, она обомлела. А когда стал с выражением читать непонятные слова, чуть не упала в обморок. Длилось чтение долго. Около часу. Читали мужчины по очереди. А некоторые куски гости пели все вместе. Ключевые моменты Рома повторял на русском, чтобы гости поняли, о чём идёт речь. Но супруги настолько обалдели от полученной за время пребывания в Израиле информации, что все еврейские праздники у них смешались. И Полина вдруг спросила Ингу — слава богу, шёпотом, — куда во время Исхода делась Эстер. Почему о ней не написано ни слова?

— Какая Эстер, ты что! Хорошо, что Рома тебя не слышит!

Супруги Орликовы сидели с широко открытыми глазами. И не знали, как вести себя. Только по знаку Ромы поднимали бокалы и пили красное вино. Наконец церемония чтения Торы закончилась. Рома снял кипу, и все принялись за еду.

Ночью Полина долго не могла заснуть. Баранина и вправду была не прожаренная. К тому же они в Москве забыли, когда ели её в последний раз. Да и годы давали о себе знать. Инга принесла ей гастро. Но сон не шёл. Она вспоминала суматошный день. Проникновенный голос Ромы при чтении Торы. Серьёзные лица его дочерей и внуков, слушавших в который раз древнюю историю о том, как их предки вышли из Египта. И вдруг ей впервые пришла в голову мысль, что она никакая не еврейка. А просто москвичка. Или, точнее, россиянка. Но такой национальности не существовало.

Людмила Клёнова

Родилась на Украине. Окончила Харьковский институт искусств. По основной специальности — музыкант, пианистка. С 1999 года живёт в Израиле (г. Ашкелон). Первый сборник «Я слушаю дыхание стиха» вышел в 1998 году на Украине. Остальные — уже в Израиле: «Прикосновение» и «Я не скучаю по снегам», 2000 год; «Отражения», 2004 год; «Контрасты» и «За жизнь до мига», 2006 год. В последний изданный сборник «Крылья строчек», 2008 — вошли и стихи, и проза автора. Стихи публикуются в альманахах и антологиях Израиля, Финляндии, Германии, России. Член Союза писателей Израиля. Член Международного союза писателей «Новый современник», член международной творческой ассоциации «Тайвас».

Дом у пруда

Закутаны в снега
Зацветшей белой вишни,
Мерцают окна дома у пруда...
Иные берега
Весной иною дышат —
Но окна — ТЕ — мне светят — навсегда.

И где-то далеко
По узким тропкам сада,
Заросшим непряматою травой,
Неслышно и легко,
Не ведая преграды,
Ступает память сердца моего —

Девчонкою смешной
В коротком сарафане,
Накинувшей на косы кружева...
И радугой сплошной
Над пропастью туманной
Любовь к тебе, мой дом, ещё жива;

И ей сиять светло,
Дорогою знакомой
Дойдя до родника живой воды...
Пусть тёплое крыло
Родительского дома
Хранит меня, как ангел, от беды...

Виа Долороза*

В Ерусалим ни въехать, ни войти
 Нельзя. В него возможно лишь ПОДНЯТЬСЯ** —
 Настолько выше торного пути
 И всех земных сует его богатства:
 Его небес просторных синева,
 Где абрис птицы зыбок и нечаян,
 И сквозь века летящие Слова,
 Что в Книге Книг продолжили звучанье;
 Его дорог змеистый серпантин,
 И вздох олив, касающийся звёзд... Но
 Здесь — Путь Души. Алтарь её — един.
 А крест и плоть страдающая — розно;
 Его холмов святая тишина —
 В ней — каждый шаг по Виа Долороза...
 И эта боль из медленного сна,
 Когда ответы знаешь на вопросы,
 Когда за всех грешащих — одному...
 На плечи — небо... Камнем — чувство долга...
 И лишь в глазах — безмолвно: «Почему?
 Зачем же... так? Мучительно и долго...»

Взращённый Храм... Сияние икон...
 А на кресте — распятие... Доньяне
 К Нему идут... Идут со всех сторон...
 А Он один... О Д И Н... В своей пустыне...
 И сотней глаз глядит иконостас...
 А на Голгофу — толпами... Без спроса...
 ОН достучаться пробует до нас
 И вновь идёт по Виа Долороза...

Спектакль

Опять — спектакль. Твой судный час настал.
 И ramпы свет, слепяще-бесполезный,
 Уже зовёт взойти на пьедестал —
 И сцена ждёт, глубокая, как бездна;

Приходит время жить и умереть
 В чужой судьбе — в чужой любви разбиться...

---

*Виа Долороза — Путь Страданий Христа — путь на Голгофу, к месту казни на кресте. Нынешняя традиция насчитывает 14 остановок на этой дороге — из крепости Антония — от встречи с Пилатом и суда — до места казни. Последние 5 остановок — во Храме Гроба Господня.

** На языке иврит применительно к городу Иерусалим есть только один глагол: «лаалóт» — подниматься.

И ты идёшь красиво встретить смерть...
Ты — Королева... Пусть играет свита

Коллизий вечных жизненный набор...
И только взгляда горького не скроет
Печальный шут, любимый друг — актёр,
Тебя спасая искренней игрою;

И ты, поймав цунами куража,
Взлетишь, как тень блеснувшего кинжала...
В который раз по лезвию ножа
Ты этот путь проходишь — до финала;

Твой каждый жест — тупая в сердце боль;
Твой каждый шаг — хождение по краю...
Не жизнь... Ну да — работа. Просто — роль...
Да кто ж поверит, КАК оно бывает?

Спектакль-палач и мудр, и деловит,
Ведёт умело, взгляд бросая: «Как ты?..»
Своей заботой щедрой удивит —
И ты умрёшь лишь там, в ПОСЛЕДНЕМ акте,

Где на ПОСЛЕДНЕМ выплеске души
Рванётся в зал твой смертный крик беззвучно —
И там угаснет — медленно, в тиши,
Всем предыдущим опытом научен...

...Аплодисментов гром. И зал встаёт...
Твердишь: «Не больно...» На поклон... Незряче...
И никому не виден эшафот,
Что залит кровью — подлинной, горячей...

Круг

На том далёком берегу,
Где зорь пленительно молчанье,
Я всё прошу: «Чуть ближе стань мне...»
И всё от времени бегу...
Но замкнут круг... Не разорвать
Его магические звенья...
А я, воюя с дальней тенью,
Пытаюсь прошлое догнать —
И увести тебя хочу
В свои сиреневые ночи,
Где ласков бриз... И где короче
Дорога к звёздному лучу,
Который призрачным штрихом

По травам сонным пробежится —
И оживит к утру Жар-Птицу,
Не заземлённую грехом...

Её сиянье сберегу,
Огонь ладонями лаская —
И на свободу отпускаю
На том, далёком берегу,
Где ты ещё не знаешь бед,
Где вздох твой тих и беспечален,
Где зорь пленительно молчанье...
И где меня, конечно, нет...

Роза

Сквозь дымку долгих дней и расстояний
Мерцает цветом нежности и снов
Тревожащая музыка признаний —
И роза не жалеет лепестков,

Чтоб, раскрываясь негою и лаской,
Лишь намекнуть на первый луч зари...
И я шепчу с надеждой и опаской:
«Ты говори со мною... говори...»

Ах, эти РОЗЫ... Призраки и тайны
Из недоступных выдуманных лет,
Где все касанья сладостно-случайны,
Где расставаний вымышленных нет —

А есть лишь тихий след тепла и лета —
И аромат раскрытых лепестков...
Волшебным бликом розового света
В Саду Души рождается Любовь

Сквозь дымку долгих дней и расстояний...

Эд Добрыкин

Родился, учился и работал на Украине. Музыковед. Автор нескольких опубликованных крупных музыковедческих работ. Активно занимается музыкальной журналистикой. Выступает на сцене в качестве музыковеда и как автор и исполнитель музыкально-поэтических и литературно-музыкальных спектаклей. Периодически появляющиеся на свет короткие прозаические произведения — скорее хобби, своего рода «жизненные наблюдения», облечённые, как правило, в юмористическую форму. С 1999 года живёт в Израиле (г. Ашкелон).

Магнетизм таланта. Владимир Горовиц

Великий Мастер жанра и воистину Музыкант Мира.

Русское имя — Владимир. Еврейское отчество — Самоилович. (Да-да, именно так: и прадед, и отец звались Самоилами). И громкая фамилия — ГОРОВИЦ. Пианист, за принадлежность которого себе спорят три страны — Украина, где он родился и вырос, Россия, где начиналась его триумфальная деятельность, и США, где он жил и играл в десятилетия расцвета. А два украинских города — Киев и Харьков — по сей день до хрипоты спорят о том, где же он всё-таки родился и провёл детство. Киевские родственники уверяют, что Горовиц — киевлянин. Есть вроде бы и официальные документы, подтверждающие это. Но харьковчане с убеждённой доказывают его принадлежность именно к Харькову. Я сам был свидетелем пары «ледовых побоищ», где скрещивались копыта музыковедов-историков двух этих городов.

Конкурсы пианистов его имени проходят дважды: и в Киеве, и в Харькове. И посвящённые ему Конференции киевляне устраивают тоже. Свой значок и медаль лауреата такой конференции я — в прошлом харьковчанин — «заработал» в Киеве...

Когда, слушая игру Горовица, видишь при этом его руки, то первой приходит мысль: «Так играть нельзя! Так играть невозможно!» Пальцы маэстро, приподнятые высоко над клавиатурой и словно «вывернутые» под невообразимым углом назад, казалось бы, не могут — просто физически! — извлекать звук. Но уже вторая мысль: «Играть можно ИМЕННО ТАК!» Это словно о нём в стихах Бальмонта:

Когда и правая и левая рука

Чрез волшебство поют на клавишах двуцветных...

Пальцы Горовица, его руки становятся одухотворёнными. А, по словам Натана Перельмана, «одухотворённые пальцы способны творить чудеса». Вот Горовиц их и творил! И под пальцами этими рояль (последние десятилетия у него был СВОЙ, особый рояль, который «ездил» за ним по миру на все концерты)... Так вот (не сочтите это преувеличением), ЕГО рояль МОГ всё... И он за роялем мог ВСЁ — как Музыкант, как Артист. Вот в одной из телезаписей он заканчивает знаменитую «Польку» Рахманинова — Горовиц

лукав, исполнительская интонация полна мягкого, обаятельного юмора, она озорна и задорна... И вдруг как дополнение — очаровательная, добрая улыбка пианиста с экрана, как говорится, крупным планом. И не улыбнуться в ответ просто невозможно!

Словом, когда еврей о евреях говорит или пишет, это не может не быть хоть немножечко весело. Хотя буду в основном серьёзен. Тем более что большой Музыкант заслуживает этого куда больше, чем его, хоть и обворожительная, улыбка. Ну что ж, приступим:

Ты сотворён для сладостной свободы.

Для радости, для славы, для забав (А. С. Пушкин).

«Ни один пианист наших дней не вызывает такого энтузиазма на концертной эстраде, как Горовиц» — этим словам американского критика Гарольда Шонберга как бы вторит замечательный российский педагог и критик Павел Коган: «Успех Горовица — это неизбежный итог каждого его концерта. Он неотделим от таланта, как неотделим запах розы от цветка».

У Шопена рояль пел, у Листа заменял оркестр, у Скрябина дышал. А у Горовица он может тихо страдать — и заразительно смеяться, светло плакать — и, кажется, рассказывать анекдоты...

Почему один и тот же анекдот в устах разных рассказчиков вызывает то неудержимый смех, то вежливую улыбку, а то — зевоту? Согласитесь, даже мазурки Шопена бывают скучными — и вины Шопена здесь нет. Просто не всегда их играет Горовиц.

Загадка Горовица? Есть она или нет? Вроде бы и нет. Горовиц прост, он не таинственен, как Микеланджело; не чрезмерно интеллектуален, как Гульд; не отрешён от земного, как Рихтер. Он просто Горовиц! Вот и всё. Нет загадки! Он весь перед нами, вместе с нами — но только недосыгаемо ВЫШЕ нас... Он — один из нас, но освещённый ореолом гениальности — вот это и есть секрет его притягательной силы, «магнетизма» таланта. Впрочем, когда маэстро играет вечно классического Скарлатти или «дежурный» этюд Мошковского, кажется, что он просто улыбается...

«Звук, воспринимаемый осязанием», — это его Моцарт...

«Приближается звук. И, покорна щемящему звуку, молодеет душа» — это его прелюдии Рахманинова... «Магнитные поля иных миров, летящих в бездне где-то» — это его Шопен. Вряд ли Вознесенский, Блок, Мартынов знали, что пишут об интерпретациях Горовица...

...Критиков у него хватало всегда. И когда он только учился, заканчивая Киевскую консерваторию, и когда давал первые концерты — сначала в полупустых, но уже очень скоро в аншлаговых, переполненных залах. Он действительно далеко не всегда бывал безупречен, иногда, играя, ориентировался на так называемую «широкую публику». Мог и просто ошибиться. Но, как писал когда-то Стендаль, «в музыке все ошибки, сделанные от избытка темперамента, можно легко простить, как в любви прощают ошибки, происходящие от избытка страсти». А сам Горовиц, «защищаясь», говорил своим ученикам: «Куда лучше делать собственные ошибки, чем копировать ошибки других».

Артур Рубинштейн — критику Бернару Гавоти: «Едва лишь мне удалось завоевать Америку, как явилось новое основание для беспокойства — Горовиц околдовал мой Париж, он буквально вырвал его у меня из рук. Видя в нём нового Листа, способного стать властителем своей эпохи, я чуть не махнул на

всё рукой». (И как хорошо, что не махнул! Музыкальный мир без Артура Рубинштейна — даже при Горовице — стал бы беднее.)

Отмечу главное, на мой взгляд: Горовиц умел постигать непостижимое — в Моцарте и в Шопене, в Листе и в Рахманинове... Попробуйте в возрасте восьмидесяти с «хвостиком» (а он гастролитировал и в 82 года!) открыть и сказать в музыке что-то новое. А Горовиц это умел!

СТРЕМЛЕНИЕ К ПОСТИЖЕНИЮ... Как мощно оно развито у Артиста! Есть **ПОСТИЖЕНИЕ** физическое, а есть ещё духовное, творческое. Горовиц способен постичь миры юмора в той же крошечной «Польке» Рахманинова или миры души человеческой в рахманиновском Третьем; миры современности — в «Картинках с выставки» и бездны гениальной простоты — в Моцарте.

Восхитительно пианист играет Моцарта! Моцарт у него — то спокойно-просветлённый, то неудержимо улыбчивый. Моцарт Горовица романтичен, галантен и философичен одновременно. Говоря прокофьевским языком — «классик, доживший до наших дней». Здесь не спрячешься ни за стихийный темперамент, ни за браваурные пассажи, ни за «актёрские выдумки». Горовиц вместе с Моцартом как будто погружают нас в свою музыку. Нет ни Моцарта-солнца, ни «реквиемного гения», ни черт трагической скульптуры Командора. Есть очень человеческий Моцарт у Горовица — то с весёлой улыбкой, то с мелькающей грустинкой в музыкальной фразе, брошенной в публику... А когда музыкант играет концерты Моцарта, его мимика, улыбка его, обаятельная и обольстительная, напоминает улыбку Дон Жуана в знаменитой дуэтной сцене с Церлиной.

И ещё одна легенда — пианистическое «актёрство» Горовица. Конечно, в той или иной степени каждый талантливый музыкант обладает актёрскими способностями. Но у Горовица актёрство за роялем — один из культов. Его нужно не только слушать — видеть! Впечатление усиливается многократно. К тому же он ещё и пародист, блестяще пародировавший игру своих коллег даже в их присутствии (Шнабеля, например). Чаще это был добрый юмор, но иногда — мифистофельская гримаса. Хотя последняя — редко...

Иосиф Гофман в одном из интервью говорит о своём великом учителе Антоне Рубинштейне. На вопрос Гофмана: «Как мне играть ЭТО?» — Рубинштейн ответил: «В солнечную погоду играйте это так, когда идёт дождь — совершенно иначе». Именно так Горовиц играет Шопена, его мазурки. То это «мороз и солнце, день чудесный», то «унылая пора, очей очарованье», а то огни звучат «как солнца луч в движении тумана». Кажется, очень далёкие параллели — Шопен, Горовиц, Пушкин, Бальмонт... Но какая бездна поэзии открывается в неповторимой горовицкой интонации...

В 1986-м, весной, перед самым Чернобылем, он играл в СССР, куда приехал через шесть десятилетий после эмиграции. Вот уж поистине — «гений чистой красоты среди издёрганного, суматошного мира» (Андрей Вознесенский). Через несколько дней этот мир взорвался... А потом умер Горовиц — в 89-м... Но осталась надежда, и остаётся — пока живы в людях память, искусство, музыка... В том числе и ЕГО музыка...

Он — ярчайшее явление мирового пианизма XX века, удивительно магнетичный Мастер. Поистине **МАГНЕТИЗМ ТАЛАНТА!** И создают его дар, гениальность, озарение. А ещё, по словам Андрея Вознесенского, «**ИЗУМЛЕНИЕ ГЕНИЯ СРЕДИ ОРДИНАРНОСТИ**». Гений — это он, Владимир Горовиц!

Марина Старчевская

Родилась, выросла и окончила электротехнический факультет Горного института в Днепропетровске. Жила в Краснодарском крае. С 1989 года живёт и работает учителем в старшей израильской школе и в колледже (г. Ришон-ле-Цион). Автор лирических стихотворений, пародий, стихов для детей. Публиковалась во всероссийской газете «Школьник», журнале «Чайка» (США), в журнале «Звезда Черноморья» (Краснодарский край), в городском альманахе (Ришон-ле-Цион). В 2010 году вышла книжка для детей младшего возраста «Колыбельная». Победитель (второе место) 5-го международного конкурса русской поэзии имени Владимира Добина. Лауреат 4-го международного конкурса поэзии им. Владимира Добина (Израиль):

* * *

У вдохновенья есть своя отвага,
 Когда рука творца в который раз
 Терзает терпеливую бумагу,
 У вдохновенья есть своя отвага,
 Свой дикий необъезженный Пегас.
 И как бы ни стремился в облака,
 Выискивая рифмы для творенья,
 Не поддаётся трусу вдохновенье
 И конь, взлетая, — сбросит седока.

С чашкой кофе под звуки румбы...

С чашкой кофе под звуки румбы,
 Наблюдая морской прилив,
 Загорелый и белозубый,
 Смотрит в камеру Тель-Авив.
 И танцуют на пляже пальмы,
 Направляя ладони ввысь,
 Развернулся канат причальный
 И петлей над водой завис.
 Бриз гоняет воздушных змеев
 Многоцветные миражи,
 Рукоплещут флажки на реях,
 Паруса вдохновляя жить,
 Катера на волнах прогретых
 В такт покачивает слегка,
 И кружится моя планета,
 Подставляя солнцу бока.

День плывёт невозможно белый,
От жары нереально зыбкий.
Просто выйти на этот берег
И позвать золотую рыбку.

Вечер

Закат. Стихает кутерьма.
Машины дремлют на стоянке.
Вздыхают вечером дома,
Как испечённые буханки.
Хоть волком вой, хоть в бубен бей —
Дожди закончились в апреле,
А повелители дождей
Давно в Канаду улетели.
И не предчувствуя беды,
Плывет усталая планета,
Но обсуждаются в газетах
Война и уровень воды.

Благословенны зимние дожди.
Штрихами — дождь, мазками — облака,
Сходящиеся линии — дорога,
Столбы и стены скошены немного
И даже закругляются слегка.
И хлопает надломленным крылом
Цветастый зонтик — пойманная птица,
Промокли ноги, смазались ресницы,
Автобус растворился за углом.
Что за причуда — топтать наугад,
Вбирая звуки, линии и краски?
Как улицы омытые прекрасны,
И крыши черепицами блестят!
Благословенны зимние дожди,
Смывая ложный слой и паутину,
Так обнажают подлинник картины,
Так открывают подлинность души.

Как воды растекаются повсюду...

Как воды растекаются повсюду,
Так женская душа, увы, слаба
И принимает форму тех сосудов,
Которые готовит ей судьба.
Ты знаешь, наступает поворот,
Когда писать стихи необходимо, —
Цветение зимой неповторимо,

Но ни к чему конкретно не ведёт.
Движеньё к истине в потоке или вне,
Когда душа струится и ликует,
Не опасаясь где-то в глубине,
Что истины вообще не существует.

Юрий Люкшин (Санкт-Петербург)

Заслуженный художник России. Родился в 1949 году в Ленинграде. В 1971 году окончил художественное училище им. Серова. Член Союза Художников России с 1978 года. Член Международной ассоциации искусствоведов (АИС) с 1998 года. График, живописец, иллюстратор книг, искусствовед, педагог, автор благотворительной детской программы «Краски добра», организатор выставок и конкурсов детского рисунка.

Работы художника представлены во многих музейных собраниях, в том числе в Государственном Эрмитаже, в Государственном Русском музее, в Государственной Третьяковской галерее, в Музее изобразительных искусств им. Пушкина, в Метрополитен-музее (Нью-Йорк), в Музее Людвига (Кельн).

Петербургская мелодия «Калевалы»

В 2010 году знаменитое петербургское издательство «Вита Нова», специализирующееся на высокохудожественных изданиях и отмеченное многочисленными дипломами и наградами, включая самую престижную награду «Золотая книга России», представило читателям новое двухтомное издание «Калевалы». Книга вышла в серии «Библиотека Всемирного клуба петербуржцев» и 4 июня была показана в Государственном Эрмитаже на ассамблее клуба. В новом издании этого шедевра мировой литературы, которому исполнилось уже 162 года, представлены мои иллюстрации. Они были экспонированы во время ассамблеи клуба в фойе Эрмитажного театра. Я шёл к этой книге путём многих проб и исканий. Но подробнее об этом — немного позже. Сначала я хочу рассказать о самой «Калевале», времени её создания и, главное, о том, как это величайшее произведение связано с Санкт-Петербургом.

«Калевала» долгое время считалась карело-финским народным эпосом, лишь собранным по крупницам Элиасом Леннротом. Но авторы нового перевода произведения на русский язык, представленного издательством «Вита Нова», петрозаводские исследователи Эйно Семенович Киуру и Армас Иосифович Мишин, проведя многолетние исследования, убедительно доказали, что «Калевала» — эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен и автор ее — гениальный ученый и поэт Элиас Леннрот. Новая «Калевала», отвечая требованиям академического издания, снабжена обширным справочным материалом и подробными литературоведческими статьями.

За свою многолетнюю историю поэма была переведена более чем на 50 языков и получила истинно мировую славу. В России и особенно в Санкт-Петербурге «Калевала» любима ничуть не меньше, чем на своей родине, в Финляндии. Объяснение этому очевидно — мы на протяжении веков самые близкие соседи, нас гораздо больше связывает, нежели разъединяет. И даже

основателя первой русской царской династии — легендарного Рюрика — мы выбирали, согласно летописям, вместе.

Итак, обратимся к «Повести временных лет», написанной Нестором, монахом Киево-Печерского монастыря, около 1113 года (перевод с древнерусского Дмитрия Сергеевича Лихачева):

«В год 859. Варяги из заморья взымали дань с чуди, и со славян, и с мери, и со всех кривичей.

* * *

В год 862. Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собою владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англй, а ещё иные готландцы, — вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев вместе со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли; и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля.

* * *

Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью один Рюрик и стал раздавать мужам своим города — тому Полоцк, этому Ростов, другому Белоозеро. Варяги в этих городах — находники, а коренное население в Новгороде — славяне, в Полоцке — кривичи, в Ростове — меря, в Белоозере — весь, в Муроме — мурома, и над всеми властвовал Рюрик».

Учёные сегодня спорят о национальном происхождении Рюрика, о существовании двух его братьев, Синеуса и Трувора, но одно можно утверждать наверняка: славяне жили рядом, в тесном, почти родственном соседстве с племенами иной языковой группы — с финно-угорскими племенами — весь, меря, мурома, чудь... Вместе строили, торговали, воевали... И, безусловно, оказывали друг на друга большое влияние.

Как же жили наши ближайшие соседи в стародавние времена, каков был их бытовой уклад, традиции, обряды, сложная система языческих верований? На все эти вопросы ответит нам «Калевала» — истинная энциклопедия жизни северных финских племён.

Но прежде несколько слов о том, как возникла «Калевала».

Элиас Леннрот (1802—1884) родился в местечке Саммати на юге Финляндии. Он рано научился читать, но в школу пошёл лишь в двенадцать лет и учился с перерывами, так как должен был помогать отцу, странствующему деревенскому портному. Это сблизило его с крестьянской средой, научило легко сходитьсь с людьми. С отроческих лет Леннрот любил и умел петь. Всё это ему весьма пригодилось, когда он стал зарабатывать ещё в качестве бродячего певца и псалмопевца. Впрочем, это не мешало Элиасу заниматься самообразованием. Юноша изучил латынь и смог стать учеником аптекаря в Хямеенлинне. В 1822 году Леннрот поступает на филологический факультет университета города Турку и живо интересуется народной

поэзией и народным бытом. Уже в 1827 году молодой учёный защищает магистерскую диссертацию «Вяйнямейнен, божество древних финнов», чем делает первый шаг к своему будущему шедевру — «Калевале». Но пожар в Турку осенью этого же года уничтожает университет, в огне сгорела вторая часть диссертации Леннрота, так и не опубликованная. В 1828 году Элиас продолжает учебу в Хельсинкском университете. Однако на этот раз занимается на медицинском факультете. Но не только не оставляет фольклор, а, напротив, продолжает усердное собирание народных песен. И в 1832 году защищает диссертацию на звание доктора медицины — «О магической медицине финнов», показав, как влияет на состояние человека внушение с помощью заклинаний и заговоров. Медицина и филология — служению этим двум наукам Элиас Леннрот отдаст всю свою жизнь: двадцать лет врачебной практики в провинциальном городке Каяни и годы преподавания финского языка и литературы в университете города Хельсинки.

С 1828 по 1844 год исследователь совершил 11 многоверстных и многомесячных путешествий по Финляндии, Карелии, Ингерманландии (нынешней Ленинградской области).

Что же дали Леннроту его странствия? Он записывал эпические руны, лирические и обрядовые песни, заговоры, заклинания, пословицы и поговорки, знакомился с их исполнителями. Разные варианты песен, услышанные собирателем, превращались в живой поэтический поток, лившийся из уст десятков сказителей. Элиас очутился в мире живой архаической поэзии. Его интересовало не только содержание рун, но и весь многообразный и в то же время подчиняющийся строгим законам поэтический язык, питающий народную поэзию. Лишь в совершенстве овладев этим языком, Леннрот мог взяться за создание «Калевалы». И в 1835 году, проведя сложнейшую работу, он публикует малый вариант «Калевалы», ещё не вполне его удовлетворивший. Учёный продолжает свой литературный труд, свои исследования, свои путешествия за сокровищами древней народной культуры, и наконец в 1849 году в печати появляется полный вариант поэмы — 22 795 поэтических строк.

«Калевала» родилась в те времена, когда в Европе царила атмосфера своего рода национального романтизма, поддерживаемая борьбой народов за право на самоопределение. С 1809 года Финляндия входит в состав Российской империи на правах Великого княжества. Её официальным языком был шведский, оставшийся в наследство от более чем шестивекового пребывания под властью Швеции. Ни в одной школе обучение на финском языке не велось, хотя на этом языке говорило более 80% населения Финляндии.

Кстати, сам Элиас Леннрот с детства лучше говорил по-шведски, но продолжал своё совершенствование финского языка всю жизнь, общаясь в своих путешествиях с его живыми носителями. Стоит отметить тот факт, что вплоть до 1863 года финский язык не имел статуса государственного — на нём разрешалось печатать только книги религиозного, экономического и фольклорного содержания. По мнению Эйно Киуру, это послужило одной из причин, почему Элиас Леннрот скрыл свое авторство и представил читателям «Калевалу» как народный эпос.

Безусловно, на плечи исследователя была возложена великая миссия — вернуть в мировую культуру финский язык, во многом создавая его новую литературную форму. Гениального финского поэта и учёного можно по пра-

ву сравнить с Александром Сергеевичем Пушкиным — творцом современного русского языка.

К сожалению, вначале «Калевалу» читали мало. Первое издание (1835 года), тираж которого составлял 500 экземпляров, полностью разошлось лишь через 12 лет — образованные читатели просто не знали финского языка. Но сам факт появления поэмы вызвал бурю восторгов у общественности Финляндии. У финноязычных народов есть свой эпос, значит, у них было великое прошлое и они достойны великого будущего.

В России, и прежде всего в Санкт-Петербурге, встретили появление «Калевалы» с не меньшим интересом. В 1840 году Петр Александрович Плетнев (друг Пушкина и издатель «Современника» после смерти поэта) печатает в своём журнале большую статью одного из крупнейших русских филологов XIX века Якова Карловича Грота «О финнах и их народной поэзии». В своей обширной статье Грот сделал первую попытку перевода «Калевалы» на русский язык, довольно подробно пересказав её по изданию 1835 года. Но, конечно, прозаический пересказ, созданный им, при всей его корректности, тонкости и даже изяществе не мог заменить полный стихотворный перевод.

Яков Грот сыграл значительную роль в укреплении русско-финских культурных связей. С 1841 по 1852 год он заведует новой кафедрой русского языка и литературы Хельсинкского университета. Грот, петербургский швед, хорошо владел шведским языком, на котором велось в те годы преподавание в университете, только позже перешедшее на финский язык. За 12 лет, проведённых в Финляндии, Яков Карлович живо заинтересовался её языком, литературой, фольклором и подружился с Элиасом Леннротом. Знаменитый филолог, ставший впоследствии вице-президентом Петербургской академии наук, внёс большой вклад в изучение и популяризацию «Калевалы».

В 1841 году малая «Калевала» была переведена на шведский язык выдающимся лингвистом и стипендиатом Петербургской академии наук Маттиасом Александром Кастреном. Таким образом, первый перевод поэмы на европейский язык был в известной мере связан с Петербургом.

В 1852 году появился перевод поэмы на немецкий язык. Осуществил его петербургский востоковед академик Антон Антонович Шифнер. Это дало возможность литераторам и учёным, не знавшим финского языка, познакомиться с ней в полном поэтическом переводе. «Калевала» стала известна во многих европейских странах. Читающих на немецком языке было неизмеримо больше, чем на финском или даже на шведском. Известно, что перевод Шифнера стимулировал переводы на французский, английский и испанский языки. Таким образом, старт европейского марафона «Калевалы» был дан в Петербурге.

Россия отметила выдающиеся заслуги Леннрота. За великий вклад в науку в 1876 году его избирают почётным членом Петербургской академии наук.

А в 1882 году в статье «Леннрот», посвящённой 80-летию учёного («Вестник Европы», книга 8), историк и публицист Константин Иванович Якубов называет Элиаса Леннрота финским Гомером. А ведь главной мечтой творца «Калевалы» было создание великого произведения, подобного «Илиаде» и «Одиссее».

Впервые на русском языке полный текст поэмы вышел в 1888 году в петербургском журнале «Пантеон литературы» в переводе Леонида Петровича Бельского. Вначале не зная финского языка, поэт прилежно им занялся, так как переводить, пользуясь подстрочником, считалось неприличным. Изучая язык с помощью финско-латинского словаря Ренваля и студентов-финнов, получавших высшее образование в Московском университете, Бельский овладел не только литературным языком, но и лексикой «Калевалы», обогащённой карельскими, ижорскими и финскими диалектизмами. Переводчик много лет усердно трудился и создал действительно настоящий шедевр. В 1889 году титанический труд Леонида Бельского был достойно отмечен: по рекомендации академиков Федора Ивановича Буслаева и Якова Карловича Грота он был награжден Пушкинской премией, присуждаемой Петербургской академией наук. Издав перевод, Леонид Петрович до последнего года своей жизни продолжал работать над ним, внимательно следя за переводами на другие языки и за финской фольклористической литературой.

Бельский же был одним из авторов, предпринявших попытку приспособить «Калевалу» для детского чтения. Однако наиболее удачным из всех подобных опытов оказался пересказ «Калевалы» для детей петербургской писательницы Александры Иосифовны Любарской, сотрудницы известной в истории нашей детской литературы редакции «Детгиз» (под руководством Самуила Яковлевича Маршака), много сделавшей для издания фольклора для детей.

Но обратимся, наконец, к самой «Калевале». Главные герои поэмы — это старый певец и сказитель Вяйнямейнен, чья сила в мудрости и магическом слове, способном укрощать стихию, побеждать врагов, услаждать народ на пирах, искусный кузнец Илмаринен, выковавший Сампо, и покоритель женских сердец весельчак и храбрец Лемминкяйнен. Сампо — это сказочная мельница, создающая богатство и обеспечивающая материальное благополучие. За обладание этой чудо-мельницей сражаются герои доброго народа Калевалы и жестокие угрюмые жители Похьелы во главе с коварной колдуньей — старухой Ловхи. Персонажи «Калевалы» — это живые люди, обладающие разными характерами, занимающиеся вполне земными делами: они ловят рыбу, пахут землю, сеют зерно, варят пиво, промышленяют охотой, работают в кузнице... И при этом каждый из них обладает волшебными способностями. Так в архаическом сознании древнего человека перемешивается реальное и мистическое. Правильнее будет сказать, что древний человек во всех предметах, его окружавших, во всех явлениях природы, в каждом звере, птице, рыбе, дереве, цветке, ягоде видел сверхъестественное. И этим-то и ценна «Калевала», что при всем богатстве образов, сплетении сложных сюжетных линий, обилии мифических персонажей, поэма очень много рассказывает о бытовой жизни первочеловека. Герои сватаются, женятся, занимаются простыми хозяйственными делами, готовят праздничные застолья, пекут хлеб, собирают приданое невесты... Именно этим соединением мистического и реального и покоряет читателя поэма. Она лишена страшных кровопролитных битв, грозных воинов. Сражения героев редко происходят на мечах, скорее в борьбе с противниками они используют заговоры и заклинанья. Здесь не текут кровавые реки. «Калевала» — мирный эпос, герои которого любят жизнь и любой доброй драке предпочитают весёлое

застолье и хмельной пир. Этим поэма выгодно отличается от скандинавских и германских воинственных эпосов. Но жизнь калевальских героев не лишена трагедий. Это и печальная судьба юной девы Айно, решившей утопиться, но не выходящей замуж за нелюбимого. И горькая доля сироты Куллерво, потерявшего в детстве из-за родовой вражды всех своих близких. И тяжкий путь матери Лемминкяйнена, пришедшей в царство мертвых за своим убитым сыном и лишь силой своей любви и магических заклинаний сумевшей оживить его...

Итак, «Калевала» — это уникальное литературное произведение, сочетающее в себе великолепную поэзию, занимательные сюжетные ходы, богатство характеров и интереснейший этнографический и исторический материал, рассказывающий о жизни и верованиях древних северных финских племён.

Интересно, а во что же верил сам автор «Калевалы»? Он был христианином, чуждым язычеству. Будучи глубоко верующим лютеранином, Элиас Леннрот рассматривал своё литературное поприще как некую духовную, божественную миссию.

Поэма начинается рассказом о том, как в архаическом представлении был создан мир. А заканчивается символическим повествованием о принятии христианства.

В заключительной, 50-й песне непорочная, чистая девушка Марьятта (а Леннрот специально подчеркивает её особое целомудрие) съедает ягоду брусничку и беременеет. Здесь прослеживается явная отсылка к непорочному зачатию Христа Девой Марией. Переключка имён тоже, конечно, не случайна. Но никто не верит в чистоту девушки. Когда приходит время рожать, её гонят родители, не пускает богатый сосед Руотус. И несчастная Марьятта вынуждена рожать в холодной старой конюшне. И согревает её во время родов лишь дыхание лошади. Как это напоминает рождение Иисуса в простых яслях. Перед тяжелыми родами Марьятта обращается к Богу:

«Приходи, Господь, на помощь,
на подмогу, Милосердный...»

Можно не сомневаться, что это уже обращение не к языческому божеству, а к христианскому Богу. Не зря сын Марьятты, став взрослым, станет королем народа Калевалы. Поняв это, мудрый Вяйнямейнен, рунопевец и колдун, покидает свой народ, уступая место новому властителю и новой вере.

По поводу действительного времени крещения финнов, к сожалению, точных сведений нет. Есть теория, что в 1157 году шведский король Эрик отправился в «крестовый поход» на Финляндию. Когда финны были завоеваны, епископ Генри Упсальский, англичанин по происхождению, крестил финнов. Таким образом, господство шведов и римская католическая церковь пришли в Финляндию одновременно. Но последние археологические раскопки говорят о том, что финны были христианизированы задолго до этого.

В 1527 году происходит разрыв с католической церковью: по всей Швеции и Финляндии она теряет свои владения, власть, право на службы и обряды. Швеция стала одной из первых стран, вступивших на путь реформации. В 1548 году епископ Турку Микаэль Агрикола рассылает по приходам перевод Нового Завета на финский язык (до периода реформации католи-

ческая служба велась на латыни), сделанный им самим для того, чтобы «ни один пастырь не мог прикрыть свою лень, сославшись на незнание латыни и шведского языка».

Но несмотря на несколько веков влияния христианской церкви, простые финны, в большинстве случаев не знавшие грамоты, продолжали поклоняться наряду с Христом и старым языческим богам. Это было своеобразное двоеверие, которое, по словам академика Лихачева, довольно долго бытовало и в русской крестьянской среде. Заботясь о глубоком проникновении евангельской истины в души своих соотечественников, Микаэль Агрикола сетовал, что финны и карелы продолжают поклоняться ложным богам, а также камням, пням, звёздам, луне и приносить жертвы покойникам. В 1551 году Агрикола собрал все сохранившиеся сведения о языческих божествах карело-финнов. Его труд является сегодня ценным материалом для изучения их древних верований.

Но обратимся теперь к истории финской общины Петербурга и Ингерманландии. Она восходит к началу XVII века, когда обширная территория, получившая историческое название «Ингерманландия», была по Столбовскому миру передана Швеции. В 1611 году в Лемболово (сегодня это поселок под Санкт-Петербургом), на русских тогда ещё землях был основан первый финский лютеранский приход. На протяжении XVII столетия здесь возникло много новых лютеранских приходов, а территорию заселили финны-лютеране. К моменту основания Петербурга на Неве уже существовал смешанный финско-шведский приход. По заключении Ништадтского мира 1721 года, когда ингерманландские земли вошли в состав России, лютеранам было дано право свободно и публично проводить богослужения.

Сегодня в Петербурге и Ленинградской области работает 21 приход Евангелическо-Лютеранской церкви Ингрии. Её кафедральным собором является Церковь святой Марии на Большой Конюшенной, 8, построенная в 1803—1805 годах по проекту архитектора Готлиба Христиана Паульсена. В 2011 году Церковь Ингрии отмечает свой 400-летний юбилей. Рассказывая об этом, я хотел подчеркнуть традиционную веротерпимость Петербурга, основанную на добром и уважительном отношении к представителям различных религий, и в первую очередь к нашим ближайшим соседям — финнам.

Но вернёмся к «Калевале». И поговорим о художниках, навсегда связавших свою судьбу с гениальной финской поэмой.

Первым должен быть по праву назван финский гений Аксели Галлен-Каллела (1865—1931). Мастер работал над поэмой всю жизнь. Он создавал живописные полотна, фрески, акварели... Менялся его художественный стиль. Начиная в манере поэтического реализма, будучи превосходным рисовальщиком, Галлен-Каллела пробовал себя в импрессионизме, модерне, символизме, осваивая всё новые и новые художественные приемы. «Песни “Калевалы” вызывают во мне такое глубокое чувство, как будто я сам все это пережил», — признавался художник. Его питала родная земля, трепетную любовь к которой Аксели пронёс через всю жизнь. Живописца можно по праву назвать певцом Финляндии, её неброского северного пейзажа, столь прекрасного на полотнах мастера. Великий талант и глубокое проникновение в философию «Калевалы» позволили Галлен-Каллеле создать исполненные могучей силой исполинские образы героев поэмы. Картины

художника поражают монументальной красотой. В «Матери Лемминкяйнена» 1905 года Аксели поднимается до высокой трагедии — оплакивание сына вырастает до масштаба Пьеты, оплакивания снятого с креста Иисуса Христа...

И конечно, совершенна книга «Калевала», оформленная мастером, впервые опубликованная в Финляндии в 1922 году. Галлен-Каллела сознательно уходит от прямого иллюстрирования — ничто не должно отвлекать читателя от глубин поэзии. Но все заставки, концовки, буквицы, цветная полоса, в которую вписан текст, настолько выверены и точны, как древние рунические знаки, настолько красивы, что создаётся удивительное ощущение полного слияния художника и создателя «Калевалы». Они представляют единое целое, и поэтому, выдержав множество переизданий, книга Элиаса Леннрота и Галлен-Каллелы остаётся непревзойденным эталоном.

Творчество Галлен-Каллелы было хорошо известно и любимо в России и, в частности, в Петербурге в начале XX века. Оно оказало известное влияние на последующих иллюстраторов «Калевалы». Правда, в большей степени сказанное относится к карельской школе и прекрасному московскому художнику Мюду Мариевичу Мечеву. К сожалению, небольшой объём статьи не позволяет подробно рассказать обо всех иллюстраторах, в разные годы прикоснувшихся к поэме. Остановимся сегодня на петербургской школе.

Кстати, первое иллюстрированное издание «Калевалы» в СССР вышло в 1933 году именно в Ленинграде, в превосходном издательстве Academia. Над книгой работали 14 художников — представителей школы «аналитического искусства». Руководил этой работой Павел Николаевич Филонов (1882—1941).

Искусство вообще и книжное искусство в частности невозможно рассматривать в отрыве от времени его создания. Тридцатые годы в Советской России были годами становления и развития новой жизни, ломавшей все прежние представления о мироздании, Боге и человеке. В борьбе и мучениях рождался новый тип человека. Для Павла Николаевича, глубоко принявшего и разделявшего коммунистические идеалы, отказавшегося от традиционного для России православия, поиск новой первоосновы, иного мира, не связанного с тысячелетней христианской историей, был глубоко закономерен. Языческие первообразы «Калевалы» оказались созвучны духовным поискам мастера. К сожалению, Филонов полностью проигнорировал христианский финал поэмы. Ожидание построения нового справедливого общества без Христа и казавшихся отжившими догматов о сострадании и милосердии привели революционеров к закономерному краху. Вера в рождение нового человека оказалась призрачной.

Мне кажется, что при всей своей высокой художественности иллюстрации, созданные учениками Павла Николаевича, лишены сердечности и тёплого, трепетного чувства к изображаемому.

Филонов отказался от идеи самостоятельно проиллюстрировать «Калевалу» в первую очередь потому, что для него чрезвычайно важен был первый опыт коллективного труда советских художников в книге. По сути — новаторский. Это был вдохновенный труд талантливого коллектива единомышленников, вооружённых единым методом («метод Филонова») и общностью взглядов на искусство.

Итак, мастер сам не стал делать иллюстрации. Он выбирал сюжеты, определял стилистику рисунков. Большую часть работ выполнили художники Михаил Петрович Цыбасов (1904—1967), Алиса Ивановна Порет (1902—1984) и Татьяна Николаевна Глебова (1900—1985).

Тираж книги был 10 300 экземпляров. Она давно уже стала библиографической редкостью и предметом страстного коллекционирования. Ещё более редким считается издание «филоновской» «Калевалы» в цветной суперобложке. Нужно отметить, что все иллюстрации в книге были чёрно-белыми, лишь суперобложка и единственная вклеенная между авантитолом и фронтисписом страничная иллюстрация — цветными. Кстати, на недавней выставке «Калевала» в Российской национальной библиотеке, представившей около сотни различных изданий поэмы из своего собрания, начиная с первого — 1835 года до последнего — 2010 года с моими иллюстрациями, суперобложка отсутствовала. Как страстный любитель гениального творчества Элиаса Леннрота и собиратель всех встречающихся мне изданий, я счастлив, что имею её в своей коллекции.

Вот как написал о суперобложке книги исследователь творчества Павла Филонова старший научный сотрудник Государственного Русского музея Евгений Федорович Ковтун: «В беспредметных структурах здесь вкраплены изображения зверей, птиц, лодок и людей. В этом сложном сплаве возникает образ Финляндии, изрезанной синевой озёр, окружённых замшелыми гранитными грядками, хвойными лесами. Суоми предстаёт перед зрителем как бы с высоты птичьего полёта, не только в зримом, но и в умопостигаемом образе...»

Но сам я начал знакомство с «Калевалой», конечно, не по «филоновской» книге. Моим любимым чтением лет с восьми было переложение для детей Александры Любарской, впервые вышедшее в Петрозаводске в Государственном издательстве Карело-Финской ССР тиражом 75 000 экземпляров. Впоследствии было множество переизданий, так что суммарный тираж перевалил за один миллион экземпляров. Кстати, богато иллюстрированная книга стоила сущие копейки, неудивительно, что долгие годы мы были самой читающей страной в мире.

Теперь несколько слов об иллюстраторе этого столь любимого юными читателями издания. Им был замечательный ленинградский график Николай Михайлович Кочергин (1897—1974). Обращение художника к «Калевале» не было случайным. Его всегда привлекали эпические образы, сильные характеры и героические деяния. Кочергин ставил перед собой задачу передать подлинно народный дух поэмы. Монументальные образы Вяйнямейнена, Илмаринена, Лемминкяйнена по своей физической и духовной силе и красоте сродни русским богатырям Алёше Поповичу, Добрыне Никитичу и Илье Муромцу, которых художник рисовал, иллюстрируя русские былины.

Для Кочергина добро и зло — абсолютно полярны и не имеют полутонов. Мир разделён на героев — красивых, мужественных и благородных и злодеев — непривлекательных и уродливых. Возможно, это несколько обедняет сложные, многоплановые образы литературного шедевра. Но именно эта ясность взгляда, цельность в изображении персонажей, громадная любовь и страстность, чувствуемая в каждом листе художника, и нашли дорогу к чуткой и открытой детской душе. Далёкие герои чужой страны становились родными и близкими. Николай Кочергин сумел донести до юных читате-

лей проникновенную человечность и высокий гуманизм «Калевалы», внося неопределимый вклад в пропаганду книги среди детей, а следовательно, и в их духовное и нравственное воспитание.

Иллюстрации Николая Кочергина к первым изданиям 1953 и 1957 годов были чёрно-белыми. Исключение составлял лишь цветной фронтиспис. В более поздних изданиях появляются уже цветные акварели. Причем художник всё время что-то изменяет: размер иллюстраций, их количество, формат изданий... Не всегда, кстати, улучшая... Расскажу такой забавный случай.

Моя жена, Мария Анатольевна Люкшина, обожала в детстве «Калевалу» и зачитала её до дыр. Родители решили порадовать дочь и подарили ей новую, недавно переизданную книгу. Каково же было их удивление, когда вместо слов благодарности они услышали горькие рыдания. Любимый герой красавец Лемминкяйнен превратился волею Кочергина из блондина в брюнета. Этого детское сердце не могло пережить. Вместо родного и близкого юноши предстал кто-то далёкий и бесконечно чужой. Покрасив в чёрный цвет волосы Лемминкяйнена, Николай Кочергин, наверное, хотел придать ему больше мужественности и подчеркнуть его необузданный темперамент. А всё произошло по пословице — «лучшее — враг хорошего». Ну, впрочем, оставим шуточки...

Нужно обязательно рассказать о ленинградском художнике Валентине Ивановиче Курдове (1905—1989), отдавшем «Калевале» 30 лет подвижнического труда. Он был современником Николая Кочергина. Но если Николай Михайловича любили советские дети, то Валентина Ивановича любили советская власть и знатоки искусства. Если спросить профессионалов о Кочергине — ответят: «крепкий ремесленник», а о Курдове с уважением скажут: «классик советской графики». Валентин Курдов был народным художником РСФСР, при жизни удостоился персональной выставки в Государственном Русском музее. А в советские годы это дорогого стоило...

Искусствоведы ценили оригинальный стиль, художественные находки, своеобразность взгляда Курдова. Валентин Иванович прошёл непростую жизнь, пережил ленинградскую блокаду. Очень любил и хорошо знал деревню, лес, был охотником, рыбаком... Думаю, что он своеобразно понимал философские глубины «Калевалы», подходя к ним как абсолютный материалист. Нисколько не героизируя персонажей поэмы, которую он, кстати, считал народным эпосом, Курдов видел их простыми деревенскими людьми, слегка приземлёнными, коренастыми, достаточно суровыми и неласковыми. Их мир был лишен красоты, лакировки. Но, возможно, этим художник хотел приблизить героев финской поэмы к простым русским людям, таким же труженикам с широкими морщинистыми лицами и измождёнными работой руками. Курдов намеренно снижал мифологический пафос произведения, выделяя в нём бытописание. Несомненно, что в своей работе Валентин Курдов не опирался ни на какие художественные авторитеты, сложившиеся уже к тому времени: ни на классика Галлен-Каллелу, ни на мастеров «аналитического искусства», ни на художников карельской школы, хотя творчество их прекрасно знал. И эта самобытность — безусловный плюс мастера.

Художник начинает работать над «Калевалой» уже в середине 40-х годов. В 1946—1948 годах Валентин Иванович исполнил большое количество

рисунков для книги Kalevalan runoutta, но при издании в Петрозаводске в 1949 году, избранных рун на финском языке в книгу вошли лишь три рисунка к шумцтитулам. Несколько позже, в 1956 году, чёрно-белые иллюстрации Курдова были полностью воспроизведены на страницах книги «Калевала» Государственного издательства художественной литературы в Москве. Книга вышла большим тиражом 75 000 экземпляров — и является, на мой взгляд, наиболее удачной работой мастера.

Но гениальная финская поэма не оставляет художника. Курдов работает над совершенно новыми иллюстрациями, теперь уже в цвете, в технике: свинцовый карандаш, тушь, перо, акварель. И в 1979 году в Ленинграде в издательстве «Художественная литература» выходит подарочное издание большого формата, в цветной суперобложке, тиражом 10 000 экземпляров. Для Валентина Ивановича это была программная книга, в некотором смысле — труд всей жизни. Увенчался ли он успехом в конечном счете оценивать читателям.

Ну и, наконец, рассказывая о петербургских художниках, иллюстраторах «Калевалы», я должен сказать несколько слов и о себе. «Калевала» — немалая часть моей жизни, 25 лет труда, философских размышлений, творческих озарений и открытий...

Работу над эпической поэмой я начал с создания серии экслибрисов для моего друга Пекки Хейккила, известного финского коллекционера и страстного пропагандиста «Калевалы», выполненных в технике офорта с акватинтой, иллюминированных акварелью. И большой серии станковых цветных литографий. Затем, на протяжении многих лет, я вновь возвращался к этому гениальному произведению, пытаюсь в пластике разгадать его тайны. Создавал и новые книжные знаки, и пастели, и гуаши, и коллажи... Мечтая только об одном — создать свою книгу «Калевала».

Благодаря замечательному петербургскому издательству «Вита Нова» моя мечта в 2010 году обрела реальность. Все иллюстрации, представленные в «Калевале», являются оригинальными, выполнены в технике «акварель» на цветном печатном фоне в 2007—2009 годах специально для данного издания — роскошного двухтомника в твёрдом кожаном переплете, на мелованной бумаге. Книга издана тиражом 1200 экземпляров, причем сто из них выполнены с трехсторонним золотым обрезом и пронумерованы. А в пятидесяти экземплярах (№ 1—50) помещен мой оригинальный офорт с акватинтой, раскрашенный акварелью. Один из пронумерованных экземпляров был подарен в коллекцию Государственного Эрмитажа.

Выставки, представляющие новое издание гениальной финской поэмы и мои иллюстрации к ней, прошли в Российской академии художеств в Москве (открывали экспозицию посол Финляндии господин Матти Антонен и президент Академии художеств Зураб Константинович Церетели), в Русском доме в Хельсинки, в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге, в Выставочном центре «Юминкеко» в Кухмо, в Музее изобразительных искусств Республики Карелия в Петрозаводске...

О моих работах на тему «Калевала» написано немало статей. Часто меня называли продолжателем «филоновской школы». Думаю, что справедливо это лишь отчасти. Да, мне свойственен некоторый «примитивизм». Мой стиль вобрал в себя традиции иконописи, народной картинки и лубка. Но духовно мы разные художники. Прежде всего потому, что я убежденный

православный и искренне люблю своих героев, стараюсь увидеть их добрыми глазами. Ещё одним важным отличием я считаю приоритет цвета в моих иллюстрациях — как одного из главных символов, объясняющих моё видение изображаемого. А, как я уже писал, книга, исполненная мастерами школы «аналитического искусства», была чёрно-белой.

Сразу скажу, я — не бытописатель и в «Калевале» меня интересует прежде всего философия. Я пытался проникнуть в тайны древних языческих верований, постичь, как первочеловек пришел к христианству. Не могу считать, что я полностью доволен результатом моей многолетней работы. Многие иллюстрации я сегодня с удовольствием бы переделал. Но, может быть, в том и состоит главная загадка «Калевалы», что, однажды окунувшись в чистую прозрачную воду её напева, человек прорастает корнями и уже невозможно оторвать его от этой каменистой северной земли, от этой бесконечной дали, от небесной голубизны...

А ещё я влюблен в женские образы «Калевалы». Их красота проста и естественна, ничто пошлое и вульгарное не может омрачить её. В образе моей любимой героини — девы Марьятты — мне хотелось показать истинную северную Богоматерь, лиричную и нежную...

Закончить свой короткий рассказ я хотел бы небольшой цитатой из статьи заведующей отделом гравюры Государственного Русского музея Екатерины Дмитриевны Климовой, посвящённой моим иллюстрациям: «Художник сделал шаг не вперёд, а вглубь, в плоть текста. <...> Рубленые, огрублённые формы, напоминающие пластику языческих идолов; плоскостность, отсутствие перспективы в композиции, совмещение временных и пространственных пластов в одном сюжете — это цитаты, отсылающие к первобытным наскальным рисункам. И язык этот как нельзя более органичен духу “Калевалы”, ибо позволяет зрителю складывать картину мира из образных представлений человека — современника эпоса. У Люкшина герои, сохранив свои реальные контуры и признаки, существуют в многомерном мифологическом пространстве, где каждый предмет и явление бесконечно многогранны».

Заканчивая рассказ о «Калевале», я хотел бы ещё раз подчеркнуть тот значительный вклад, который внесли петербургские учёные в изучение и популяризацию гениальной финской поэмы. Читайте и любите «Калевалу». «Читайте и перечитывайте, — советовал академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв, — только тогда будут открытия». Независимо от оценки творений художников, которые могут вам ложиться на сердце не всегда, гениальная поэма Элиаса Леннрота волшебна и чарующа. Прикоснитесь к ней поближе, подышите её воздухом, и вы откроете целый мир, красота и гармония которого завожат вас.

Павел Алексеев (Точка)

Родился в г. Баку в семье морского офицера. Учился в Ленинграде. Закончил ЛМИ (Военмех). Закончил режиссёрские курсы при ЛМДСТ у проф. А. И. Кацмана.

В 2007 году в издательстве «Геликон плюс» вышла его первая книга «В поисках чуда», а в 2010-м — «Непричастные». Член Союза писателей Санкт-Петербурга, коммерческий директор издательства «Союз писателей Санкт-Петербурга».

Выигранная битва

Первая котовская дивизия, несмотря на своё название, состояла из одних кошек. Не котов. С диким криком «Мяу!» она шла на пятую Собачьего холда бригаду.

Псы ошетинились и хмуро ждали. Во главе их стояли отпетые псы-рыцари Бобик и Шарик.

— Суки! — выругался Бобик.

— Это мы — суки, — поправил его верный друг Шарик, более известный среди соратников, как Беспощадный Шар.

— Скорей уж кобели, — отозвался первый пёс-рыцарь. — Всё! — вдруг выплюнул он плохо обглоданную кость. — Пошли свиньёй!

И они пошли. Удар был дикий, ошеломляющий. Всё потонуло в визге, крике, шипении...

Когда он очнулся, то молодая сестра спросила его с едва сдерживаемым смехом:

— Чего это вы всё мяукали и гавкали во сне?

Пётр смущённо улыбнулся, но рассказывать про выигранную битву не стал.

Сестра осторожно сняла повязки и, оглядев шрамы на голове, ободряюще улыбнулась:

— Не волнуйтесь. Заживёт как на собаке.

— Да уж. Как на собаке, — вспомнил он себя.

За окном выла метель, замаячив собачьи следы.

Изобилие

Самолёты бороздят бескрайние просторы. Пароходы вздыбливают воды, переваливаясь с тяжёлой волны на другую волну. Паровозы, мощно пыхтя, с трудом тянут безмерные составы.

За стёклами огромных витрин — ткани, одежда, обувь; в других — колбаса, масло, деликатесы.

Идём вместе — я и Сталин.

— Взгляните, Иосиф Виссарионович, как всего много, какое изобилие!

Он шурится на долю секунды и, пыхнув от души трубкой, спрашивает с лёгким акцентом:

— А где же люди?

— А людей нет... потому и избытие.

Интервью

— А что, братец, не ковыряют ли у вас в носу? — спрашиваю я с большим интересом своего собеседника.

— А почему нет? Ковыряют, — только-то и ответил он мне.

Я призадумался. Вот так, всего лишь одной меткой фразой, оказывается, можно остро и бескомпромиссно ответить на сложнейший вопрос современности. Я растерянно смотрю по сторонам и, не найдясь более, задаю новый вопрос:

— А как глубоко это делают?

Он вздыхает и говорит:

— Да кто как умеет.

Краем глаза я вижу, как дрожит его указательный палец, как он напряжён. Но мысли своей потаённой он не выдаёт. Мне кажется, что это глубоко в русском характере: с одной стороны — природная сдержанность, а с другой — высокий полёт фантазии.

— Да ну, — только и нашёлся я.

— Ну да, — как бы подытожил он свой жизненный путь. Его указательный палец медленно двинулся к носу. Я, затаив дыхание, следил за ним. Так часто бывает, что встретишь незнакомого человека и вдруг понимаешь, как близок он тебе и как ясны тебе его чаяния, все желания. И ты хочешь всё бросить и сказать ему: «Брат».

— А что, брат, все ковыряют? — спрашиваю я тогда воодушевлённо и протягиваю ему ириску. Он её не берёт, показав на живот, да и мой пощупал.

— Скорее, все. Да разве за всеми присмотришь. А ириску лучше не ешьте. Вон собаке отдайте.

Я дал. А он тут же пощупал её брюхо.

— Зря дали, — покачал он головой.

Собака тут же умерла. А старик поднял на меня умный глаз, да так, что мне на секунду показалось, что он сказал:

— Вот видишь.

Я видел. Видел, как он встал. Как взял в сухие, натруженные руки лопату и стал копать ямку у яблони. У меня мелко задрожал указательный палец. Вот так бывает в этом мире, что чувства и мысли одного незаметно переходят к другому. Я тоже хотел покопать.

— Можно я? — попросил я, взявшись за черенок.

— Давай, токмо осторожно. Не торопись. Воздух ныне холодный — простудишься.

Я дышал ровно. Чувства переполняли меня. Старик потом говорил, что я будто весь светился изнутри. Я знаю, что так не бывает. Но тогда было. Было, ибо я был на своём месте. Я знал, что нужен, востребован.

— Спасибо тебе, старик, — сказал я проникновенно.

— Не за что, — сказал он и незаметно убрал указательный палец в карман старых штанов.

А я пошёл неторопливо в город. В город, где всё не так просто и явно, как здесь, в деревне. Я шёл и думал, что никогда город не станет селом, а жаль.

Прощай, великий мир простоты!

Натурщики

Рабочий и колхозница очень поразились тому, что оказались рядом.

— Мне бы в колхоз, — попросилась селянка.

— Мне бы на смену, — сказал пролетарий.

— Держите крепче! — взвизгнула Мухина Вера Игнатьевна.

И они держали... кто серп, кто молот.

— У меня коровы — не доены, — чуть не ревела, как тёлка, колхозница.

— У меня болванка зажата в станке, — хрипел рабочий.

— Держите!

— Как у вас лица хорошо получились, товарищ скульптор, — сказали Мухиной на просмотре. — Твёрдый такой, рвущийся вперёд взгляд.

— В колхоз они рвались, — вздохнула Вера Игнатьевна, — да в цех. Ох, и намучилась я с ними. Остервенели они без работы.

По пути домой

Лето. Небольшая поселковая гостиница. Ещё не наступило даже раннее утро, а петух уже противно орал, не давая спать.

— Заткнись! — завизжал сосед по номеру и нервно бросил башмак в открытое окно.

— Неизвестно, как ты бы запел, будь ты петухом, — молвил мужик. Пальцы в наколках. — Люби природу! Её иногда годами не видишь.

И с грустью затянулся папироской.

С непривычки ему не спалось.

Алексей Филимонов

Поэт и литературовед. Родился в г. Электросталь Московской области. Окончил факультет журналистики МГУ и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького. Автор книги лирики «Ночное слово» (1999), статей о современной литературе и работ о творчестве Владимира Набокова. Публиковался в российских и зарубежных изданиях. Член Союза писателей России. Руководитель семинара Экспериментальной литературы при СПб отделении СП России. Живёт в Санкт-Петербурге.

Музыка белизны

Надежда Жандр. Театр бессонниц. Стихи. — СПб: Издательство Союза писателей Санкт-Петербурга, 2011. — 184 с.

Ах, тёмн, тёмн мир, и чувствуют лишь дети
Какая тишина и радость в белом цвете!

Иван Бунин. «Белый цвет»

Ошеломителен белый цвет предрасстворения в поэзии Надежды Жандр. Её белизна — почти символ, она иерархаична, если так можно выразиться, «архаика» передаёт ощущение новизны куда более действенное, чем словарь постмодерна, лишаящий предметы иерархии; при этом мир поэта кажется глядящим из осколков не вынесшего взглядывания за него зеркала потусторонности, отражающего «действительность»:

Белый — это свет.
И тот, и этот.
И, главное,
Он ничего не отрицает.
.....
Не видящий белых кораблей
Не может плыть.

Белизна и её оттенки как прообраз гармонии, почти недоступные глазу, во многом синоним красоты. «"Красота страшна" — Вам скажут» (А. Блок), такова и белизна, новая метафизическая категория, приотворённая Надеждой Жандр в жанре поэзии, по Хайдеггеру, знаменующей язык изначальный, способный раскрыть и выявить то, что сущее для поэта.

Стена без окон, где твоя слеза? —
И с Достоевских крыш от сонной фальши
Течёт по трубам, люкам дальше, дальше
Твоя слеза, эстетная слеза!

Поэзия Н. Жандр — взгляд в подзорный калейдоскоп, когда предметы кристаллизуются вокруг своих силовых осей, развернутых к наблюдающему вертикально, проходя через читателя как лучи.

С таким видением можно соглашаться или не принимать его, как и попытку критика осмыслить его именно таким.

«Он, мудрый, ищет белого забвения, // Касаясь ресницами яви», не поделенной земным светом на мираж и увядание, пишет поэт о ребёнке. В природе, столь же наивной и мудрой, есть цитатность «снов поэзии златых» (И. Анненский), полагает Надежда Жандр:

Пыльца кладбищенских растений,
и мерный шорох тёмных крыл,
и провалившихся могил
и перепонок средостений
открытый вздох? Пьянящих сил
болотных травяных брожений,
ворсинок бабочек, кружил,
живых её прикосновений
глубинный смысл... чтоб ты — забыл
и помнил чудное мгновенье?

Это чудное пушкинское мгновение — самой природы, не проецируемой на человека. Цитатность листа под дождём — он вне времени, рифмуясь с прошлыми и будущими. Как листья Иннокентия Анненского, страдающие человеку. У Надежды Жандр словарь Арсения Тарковского, сухие прозрачные сумерки раннего Мандельштама. Сумерки культуры.

Жанна не станет невестой красивой.
Жанна смертельно устала.

Только при натяжении музыки над белым полем, музыки белизны над мозаикой возникает чувство гармонии, отражающей «свойства грёз»:

Звук утих. Гармония — обман,
равновесия минутный роздых.

И качнётся тьма, и, чуть дыша,
как дитя с улыбкой в колыбели,
плавный свет — протяжная душа —
заиграет розовой пастелью.

Это сколы и осколки культуры, и за строками:

Цепкими лапками из-под пера
буквы выводятся верой и гладию.
Строгий узор. Книга легла
вечностью, силою, памятью, кладезью, —

читаются пастернаковские:

Благодарю и целую вас, руки
Родины, робости, дружбы, семьи.

И здесь, у Пастернака:

О, ангел залгавшийся, сразу бы, сразу б,
И я б опоил тебя терпкой печалью!

«Разрыв»

и эхо строк Н. Жандр:

О, мой астраханский, как сахар Сахары,
меч Волги, впадающий в ночь!
Заборы, засовы, оковы, заставы
не могут глагол превозмочь!

В этих палимпсестах некий постскрипtum к духовному посвящению в русскую поэзию, оглядка на просохший черновик «Пророка»:

Мчались мысли.
И прислушивался сфинкс к Сахаре.
.....
Храпел в снегах Архангельск.
Плыли свечи. Черновик «Пророка»
Просыхал, и брезжил день на Ганге.

У современного поэта — не пастеризация строк Нобелевского лауреата, но поиск сходных поэтических, «сцепление» предметов и ощущений, по Анненскому, в иной системе координат, где белый простор или поле — подобен порой шиту забытого героя, здесь мы вместе с поэтом приближаемся к гумилёвским мотивам. У Н. Жандр — пафос борьбы, и сострадание скрыто за белым листом. Проступая неожиданно — порой не в словах, но в пронзительном звучании, белизне немоты:

Ключей проволокой вьётся память, память...
Шершавый звук любви, изношенной шинели
я, воин духа, близко прижимаю
к своей душе.

Ещё одна категория Н. Жандр — невесомость, подвешенность в пространстве, это молчаливое восклицание вслед Пушкину: «Тебе бы пользы всё — на вес!» Так прозрачны истончённые последние осенние краски пред метафизической белизной. В них предощущение гармонии, скрежет падающего листа, воспоминание о соловьиной трели.

Иль это наважденье, странный страх
за чёрной непроглядностью провала
вдруг сгинет утром, и в окна размах
нахлынут краски!.. Осень ли настала?

Поэт рассказывает о своей необычной стране, которая только её, но в этих музыкальных пейзажах не найти своеволия:

Столь странный север: на мое чело
упали льдинки с лап тяжёлых елей,
высокий призрак сна, белым-бело,
и сладко спится, ветры в колыбели
перевернули розовый сугроб...

Н. Жандр любит употреблять прием повтора, выкликая иную звонкость. Повторяя даже рифму в строке: «...не может — не может», заклиная ответа...

Дождь. Осень. Белизна... —

напоминает о Музе И.Анненского, его томлении по идеалу здесь:

Одной лилеи белоснежной
Я в лучший мир перенесу
И аромат и абрис нежный.

Усталость снов, усталость культуры преодолеваемы пронзительной музыкой воскрешающей и воскрешающей природы. Томящей пред Встречей... Ибо Белизна — это богиня: вечная женственность, тайна поэзии, звук белого зазеркалья, предвосхищающий свет.

Японский сад и русская камена

Елена Лапина-Балк. Тропы судьбы. Рассказы и стихи.

Издательство Союза писателей Санкт-Петербурга. СПб, 2011. — 176 с.

шелест лепестков
что-то настоящее
о проходящем
Елена Лапина-Балк

На первый взгляд может показаться, что писательница Елена Лапина-Балк пишет о разрозненных событиях и предметах в несовместимых жанровых пространствах. Столь же своеобразна её человеческая судьба, разделившая жизнь на города и веси России и Запада. Но такая двойственность — основа единства. Все «тропы судьбы» ведут в сад, где герои оставляют следы на берегу вечности. Один из циклов так и назван — «Следы на песке». Он — о возможности счастья, не увиденного, но прочувствованного: «Ах, вот отчего следы такие глубокие! Он взял её на руки». За спиной героини остаются неразгаданные следы — её собственные. Возможно, вся книга написана в стремлении понять и почувствовать этот почти призрачный узор, оставлен-

ный тенями, то оглядываясь, то в «хроническом состоянии ожидания» торопя будущее...

грустно сознавать
не люблю — не ревную
а так хочется

Нота блокадной трагедии продолжает звучать в прозе Елены Лапиной-Балк. Написанная от лица родственницы повесть «Уля» включает небольшие эпиграфы к главам; в них — диалог двух берегов: настоящего и берега памяти, той Войны. Героиню и автора разъединяют сегодняшние границы, но соединяет память о времени, которое никуда не исчезло: «...говоришь, ещё холодно у вас там в Финляндии, но разве это холод... ..ну как, всех своих подружек навестила, есть они ещё у тебя в Петербурге, ведь уже более двадцати лет в Финляндии-то живёшь? А обидчиков своих смогла простить? Надо, девочка моя, простить... ..а почему японский сад? А, ну да, ты же всегда у нас экзотику любила — икебана, фэн-шуй, мейхуа... ..нет, в Париж не хочу — хочу на Колыму. Странно звучит, а тогда для нас с Зиной... Из телефонного разговора». В 1943 Улю через Ладожское озеро вывезли на Большую землю, а оттуда на Дальний Восток, через Японское море, к отцу на Колыму, где жизнь поначалу казалась почти раем. Перед смертью, в больнице на Пряжке, в 2005 году, она вспоминала в бреду красную варежку — так отпечаталась в её памяти алая рукавица в чёрной пропасти ледяной воды у Дороги жизни... Быть может, тогда возникла, через родственников, эта тяга к Японии, еще с до-рождения, воплотившаяся сегодня в сад камней книги Елены? И появился цикл «Мой северный Восток», который составили восточные формы на финской почве с русской чувствительностью.

Стилистический диапазон автора широк — от акетично-просветлённого до иронично-гротескного, книга подлинно полифонична. Писатель Валерий Попов справедливо отмечает в предисловии: «Автор порой весьма насмешливо относится к своей героине, сознание которой — причудливый коктейль русской гламурно-мыльно-сериальной пены, суровых, неумолимых лютеранских устоев, в которые втиснуться русской душе не так просто, и собственных семейных переживаний». Писательница изучает занавесу декораций, вглядываясь в маски, за которыми открывается подлинный мир человека. В рассказах цикла «Ах, как это не смешно...» заграничный мир предстает слегка театрализованным, и когда вдруг маски спадают, холодные, на первый взгляд, люди предстают незащищёнными. Но разоблачение автором — как в произведении «Фрачок для гения», о начинающем писателе, мечтающем о Нобелевке — не ставит целью лишь показать глупое положение и несостоятельность обывательских мечтаний. Елена Лапина-Балк страдает героям, лишённым духовного стержня. Искреннее удивление у неё вызывает привокзальный финский бомж, выпросивший денег на дорогое мороженое. Такая всеоглядность порой скрывает сокровенное, не даёт выплеснуться боли:

Кричу..
А ты не слышишь
или не хочешь спасти.

Всё думаешь прихоть и
выдумки.
Шепчешь: тише, тише,
не мешай слушать
пенье иволги.

О совпадении и несовпадении людских чувств эта книга, о памяти, накопленной в ветвях вновь расцветающих мейхуа, о преодолении:

умереть успела много раз...
за чужих, за родных...
говорили: «Потерпи,
этот театр лжи — на час...»
А он играет всю жизнь.
Оживала...

Диалогизм свойствен творчеству Елены Лапиной-Балк. На презентации книги в Санкт-Петербургском доме писателя Елена представляла других авторов едва ли не объемнее, чем своё творчество. В её поэтическом сборнике «Над пропастью снов... шёпот шёлка» (2007) присутствует развёрнутая переключка с поэтом Алексом Сандерсом, стихи которого также наполняют книгу.

Жизнь — не ложь.
Я? —
Да совсем уже не я. —

обращается героиня к Ленинграду-Петербургу, сострадая городу вращения и снов, во многом сбывающихся под единым небом. Совершенно органично выглядят рассказы в жанре хайбун. В этой лаконичной форме, объединяющей короткую прозу и стихотворение в стиле и духе хайку, автору удается сказать многое, с особой эмоциональной напряжённостью. Такова поэзия в прозе Елены Лапиной-Балк, переплетение мысли и настроения в единой ткани. В миниатюре «Значит, ещё не пора» она пишет: «...и вдруг показалось, что я уже всё сказала себе... ему... слушающему меня миру... вдохнула просыпающегося рассвета

и услышала
звон колоколов души
значит не пора.

Одухотворённое творчество Елены Лапиной-Балк не знает границ времени, связывая пространство и сознание воедино, порукой этому — её бережное отношение к людям и человеческой памяти, открытие только её образов и звенящей ноты, которая присутствует в разных жанрах, но всегда различима как единственный и неповторимый голос, переданный в «Цхинвальских зарисовках»: «Потом стало тихо-тихо. Живые расходились, а мы — Невидимые — всё стояли и стояли... укутанные эхом Музыки прощания — и благодарные за память...

нет это не дождь
то плачут безутешно
души умерших».

О том, что в пространстве литературы нет ушедших, напоминает сегодня творчество Елены Лапиной-Балк, акварельное и порой причудливое, эмоциональное и слегка отрешённое, взыскующее читателя здесь и вне.

Юлия Резина

Родилась, училась и работала в Москве. Является финалистом международного турнира поэтов русского зарубежья-2004 — «Пушкин в Британии». Стихи и проза публиковались в альманахе «Истоки». В журнале «СЛОВО-WORD» (Нью-Йорк) напечатана повесть «Рукопись». Является участником трёх поэтических сборников, изданных в России, стихи публиковались в лондонской газете «Русская мысль». В 2006 году издала сборник стихов «Колодец сновидений» и книгу повестей «Ветер времени», в 2011 году — поэтический сборник «Эхо тишины».

* * *

Зеленели, поседели, зазвенели ели.
 Месяц тучу пропорол золочёным рогом.
 Расколосся штоф январский, взвился джинн метели
 И пошёл свистеть, гулять по большим дорогам.
 Выносите из беды, из невыносимого!
 Выручайте, вороной, коренной, каурый!
 Мне бы целовать подол платья тёмно-синего,
 Да с повинной головой... да Фортуна-дура —
 Расплясалась предо мной вихрем, вьюгой, стужею,
 Захлебнулась бубенцом — нервным перезвоном,
 Слепила молотой россыпью жемчужною,
 Злобным, волчьим янтарём — жёлтым да зелёным.
 Всё равно к тебе домчу, свет мой, боль сердечная,
 На рассвете поутру, в ясный полдень, поздно ли —
 Полям, лугом да леском, ледяною речкою...
 Или чёрным полотном, траченным звёздами.

* * *

А мне бы под вечер, ах, мне бы под вечер
 Пойти вдоль реки, там, где ветер и свечи
 Сорвавшихся звёзд полыхают в волне
 И ты меня ждёшь на кауром коне.
 Ах, как твоё сердце заныло бы сладко,
 Когда бы увидел с цветочной охапкой
 Меня вдалеке и в цветочном венке
 На краешке ночи в цветах, налегке.
 Ах, как бы твой конь заплясал под тобою,
 И мы бы помчались над самой водою,
 Над тёмной волною и тихим свеченьем
 Любви по течению, вниз по теченью!
 А сколько, ах, сколько я спела бы песен!..
 Но дождь все дороги-пути занавесил,
 И звёзд — на пригоршню, и месяц увечен...
 Ах, мне бы под вечер, ах, мне бы под вечер...

* * *

И скрипка, вознесённая надменно,
И бледный, очарованный скрипач,
Играющий Судьбу самозабвенно,
Ах, он — палач, душа, но ты поплачь
Над этим скоротечным, млечным летом,
Пленительным, летящим в листопад,
Нарушившим все вето и обеты
Былых времён. Скрипач не виноват,
Что синева клубилась, и вскипала,
И подступала к побережью снов —
Что там в туманах вешего опала —
Опала? Нет! — Нежданная любовь...
Не ждущая даров, счастливая дареньем,
Сама — исток: приди и утоли
Горчайшую печаль разминовенья —
Так день и ночь. Так в море корабли,
Летящие навстречу — ближе, ближе...
Мгновенье — взмах руки... не уберечь...
Волна, как рану, этот след залижет...
Играй, скрипач, — твой флажолет всё тише —
Судьбы каприз — каприччио невестреч!

Но Вас кормить с ладони земляникой
В моей, увы, не выпало судьбе,
И в городе — фантоме многоликом
Меня Вы не узнали бы в толпе.
Я тенью, невидимкой, незнакомкой
Иду за Вами садом и рекой
Послушать, как изысканно и тонко
Кузнечик аранжирует покой.
В своём далёком, суетном и душном
За мороком морей, за пеной лет
Я знаю — в унисон уносит души
Кузнечиковой скрипки флажолет.
И звук, впадающий в предтечье речи —
Нам знак, и честь, и клятва на огне...
Ещё я знаю, где-нибудь под вечер,
Помолитесь тихонько обо мне.

* * *

Легчайшим миражам, пленительным и нежным,
Очнувшейся души не обмануть:
«Всё — суета сует»... и небеса безбрежны,
И жребий принят, предугадан путь.
Очарованья дым строфою листопада
Увековечит ветер сентября...
Всё — на круги своя... и давнею отрадой
Мне паруса и дальние моря.

Там лунный луч волну зелёного атласа
Наполнит хризолитами до дна.
Там внятен шёпот муз, ночной полёт Пегаса...
Но побледнел скрипач в созвездье Волопаса:
Волосяная лопнула струна...

* * *

Индийской осени ленивая неспешность —
Сентябрь давно ушёл, но сад зеленогрив,
Чуть позолочен — о, святая безмятежность!
Свирелей времени заоблачный мотив
Настойчиво звучит, пусть исподволь, но внятно —
Не устаю внимать — мой абсолютен слух.
И веденье светил — я знаю — безвозвратно,
Ночь соловья уйдёт, лишь пропоёт петух.
Рассвет рассыпет гроздь огранки редкой трелей,
Секундам расклевать — ни звука не спасти!
Вчера в ночном саду так долго я смотрела,
Как вдовый лебедь плыл вдоль Млечного пути...

* * *

Прошу, ещё вдохни, ещё вообрази
Трахею тростником, поющею свирелью,
И день, с его пустою канителью,
Внезапным откровеньем озари.
Умолкшую давно гортань продуй,
Настрой её нездешним камертоном,
Которому подвластны птичьи звоны,
Морской прибой, речных реченье струй.
А больше и не надо ничего —
Жизнь — мотылёк, летящий в поднебесье.
Пожар заката. Остаётся песня:
ТВОЁ дыханье вместо моего.

* * *

Травы — струны, да ветер — смычок.
Поначалу — легато, легато,
Нежно, ласково, чуть виновато:
Рондо детства — поющий волчок.
А потом, а потом, а потом —
Всё тревожнее — юность-анданте,
Всё стремительней — годы-куранты,
Ураганная fuga, потоп!..
А кому-то откроется код
Партитур и утрат, и разлуки...
Так незрячий легко узнаёт
Тихой женщины дивные руки.

Александр Немировский

С 1990 года живет в Калифорнии. В 1996 году в Москве вышла книга стихов «Без читателя».

Входил в литературный клуб «Постскриптум». Вторая книга — «Уравнение разлома» — вышла в Сан-Франциско в 2009 году. Профессионально — специалист по базам данных в Силиконовой долине.

Из цикла «Прогулки с поэтами»

Кронос

Л. Губанову

И жизнь моя станет ещё на год покороче.
И борода моя станет больше седой, чем рыжей.
И я ещё меньше буду понимать поколение моей дочери.
И ещё больше забывать то, из которого вышел.

Но всё так же, никому не известны, гниют мои строчки.
Но всё так же летит, вращаясь, вокруг солнца шарик.
И не больно совсем заменяется день ночью.
И не слышно, как время рукой в памяти шарит.

Я рентую у Бога для жизни пространство и время,
Чтобы выплатить позже, созревшей душою, сполна и за раз.
Чтобы чьи-то губы перебирали кости моих песнопений,
Надувая звуковой волной памяти парус.

Чтобы тот потянул, и незнакомый кораблик двинулся,
Подминая под себя молчания соленые волны.
Наплевать, что я давно родился и уже выдохся.
Я же ещё пока держу курс. И держу ровно.

* * *

*Другу детства писателю и поэту
Илье Рубинштейну*

Нет, не надо мне ни воблы, ни пива.
В одиночку мне меню —
Не осилить.
Мне к Рублю бы
Завалиться на кухню,

А на кухне-то найдется, что выпить.
Отмотать бы лет намного обратно,
Отгулять кураж в новолунье.
На одежде
Пусть останутся пятна.
Ах, Надежда —
Всё такая ж шалунья!
Не догонишь, не поймаешь девчонку.
То ли возраст, то ли знанье, что будет,
Помешает.
Мы теперь усталые люди.
Мы не бегаем.
А только шагаем.
Посидеть за небольшим разговором...
Помню пепел на коробке от спичек.
Дружно, вздором
Обозвать ту эпоху,
Где учились не всегда на «отлично».
Юго-запад — нет, не место, а время.
Сократилось то пространство до точки.
Оказалась только дружба как кремень.
Вот бы это донести моей дочке.
У тебя опять хреново с погодой,
В Калифорнии тут солнце шарашит.
Утомил тебя моей этой одой.
Извиняй.
Хотя бы это, но наше.

Лыжный день

Е. Гришковицу

Этот день ждешь всю зиму. Смотришь погоду. На «до» и «после» разгребашь работу, чтобы вот так, вдруг и внезапно, освободить день. Обычный будний день. Освободить с упреждением всего в 48 часов. И только для того, чтобы идеально покататься на горных лыжах. Накануне такого дня, обязательно в вечер или в ночь, наконец-то кончается период затяжных дождей, а в горах перестают снегопады.

В полной темноте, поздним вечером, ты собираешь лыжи, ботинки и всё остальное, и как есть усталый, после работы, прыгаешь за руль, чтобы к утру быть на склоне. Чтобы с утра топтать свежий снег, на котором ещё нет следов от других лыжников, на котором ничего нет — кроме солнечных лучей.

Лёгкий мороз, горы — и никого.

Будний день. Все на работе. Все, кроме тебя. Ни одного человека в очереди на подъёмник. Садись и — вверх. Чтобы потом вниз. Как хочешь: быстро или медленно, или как можешь, но всегда с удовольствием.

Ты запаркуешь машину прямо напротив касс, чтобы было близко идти, и там обязательно будет свободное место. Только для твоей машины. Ты уговоришь, и с тобой будет кататься твоя жена или твоя девушка. И ты проведешь незабываемый день на склонах, а потом сходишь в сауну и поднимешься в ресторан. Где ты сядешь у камина и съешь очень вкусный ужин, запивая его красным вином.

А после, после по опять-таки пустому фривею ты вернешься домой за очень короткое время. Ведь трафика нет. Его просто не может быть в этот специальный день, который ты ловишь всю зиму, смотря в Интернете погоду, зная, что такой день обязательно есть и он обязательно наступит.

Просто идеальный день для катания.

* * *

Р. Мухе

Как глупо в этой жизни разминуться.
Но здорово, что Ваши есть стихи,
Которым ну нельзя не улыбнуться.
Спасибо.
Для моей души духи.
Прочел, как брызнул свет на настроенье.
Осмыслил.
Продолжаю понимать.
Какое вкусное узнал стихотворенье.
И не успел устать его читать.

* * *

Вот и подошла к концу моя система отсчета.
Дальше уже непонятно, где истина, а где нет.
Не работают правила чёта... нечёта.
А эксперимент мысленный
Не помогает увидеть свет.
Да, отлистывая
назад, я пытаюсь разобрать и понять ошибку.
Но разве это возможно — снова пережить всю дорогу?
Как это — «Избежать уже набитую шишку»?
За нее же заплачено, и весьма дорого!
И я говорю длинную фразу там, где раньше хватало одного звука.
И я молчу там, где раньше хватало крика.
Моя система отсчёта подошла к концу.
И как улика
я говорю лицу
в зеркале — «такая штука».

Леонид Сторч

Прозаик и поэт. Родился в 1963 г. в Санкт-Петербурге. По первому образованию — российский китаист-филолог (СПбГУ), по второму — американский юрист (Florida State University), гражданин США, жил в штатах Нью-Йорк и Флорида. Сейчас преподает русистику и английский язык в Srinakharinwirot University (г. Бангкок, Таиланд).

Книги: «Деревянный саксофон» (Повести и рассказы. Изд. «Геликон-Плюс», СПб, 2009), «Расставания» (Сб. стихов. Изд. «Поверенный», Рязань, 2008), «Следы на воде» (Сб. стихов. Изд. «Восточная литература»).

Особый рейс

Каждую ночь, когда Нон уже засыпал, через дом, лениво постукивая колесами, проходил поезд. Сначала слышался лай собак, потом начинали гудеть рельсы, в шкафу дребезжала посуда. Нон открывал глаза, будил лежащего рядом младшего брата, и оба смотрели, как зелёный локомотив въезжал в единственную комнату дома. Струя пара выстреливала в крышу, становилось ещё жарче обычного, и вентилятор уже не помогал. Мимо кровати проплывали серые вагоны, и через открытые окна пассажиры изучали содержимое их дома.

Поезд лязгал тормозами, долго пыхтел, так что у Нона спирало дыхание, и, выдавив из себя весь пар, замирал. Из головного вагона выходил человек в синей рубашке с нашивками на плечах. У него были короткие усики прямоугольником, а на голове — белая фуражка с блестящей золотистой кокардой. Дважды свистнув в висящий на шее свисток, он поднимал руку и важно объявлял:

— Северный-дальний, особый рейс, техостановка, пассажирам просьба оставаться на своих местах.

— Это Главный проводник, — с уважением шептала бабушка. — У него усы, как у короля Рамы Пятого.

Мама подходила к поезду, неся картонные коробочки с обедом. У неё и бабушки особенно хорошо и быстро получался каопад, жареный рис с курицей, свиной или креветками. В коробочки также укладывался пакетик с рыбным соусом, нампла, и пластмассовая ложка. Мама заходила в последний вагон — он останавливался за пределами дома, на пустыре.

— Каопадгай на ка, арой на ка, жареный рис с курятинкой, вкусный, недорого, — оповещала она пассажиров, передвигаясь в сторону головного вагона.

А в начале состава к делу подключался отец. В его большом оранжевом кулере, зарывшись в каше льда, уютно сидели бутылки с напитками. Купив острую еду, многие хотели пить, да и вообще в вагонах, несмотря на поднятые окна, было душно.

Отец шёл вдоль проходов и распевал, как мантру, ритмично постукивая по крышке кулера:

— Пепси на кап, намплао на кап, биа на кап, — пепси, пожалуйста, вода и пиво, пожалуйста.

Поезд разрезал жилое пространство на две части. В первой — была кровать, стол, тумба с телевизором, а также кухня, хотя и без холодильника. Холодильник оставался на второй половине, там же, где находился гамак отца. Отец любил качаться днём в гамаке, курить и размышлять о том, как когда-нибудь купит настоящий мотоцикл вместо своего дряхлого скутера.

Времени на то, чтобы охватить все вагоны, не было. Вскоре Главный проводник водружал белую фуражку на причитающееся ей место, свистел и, подняв руку, бросал её вниз. Это называлось «давать отмашку».

— Техостановка закончена, Северный-дальний отправляется, — возвещал он. Поезд с готовностью лязгал тормозами и выползал из дома.

Торговля шла по-разному, но у отца выручка всегда была больше. Спустившись с поезда, он шел на кухню, бросал на стол жёлтую кошёлку с вышитым на ней слонем: там звенели монеты. Затем вытаскивал из карманов ворох мятых влажных бумажек и старательно, с любовью разглаживал их на клеёнке. Бумажки были в основном зеленые.

— Это двадцать бат, — пояснял он Нону, — тут, значит, наш король, который сейчас. Его Величество Рама Девятый. Он в очках. А на обороте — Король Рама Восьмой. Он без очков. И тут, значит, еще мост имени Короля Рамы Восьмого.

Гораздо реже попадались розовые бумажки. Про них отец говорил:

— Эти лучше и зеленых, и синих. Это сто бат. Вот тут, значит, опять Король Рама Девятый, который сейчас, а с другой стороны — Король Рама Пятый.

Нон глядел. Усы у Рамы Пятого были действительно как у проводника.

А мать часто возвращалась расстроенной, и тогда на следующий день вся семья ела вчерашний рис из коробочек, ставший уже твёрдым и невкусным. Если не справлялись, скармливали собакам, благо вокруг дома их прижилось великое множество.

— Мама, а почему поезд — Северный? — спрашивал Нон.

— Потому что идёт на север. Там горы и там прохладно, но я там никогда не была, — отвечала она.

— А почему он идет туда через наш дом? Ведь мы тут живем, — спрашивал Нон.

— Не знаю, но так всегда было, даже когда я сама была маленькая, — отвечала она. — Ты лучше у бабушки спроси.

— Почему, почему, — пожимала плечами бабушка. — Да потому что так устроен мир, надо уметь к нему приспосабливаться.

— А что такое «особый рейс»?

Но бабушка уже шла к большой газовой плите жарить курятину.

Исправно откладывая деньги, через какое-то время семья сумела купить новый телевизор. Не самый большой и не самый дорогой, конечно, но всё-таки гораздо лучше прежнего. А у отца появилось больше времени висеть в гамаке и курить.

Однажды Нон набрался смелости, слез с постели и спросил Главного проводника:

— А почему этот ваш рейс особый?

Тот снял фуражку и задумчиво потёр золотистую кокарду.

— Видишь ли... У всего есть своя особенность, свой смысл. Ведь смысл и состоит в том, чтобы был смысл. Хотя бывает и так, что особенность есть, а смысла всё равно нет. Или есть, но его не видно. В общем, ты слишком много думаешь. Вот подожди, когда вырастешь, — и тогда, может, сам поймёшь. А мне пора отмашку давать.

Но Нон не сдавался:

— А можно я тоже поеду на Север?

Главный проводник покачал головой:

— На техостановках посадка пассажиров строго воспрещена, и изменить это никто не может. А розничные торговцы могут заходить, ненадолго, конечно.

Нон рос. Теперь он ходил в школу для старших. Там уже знали про Северный-дальний и относились к Нону с несомненным уважением.

А Нон не любил поезд. Ему не нравился прогорклый запах пара, которым тот наполнял комнату. Этот запах уже навсегда вьелся в одеяло и подушку. Ему не нравилось машинное масло, стекавшее откуда-то с колес. Каждое утро, едва встав с кровати, мать тщательно вымывала и начищала до блеска рельсы, но это не помогало. Грязные жирные пятна оказывались по всему полу. Но больше всего ему не нравилось, что он не мог спокойно спать. Скрип тормозов, стук колес, прожектор локомотива, огни вагонов — всё это будило его, долго не давая потом заснуть.

— Странно, — говорила мать, — вот я, когда была маленькой, ничего такого не замечала. Это всё потому, что ты много пьешь пепси. Я смотрела передачу по телевизору — так там говорили, что от пепси дети становятся нервными и плохо спят.

Среди собак, прижившихся рядом с домом, была одна — рыжая с длинными ушами. Нон научил её играть в мяч. Когда он возвращался из школы, она уже ждала его на полпути, у моста, держа мяч в зубах. Однажды собака исчезла, а потом недалеко от дома он нашел её тело на шпалах. Точнее то, что осталось от этого тела после того, как по нему прокатились серые вагоны.

И тогда неприязнь к поезду перешла у Нона в ненависть. Он раздобыл у соседа большой гаечный ключ и лом, нашёл место поукромнее, недалеко от моста, где проходил железнодорожный путь, и открутил болты, крепящие рельс. Теперь рельс можно было отодвинуть при помощи лома, что он и сделал. Затем позвал на помощь младшего брата, и вместе они, как смогли, завалили пути перед сдвинутым рельсом. Получилась нечто вроде баррикады из старых автопокрышек, пустых бочек из-под бензина и досок. Перед препятствием был установлен столб с надписью «Проезда нет».

Ночью братья были на месте и залегли у моста. В нужное время загудели рельсы, задрожали провода, послышался стук колес, прожектор выхватил из темноты баррикаду, локомотив приближался... Но вдруг начал тормозить и перед самым столбом остановился. Словно изучая надпись, он напряженно пыхтел, а затем дал задний ход и скрылся. Нон вскочил на ноги.

— Вот тебе отмашка, — победно показал он поезду неприличный жест, который видел в каком-то американском кино про баскетболистов.

Но уже через минуту вновь застучали колёса, только на этот раз гораздо громче и быстрее. На огромной скорости Северный-дальний ворвался

в пространство перед мостом, смел столб с предупреждением — и взлетел над баррикадой. Описав длинную дугу в воздухе, он плюхнулся на рельсы, оставив место завала позади, и, как ни в чем не бывало, продолжил путь к дому.

В семье поступка не одобрили.

— Это совсем не по-тайски, — сокрушалась бабушка. — А если Главный проводник обидится? Никто тогда не будет покупать наш жареный рис.

— И мы, значит, никогда не купим нового мотоцикла, — соглашался отец.

Но Нону не нужен был мотоцикл. В тот же день он открутил болты уже сразу на нескольких рельсах и вместе с братом спихнул рельсы с насыпи. И откуда только силы взялись?! Вновь в то же время появился поезд. Но на этот раз он даже не стал тормозить, а сразу взмыл над баррикадой и после небольшого парения приземлился там, где ещё недавно лежали рельсы. Не смущаясь их отсутствием, он медленно, словно оценивая обстановку, покати́лся дальше — по камням, по земле и потрескавшимся шпалам.

На следующий день завал решили убрать из-за полной ненужности. А вскоре на месте разрыва появились новые рельсы: сами выросли из-под земли. Встал вопрос: что делать со старыми?

— Как что? — обрадовался отец. — Сталь-то качественная. Будем сдавать в металлолом, значит. У друга моего троюродного брата есть собственная свалка, огромная такая, он даст хорошую цену.

Отец оказался прав: свалка действительно оказалась огромной, а цена хорошей. Отныне каждое утро братья — теперь уже к ним присоединился отец — шли к мосту и снимали выросшие за ночь рельсы с железнодорожной насыпи. Потом приезжал хозяин свалки, вместе они прикрепляли цепью рельсы к грузовику, и тот уезжал, а отец возвращался домой висеть в гамаке и курить.

Каждую ночь Северный-дальний невозмутимо проходил по безрельсовой насыпи и опять останавливался в доме. Как всегда, Главный проводник выходил из центрального вагона, дважды свистел и снимал белую фуражку с золотистой кокардой. Пока он ел жареный рис и, если позволяло время, суп томъям, родители продавали пассажирам коробочки с едой и напитки.

— Пепси на кап, намплао на кап, биа на кап, — кричал отец, идя по вагонам и стуча по оранжевому кулеру.

При этом и она, и родители, и даже Главный проводник вели себя так, как будто ничего не изменилось.

— А ты молодец, — сказал однажды отец Нону, — такой бизнес придумал. У нас теперь большие перспективы, сынок.

Возвращаясь со свалки, он так же раскладывал деньги на столе. Мятых среди них было мало, и всё чаще попадались розовые бумажки в сто бат, а иногда — и фиолетовые, в пятьсот.

Вскоре отец купил новый мотоцикл, «Хонду». Теперь, учитывая скутер, в доме было два транспортных средства, и вся семья — а это пять человек — могла одновременно выезжать в свет. Правда, выезжать было некуда, разве что к небольшому универмагу неподалёку.

— И все-таки, а вдруг Главный проводник обидится? — не сдавалась бабушка. — Нельзя обижать такого хорошего человека. У него усы как у короля Рамы Пятого.

А мать говорила:

— Этот рейс — действительно особый. В нём — вся наша жизнь.

И жизнь шла, месяц сменялся месяцем, а год — годом. Однажды Нон заметил, что младший брат сравнялся с ним ростом, а у отца и матери появились седые волосы. Главный проводник сгорбил и стал носить очки. И усы у него поредели, и уже стали вовсе не как у короля Рамы Пятого. Только бабушка не старела, потому что и так давно уже была старая. А вот дом обветшал ещё больше. Часто ломались доски в полу, провисла крыша. Однажды перед самым приездом поезда внезапно накренился опорный столб в стенном проёме, через который поезд заходил в дом. Локомотив задел столб, и когда отец выходил из вагона, часть крыши рухнула, ударив его по голове. Поезд ушёл, а отца отвезли в больницу. Врач сказал, что сотрясение мозга не представляет опасности для жизни, но на следующий день отец умер.

Похороны прошли самым подходящим образом. Пепел разделили на две кучки. Одну пересыпали в золотистую урну, чтобы хранить дома, а другую — в серебристую, которую понесли к реке. Процессия из нескольких лодок доплыла до середины реки. Мать высыпала пепел в воду, а остальные стали бросать туда букетики оранжевых цветов. Цветов было так много, что они скрыли под собой воду.

— Как красиво, — говорила бабушка, — это как будто на реке выросла оранжевая поляна.

Вернувшись с похорон, мать аккуратно поставила золотистую урну на шкаф, рядом с которым находился пластмассовый кулер, а потом пошла на кухню жарить рис. А Нон сел на циновку и замер: в доме всё изменилось, даже верёвки гамака развязались, так что гамак просел до самого пола. Что теперь делать, Нон не знал.

В назначенное время загудели рельсы, задребезжала посуда в буфете, и в дом начал медленно вползать зелёный локомотив. Пройдя сквозь комнату, он ухнул, пыхнул и остановился где-то на другой стороне пустыря рядом с домом. Из центрального вагона вышел, как всегда, Главный проводник и, как всегда, объявил техостановку.

— Может, мы теперь поедem на Север? — осторожно предположил младший брат.

Нон вышел из оцепенения и посмотрел вокруг. Неся мешок с коробочками, к дверям поезда спешила мать, а бабушка ставила на стол тарелку с супом томьям для Главного проводника.

И тогда Нон встал. Подойдя к гамаку, поднял веревки повыше, закрепив надежным двойным узлом. А затем открыл холодильник и стал доставать из него бутылки с напитками. Он относил бутылки в стоящий рядом кулер, утрамбовывал их в ледяную кашу. Затем взял с пола старую жёлтую кошёлку отца с вышитым на ней слоном. Перекинул ремень кулера через плечо и направился к центральному вагону.

— Пепси на кап, намплае на кап, биа на кап, пепси, пожалуйста, вода и пиво, пожалуйста, — нараспев оповестил он пассажиров, а чтобы привлечь больше внимания, бодро выступал ритм по оранжевой крышке. Получилось довольно убедительно.

— Ну вот ты все и понял, парень, — одобрительно крикнул Главный проводник, сидя за столом на кухне, — только поторапливайся. Техостановка скоро заканчивается, и ждать никто не будет: ведь этот рейс — особый.

Елена Лапина-Балк

Родилась в Санкт-Петербурге. Закончила ЛИТМО, факультет квантовой физики, и отделение журналистики ФОР. В настоящее время живет в Хельсинки. Автор пяти поэтических сборников, последний из которых — «Над пропастью снов шёпот шелка» (2006, 2007) в соавторстве с поэтом Алексом Сандерсом (Швеция). Участник различных коллективных сборников, альманахов, антологий Санкт-Петербурга, Москвы, Германии, Финляндии, Голландии, Китая.

Член финского ПЕН-клуба. Редактор-составитель альманаха «Иные берега», 2002—2006 гг., Хельсинки. Руководитель международной творческой группы «Тайвас». Гл. редактор литературного альманаха «Под небом единым» 2007—2011 гг. Редактор-составитель антологии переводов русскоязычных авторов «Небо без границ», 2008 г.

Истории одного чудака...

(думаю мой герой Миглин — родственник героини Елены Воробей)

Мне кажется, я музыкант...

— Ну возьми-и-и-те меня к себе в оркестр... Ну пожалуйста! Как это не умею играть? А кто в наше время с ритма не сбивается? Нет, честное слово, всё сделаю как скажете... Драться? — да Боже упаси... и ноты изучу, обещаю! Хорошо... и ботинки почишу, хотите и ваши? Ааа... туфли? — не разглядел... Справку? Обязательно принесу. От главного психиатра? Так к нему же очередь, и дорого... Ну ладно, займу очередь, деньги начну копить... А вдруг он ошибется в диагнозе?

...

— Что? Звуки неприятные? А! — так я просто не выспался и не позавтракал. Волновался очень, вдруг не возьмёте... Так всё-таки не возьмёте...

— А хотите, я ваших конкурентов замочу? Гранату в них брошу! Бац... и они в воздухе... и глупостей про вас говорить не будут... Не хотите? Да и гранаты-то у меня нет! И чем тогда мочить?

...

— Ну возьми-и-и-те меня к себе в оркестр... Ну пожалуйста! Что бы для вас такое сделать? А хотите, буду даже во сне вас вспоминать? Жестоко, говорите... тогда ласково и наяву вспоминать буду... Ну что вы такая несговорчивая, опять не хотите. О! Могу гадость про вас сказать! Думаете? Думаете, совсем не поверят? Да, мне не поверят... а другие и не скажут...

— А если научусь играть, возьмёте? На инструменте, естественно! Клянусь, на нервах — не буду...

...

— Правда?! И дадите в концерте поучаствовать? Нет? А где же тогда? Только билетёром?

Ну... с чего-то ведь надо ж начинать!

Миглин ликует

— А вот пусть теперь локти кусает или... плачет горькими слезами... нет! Волосы на себе рвёт! Да, да, именно так! Представьте себе, ваша светлость, меня взяли в оркестр! И не чета вашему — а в оркестр «В джазе только дамочки». Да не мамочки, хотя и это тоже!

Ну и что! Буду переодеваться, губы придётся красить... но зато — ароматы, улыбочки, глазки, попки... И каждая — Миглин, вы гений, вы талант! А я ведь такой и есть, а вы не разглядели, я — как Достоевский, но в музыке!

...

А на вас мне наплевать! Но не думайте, что от меня так легко отделаться! Достану, я же... ну вы знаете, кто я!

Я теперь буду ваше имя всегда произносить с ядовитой ноткой (ноты я продолжаю учить)...

А то фу ты-ну ты, отказала мне... раз... нет, два... три... да какая разница...

Миглин решил жениться

— Разве она мне может отказать!? Н-е-е-е-т, таким чертовски талантливым никто не посмеет... А вдруг всё-таки откажет? Ну тогда она мне не нужна, зачем мне такая, если даже гения во мне не ценит... ещё скажет, чтобы я сам носки стирал! Ужас! А вдруг и завтрак в постель откажется приносить?

Ну, зеркало не обманешь! Я себе очень даже нравлюсь. Нос большой, ботинки тоже нормального размера — женщины всегда на это смотрят... Т-а-а-к, сейчас ещё подухманюсь... чёрт, один «Шипр» да «Муск» — это не пойдёт... Придётся через какой-нибудь торговый центр пройти, там бесплатно «Боссом» брызнуть.

Значит так, сейчас цветочки куплю... нет, эти что-то больно дорогие и пахнут как-то не сильно... представляю... если откажет и... раз... раз... мне по мордам! Так мне ещё и за цветы платить?!

Тогда лучше конфеты куплю, коробкой ведь не будет по мордам... Сам-то я конфеты не ем, больше чай с сахаром. Но не купить же пакет кускового сахара... да и больно, если рассердится...

Перекрещусь на всякий случай, и вперёд...

...я вот тут тебе... нам, к чаю. И вообще, я что-то важное хочу сказать... ну, в общем, я согласен на тебе жениться, но только у меня условия — я же очень гениальный, ну ты знаешь, руки пачкать нельзя, так что стирать ты будешь. Сплю долго и люблю порядок, поесть тоже вкусно люблю, деньги считать — я буду.

И чтобы фамилию мою взяла, говорят, я из графского рода!

— Что? Подумаешь, красивая... А я что, глупее?

Мама с папой — Герои Советского Союза?!

Ха, так и у меня папа бывший стахановец и Герой Социалистического Труда, в журнале «Крокодил» работал, медаль Чайковского получил, а мама — юрист!

...

— Что? А чем это моя фамилия тебя не устраивает?

Да знаешь что! Да сама ты...

Миглин — ей, видите ли, не нравится, говорит, будут обзывать фигли-миглиной, а детей наших фигами дразнить...

Вот женщины пошли...

Миглин меняет ампулу

— Сам ушёл, да надоели они мне, то это не так, то ритм не тот, то теории не знаю... да не очень-то и надо было! Охладел я к музыке...

Чувствую, писатель во мне зарождается, а я и не возражаю...

Ночью просыпаюсь, за карандаш хватаюсь, да, точно за карандаш, и пишу... пишу... на салфетках, на туалетной бумаге, на... а, да, к компьютеру бегу и на него наваливаюсь... выплёскиваю всё, что накопилось... ну вам знакомы эти состояния... нет? Так я вам говорю!

Позвонил уже в несколько редакций, говорю, не пропустите явление века... Трубку вешают, вот Фомы неверующие, а прямо говоря — самоуверенные наглецы!

...Так я и стихи, и рассказы, сам не знаю, как это у меня выходит, но здорово пишу! Кот у меня Мырля, так тот аж орать от удовольствия начинает, я же ему вслух читаю! Перед чтением его не кормлю, говорят, искусство лучше на голодный желудок воспринимается, а потом начинаю ему выразительно так зачитывать... И слышу я в его оре «Браво, бисс!!!» — ей-Богу. Вот это меня и стимулирует к... творю, друзья!

А ещё заметил — дар трибуна и оратора во мне томится. Я ведь им там, дамочкам, такой сольный концерт выдал перед уходом! Орал, в смысле ораторствовал, часа два! Да на сто процентов уверен, отпускать меня не хотели, одна у дверей всё стояла. Но я решил, ни за что с ними не останусь, надо, в конце концов, быть самостоятельным!

А писатели... они что? Они что хотят, то и пишут! И всегда найдётся критик, который «поднимет хвост» произведению, пусть даже ерундовому какому... Но и опустить может... А что об этом думать-то... со мной такого не случится, я же талантлив до чёртиков!

Миглин сердится, но не долго...

— Безобразие, матриархат устроили, что ни журнал, то главным редактором или владелицей дама, а то и дамища! Начинаю я всегда очень даже дипломатично... только когда отказывают — срываюсь... А отказывают всегда! Последний раз отправил сразу в два журнала вот такие стихи:

Люблю я женщин — милых пташек,
Но чтобы в теле, и с большой...
Тогда я твой, ага, милашка!
Беги скорее же!
За мной!

Да, знаю, написано классно! Откровенно, искромётно, женщины млеют...

А эти, эти две главные, ну дуры дурами!

Из «Руслита» так сказала: «Вы ещё попишите, а когда известным станете, тогда и заглядывайте!» Щаззз, разбежалась! Я, когда известным стану, о ней вообще забуду!

А вот из журнала «Облако» редакторша меня просто ошпарила своей наглостью, говорит: «Вы, Миглин, — графоман и стихи ваши совсем не стихи, а карикатура какая-то...» Я смолчал, но говорю: «А хотите, раз... и сделаю ваших конкурентов, а на приемах важных, хотите, буду показывать им фиги и язык? Или... или в сортире замочу?»

«Нет! — вопит. — Ни за что не напечатаю!»

Я догадался, где маху дал: там, в стихе, у меня строчка такая:

«Но чтобы в теле, и с большой...» Так вот она-то худая и большой у неё нет... видимо, обиделась!

Ну что, звоню на следующий день, говорю: «Вот я тут переделал, теперь будет «Худющих, с попой небольшой...» Она аж заикаться стала, сказала, полицию вызовет...

Поразмыслил я и решил отдать свои стихи в журнал «Берега отшельников». Странное, правда, какое-то название, а ну и что... Есть же музыкальные группы «Руки вверх» или «Ногу свело». Или ласкающая слух «Виагра». А отшельники эти — звучит даже как-то романтично, так что пошлю им, они давно просят ну хоть что-нибудь стоящее, трудно у них с этим!

Стал я как-то сдержаннее писать, но зато с мыслью между строк, вот, например, как вам:

Теперь я женщин ненавижу,
Не соблазнить меня ничем!
За десять метров, и не ближе,
Им улыбаюсь и... вообще...

Мне, кажется, это моё «и... вообще» — самая изюминка! Пусть теперь думают, что я имел в виду!

Или:

Шуры-муры, тити-мити,
Как-то я катался в лифти...
Трали-вали и итить,
Вдруг пришлось притормозить...
Мысль пронзила, как игла —
Чёрт возьми, талантлив я!

Почувствовали? Мысли так и свербят после моих стихов! А-а-а-а! Я же говорю!

Здесь содержание гораздо объёмнее, чем число строк. Эмоциональное воздействие неотразимо...

Вот так-то! Талант я! А она — графоман, графоман!

Да была бы честь предложена такое уникальное дать напечатать!

Миглин даёт интервью...

А что? Я согласился... сразу.. Ну и пусть... название у газеты «Жареный петух», какая разница, как знаменитым стать?

Спрашивают, а как у вас ЭТО началось, они имели в виду, конечно же, когда и как во мне талант-то засвербил?

Признаюсь, ждал я этого вопроса и основательно готовился к нему. Добрые люди подсказали: придумать, говорят, надо легенду, да с участием известных фамилий. Я подумал и решил: Иосиф Бродский — очень подходящая личность, да и умер недавно...

Вот я им и выдал свою легенду:

Перед тем как умереть, Бродский ко мне забежал... во сне... и говорит:

— Вот думаю, Гера, передать тебе мой талант, — заметьте, на «ты» ко мне обратился, знал, на меня можно положиться. Я же честный, бескомпромиссный, с обостренным чутьём на несправедливость. Ну, я ему:

— Всё, друг, исполню, приму твой дар и буду его приумножать и шлифовать!

А что, неправда? Всё можно шлифовать, и даже Бродского! А уж тем более мне!

Ну вы же знаете, кто я?!

А на завтра в газетах прочитал, что умер Иосиф Бродский... Вещий был сон!

И вот тут со мною что-то стало твориться: в рифму заговорил, потом и думать стал в рифму, и дышать, и смотреть, да и делать... по-маленькому (писать) тоже в рифму!

А вы как думали?!

Я сразу понял: душа Бродского в меня переехала, жаль, Нобелевку, вернее, что от неё осталось, с собой не прихватила. А то ведь я не богат, чтобы две души содержать, ну да с божьей помощью, или социалка что подбросит!

Видели бы вы лица этих газетчиков! В глазах огонь, восторг, клюнуло их, жареным запахло! Ну это и понятно, сенсация же!

Подумываю на первое время второй мобильный напрокат взять, звонить ведь начнут наперебой, жаль, не дозвонятся если...

(Продолжение следует)

Надежда Жандр

Родилась, выросла, училась в Ленинграде. Образование — филологическое: немецкий язык и литература. Продолжила обучение в Финляндии, в университете города Вааса: немецкая литература и литературоведение. В настоящее время является секретарём и членом правления Международного общества культуры МИРА г. Вааса, руководит театром-студией для юношества.

Руководитель проекта антологии «Небо без границ» (Финляндия). Член редакционного совета альманаха «Под небом единым» (Финляндия). Автор книг: Сборник стихотворений, СПб, 1994; «Королевская охота», СПб, 2000; «Свирель», Вааса (Финляндия), 2007.

Член международной творческой группы «Тайвас» (Хельсинки).

Обретение (Притча)

Твоё изображение... Я создал его из речной глины, неумелыми руками. Я украшал его гирляндами из мелких лилий. Я менял увядающие цветы даже ночью. А когда лилии отцветали, искал на болоте ирисы. Ты пришёл и сказал: «Мне чуждо украшательство».

Я снял гирлянды и вымазал лицо своё глиной, чтобы стать похожим на идола моего, которому поклонялся.

«Из этого ничего не выйдет, — сказал ты. — В чём твоя сущность?»

И я показал на облака и речной туман, ибо они изменчивы, как я. Ты прошёл сквозь туман, прокричав: «Ничего не вижу!», таща за собой два огромных крыла, но они тут же исчезли, когда ты обернулся.

И тогда ты ушёл, а я остался на берегу и стал грезить от одиночества. И, казалось, я мог войти в тебя или отдаться тебе, я настигал тебя, но не мог постичь, и мечты мои были полны неизъяснимой прелести. И я увидел твою ослепительную улыбку, плечи и вдруг поймал себя на том, что ты превращаешься в женщину, а я — вождею. Я смахнул пелену истомы и очистил сознание. Дыхание моё участилось, и я начал думать: что бы ты мог захотеть? Как привлечь тебя и твою благосклонность? А ты молчал, потому что тебя не было, но я всё равно видел тебя — во всём.

И вымазал я идола моего кровью жертвенных животных, и трупы сжигал на костре, а столб дыма был настолько велик, что ты действительно вернулся, и счастьем, казалось, не было предела! Ты был потрясён, глядя на пиришествво огня, зрачки твои расширились.

«Хочешь, я стану этим чёрным дымом? Он плотней», — прошептал я.

«Да ты — убийца! — сказал ты, отшатнувшись. — Разрушь своего уroda и убирайся из этих мест!»

«Повинуюсь, учитель!» — закричал я тебе вдогонку, быстро разломал истукана, потушил костёр и побежал за тобой.

Завидев тебя вдальеке, я почувствовал, как ноги мои слабеют, — так я хотел тебя. Именно хотел тебя всего, источающего мёд или гной, милостивого или разрушающего всё в своём безумии. Я хотел тебя любого и как угодно. И ты обернулся!

— Ну что ты тащишься за мной?! Я же сказал: убирайся!

— Я не знаю никакого другого пути, кроме тебя, учитель!

— Да я не учитель. Я просто местный нищий.

— Это — для них, — сказал я неопределённо, — Можно, я пойду с тобой?

— Нет.

— Почему?

— А ты мне не нужен.

— Тогда, может быть, ты возьмёшь что-нибудь от меня, на память?

— А что у тебя есть?

— Вот эта одежда, две книжки и деньги.

— Давай деньги!

— Ты уходишь?

— Да.

— Почему? Я так хотел, чтобы ты полюбил меня. Или хотя бы улыбнулся мне... на прощание... И ты улыбнулся, пересчитав деньги и показав свои нездоровые зубы. И мгновенная вспышка радости ослепила меня, и я услышал слова, обращённые ко мне, хоть и не сразу понял, что они значат:

— Я полюблю тебя. О-о, как я тебя полюблю, если ты оставишь меня в покое!

И тогда... я просто стал смотреть, как ты повернулся и пошёл, опустошив мою душу.

*

Остаётся болезненной тонкой занозой
это время тоски и затерянных свитков
листопада: линованных снов партитура
разбежалась далёкими фугами веток.

Их уколы гвоздили фальцетом, фальцетом,
их просеянный моросью танец — мефисто:
на три четверти — вальс, на одну — колченогий
за стволами вечерних морщинистых вязов.

Нежным змеем текущий, скользящий по струнам
вой легато осеннего ветра тревожил
одинокое нот: это — птицы тумана
на лету исчезали... Ты слышишь ли? Слышишь?

*

Планка лимбо всё ниже.
Вдавившись в асфальт медяком,
корчу рожи, забавлю
монаршего старшего брата.
Для толпы — толчая,
а для нас — только то, что потом
под давлением любви
акт списания вместо растраты,

чернокнижье — в сафьяне,
кремация, печь — в изразцах,
колумбарий, увитый плющом,
умиление на лицах:
этот мир покидают,
не взяв золотого тельца.
Только с вызовом небу
лежат медяки на глазницах.

*

Крепче всего запирают ворота, которые никуда не ведут...
Потому, наверно, что пустота слишком неприглядна.

Ф. С. Фитцджералд

Я хотела отдать заколдованной крови,
незакатного севера тантру и медь,
но пришла, чтоб увидеть, как пеплом покроет
этот тёмный костёр. Я пришла, чтобы сметь.

Это — девственный стон, это — в сердце осколок,
это — рваная рана — рубцуются жечь?
Мой намоленный демон, доколе, доколе
от змеиной улыбки мне глаз не отвести?

Постарела душа. Полоса киноплёнки
лётся в струях прожжённых: дыши — не дыши.
Только самообман — разноглазый котёнок —
так и ластится, жалкий, и просится жить.

Верюханова Ирина

Родилась в Калининграде, после школы уехала учиться в Санкт-Петербург, где закончила Университет им. Пушкина, факультет искусств. В 2005 году эмигрировала с семьей в Германию, сейчас переехала в Финляндию. Печаталась в сборнике рассказов «Игры судьбы», готовится в печати сборник «Проза-2009». Творческий псевдоним — Итта Элиман.

А Любовь Каксон стороной прошла...

«Ах! — пропела последняя ступенька. — Ах!» — и замерла. Любочка Каксон остановилась перед заветной дверью: дерматиновой, коричневой, освежёванной ключами в области замочной скважины. За дверью играли джаз, в воздухе летали весёлые пылинки, в грязное окно лестничной клетки рвался май. Любочка поднесла к мятой черносливине звонка свой белый указательный пальчик и застыла. Пианино утихло, сменилось немзыкальными голосами людей — ученика и учителя. Джаз порхнул в открытое окно, но Любочка ухватила мелодию за хвост и сунула её в карман.

Дверь туго и лениво приоткрылась, из нее выскользнул одноклассник Венька Лебедев, смерил Любочку удивленным взглядом и презрительно поджал губы:

— Ну что ты сюда таскаешься, Каксон? Не светит тебе ничего! Я с Машкой встречаюсь, с Бариновой. А ты мне не нравишься. Ты толстая и куришь.

— Курю? — удивилась Любочка.

— Вот именно! Понимаешь, — Венька по-отечески положил руку Любочке на плечо и сунул ей под нос ноты, — понимаешь, Любка, музыка — это музыка, а женщина — это женщина. Они обе существуют в неустанном стремлении к совершенству. Это не мои слова, но ты их запомни!

Венька улыбнулся и помчался вниз — статный, высокий, без пяти минут выпускник, без десяти — студент консерватории: «Ах, ах, ах, ах...» — затараторили ступеньки. Под каждой кроссовкой звенело и радовалось его надежное будущее.

Любочка зажмурилась и представила, как Венька Лебедев — мрачный и жалкий тип — споткнулся на пороге парадной и вывалился прямо в май, расквасив нос и уронив в лужу ноты. В кармане бухал духовой оркестр, Любочка стояла и ждала, пока не почувствовала себя куда смелее и настойчивее прежней: черносливина звонка отозвалась, и Любочка вошла в тёмную прихожую.

— Здравствуйте, Анна Владимировна. Меня зовут Люба, я хочу петь джаз!

— Так не говорят, детка: «Петь джаз». А ноты-то знаешь?

Спустя десяток развесёлых молодых лет Венька Лебедев встретился со своими однокашниками в парке, чтобы немного перевести дух от полной

компромиссов и сомнений действительности. Там, в парке, Венька впервые увидел плакаты новой джаз-дивы. Они были расклеены вдоль аллеи и уходили к горизонту, множа и множа яркую стройную женщину в алом платье с копной чёрных кудрей.

— Залы гудят и плачут! — кивнул на плакат Генка. — Хороший голос, сильный, но между нами говоря — не прима!

— Любовь Каксон, — прочитал Венька. — Быть не может!

— Стороной прошла? — засмеялся Генка.

— Вроде того... Впрочем, думаю, она до сих пор курит...

Финская любовь

Я гуляю утром со своим псом там, за домами, где положено. Здесь уже начинается лес, лес хвойный, устланный мхом и сосновыми иголками. Гордые сосны и ели редко позволяют ветру играть в тёмных вершинах, они стоят недвижно, держат низкое серое небо.

Тишина, только где-то вдалеке гудит машина-пылесос. Листвы нападало много, её собирают в уютные оранжевые кучи, которые скоро присыплет первый снег.

Дом повернулся к лесу спиной: ни окна, ни двери, только мокрая скамейка и девочка, почти девушка: на ней большая дутая куртка, шарф в три оборота, волосы собраны в хвост. Девчушка неловко курит, ей холодно, одна рука в кармане.

Вот дурочка, — ласково думаю, — от мамы прячется! А ведь что есть шестнадцать лет? Миг.

И больше никого во всем мире нет. Только она — и я за соснами, так, что ей меня не видно.

А вот ещё кое-кто. Вдоль дома, в обход парадных, через кусты шагает мужичонка. Мятая кепка, сальная куртка, штаны коротковаты. Но шагает бодро, потирая замерзшие руки, и всё тело его торопится так, будто уже готово сделать следующее ожидающее движение: взять, прыгнуть, открыть. Он поворачивает и оказывается перед девчушкой.

Папа, — думаю, — то-то сейчас будет!

Но нет, ни секунды паузы — он обнимает ее, она виснет на его худенькой шее одной рукой, рука с сигаретой опущена. Их поцелуй тороплив и отрывист, точно приходится оглядываться, спешить. Сколько безоглядного счастья в том спрятанном за углом поцелуе, быстрых ласках и тайне их сговоренной встречи!

Кто они? Почему? Миг!

Я прячусь за деревья, отступаю, тащу собаку прочь, чтобы ни в коем случае не спугнуть влюблённых. Их шаловливая бабочка замёрзнет сама, но без меня и не сегодня.

Наталья Пейсонен

«Равным образом увлечена музыкой, театром, поэзией. Считаю, что эти три стихии только дополняют и усиливают друг друга»

Родилась в Петрозаводске. В 1992 году переехала в Финляндию. Автор стихотворного сборника «До и после тебя». Отдельные стихи публиковались в газетах, журналах, литературных альманахах. Является лауреатом международного поэтического конкурса о музыке «Бекар», победителем конкурса «Всемирная поэзия». Победитель международного поэтического конкурса «Время любить», 2008 г., Новосибирск. Финалистка IV Международного конкурса молодых российских поэтов зарубежья «Ветер странствий» (2009, Рим).

В 2008 году закончила Театральную академию РАТИ (ГИТИС) по специальности «актриса музыкального театра». В настоящее время проживает в Италии.

в самый грустный из дней накануне ночных листопадов...

В самый грустный из дней накануне ночных листопадов
я разжала ладонь, убегая в пустой переход
от случившихся встреч, от твоих понимающих взглядов...

Обещая — пройдет!

Старый город рыдал, окатив мои рыжие кудри,
ветер губы сушил, обещая одну из ангин,
и стекали с лица вперемешку румяна и пудры.

Ты мне нужен один...

Наше счастье — иллюзия, следствие полу-улыбок —
растворилось в осеннем слиянии шорохов. Пусть
мы не стали мудрей, не наделали новых ошибок.

Расставание — грусть...

может, плакала, может...

Может, плакала, может... Но ты никогда не узнаешь —
в картотеку печали всё память отложит (пусть там!)

Здесь не ты — за тебя всё решили. (Решают!)

И все это не стоит страданий и слез по утрам.

И напрасно давать самым сладким иллюзиям волю!

Все ушло. О, как страшно и больно мне все осознать.

Никогда я себе больше (нет!) не позволю
так любить и так сильно к кому-то душой привыкать.

Может, плакала, может... Но ты никогда не узнаешь,
только тени делили со мной мою горькую грусть.

За тебя все решили — ты сам ничего не решаешь.

Я боялась потерь, но уже ничего не боюсь...

Олег Яковлев

Родился в Ленинграде в 1948 году. Выпускник Строгановского училища. В 1977 году уехал в Париж. Художник. Пишет рассказы, повести, романы, стихи. Собирает фольклор — частушки, анекдоты. Позже они, переработанные, органично входят в его литературные произведения, часть которых носит характер откровенной литературной игры.

Ужасный город Неаполь

Александр Ивановичу Помпеи очень понравились. Он даже отколупнул потихоньку на память кусочек античного кирпичика...

Но вот Неаполь! Это просто какой-то кошмар! Все орут, гудят, морды как у жуликов, того и гляди сопрут что-нибудь... И подростки, и дети не лучше...

И все о смерти:

— Увидеть — умереть!

Сначала А. И. даже не понял:

— Умереть? С какой стати?

А ему с улыбочкой:

— Увидеть Неаполь и умереть!..

А зачем умирать? Кому это нужно? Для чего? Во имя каких идеалов?

Чушь какая!.. Город, конечно, грязноватый, но, например, до Красноярска или Новокузнецка ещё пока далеко... С питанием всё в порядке. Пиццы хорошие. С сыром специальным... Но ведь даже в Красноярске никто никогда ничего подобного не говорил... Просто жили... Как все люди...

«Увидеть Красноярск и умереть!» — смешно даже! А неаполитанцы все, как заговоренные, без остановки: умереть! Умереть! УМЕРЕТЬ! А сами-то не мрут, во всяком случае, не больше других. На туристах, что ли, хотят отыграться?

Встретился вечером А. И. со старым приятелем. Пошли на островок, в ресторанчик. Теплынь. Рядом яхты. Дальше — 6-й американский флот. Ещё дальше Везувий мерещится. Выпили четыре бутылки красного, под рыбку. Хорошо. Огоньки по воде бегают. Тепло. Приятель закурил, расстегнул на три пуговицы рубашку, подался локтями на центр стола и со вздохом, задумчиво так:

— Да, старичок, а ведь недаром говорят: «Увидеть Неаполь и умереть!»

Вот тут А. И. открыл вдруг рот. Выпучил глаза, захрипел, побледнел, схватился за сердце, замотал головой, съехал со стула и к совершенно полному неудовольствию всех сидящих на террасе ресторана скоропостижно скончался.

О вреде курения

Лев Толстой резво, несмотря на возраст, катил по тропинке на велосипеде. Чирикали воробьи. Ласково светило солнце. Весело потренькивали спицы. Простую домотканую рубаху пузырило, борода развевалась на ветру.

Вернувшись с прогулки и сказав несколько слов фонографу — новому Эдисонову чуду, Толстой выпил стакан водки, крикнул и, изломав коробок спичек, раскурил сигару. Раскурил и тотчас же скрылся в клубах синего дыма.

Лев Николаевич не вышел ни к обеду, ни к ужину, ни к завтраку. Его хватились, стали искать, да так и не нашли...

Человек в пенсне

Не многим известно (пришла пора наконец рассказать об этом), что в течение последних лет своей жизни Яков Свердлов совершенно не ходил в сортир «по-большому». Ни разу. Ел. Пил. А вот акт дефекации не совершал. Этим своим качеством он приводил в совершеннейшее изумление и друзей, и врагов. Правда, друзья его любили, а враги боялись и ненавидели, но и те и другие поражались необъяснимости процессов, происходящих в организме революционера. И конечно же, этот феномен позволял неким недружелюбно настроенным лицам утверждать, что Яков Михайлович Свердлов не человек, а «сплошное говно».

Елена Петрова

Родилась под Казанью, училась в МГУ (факультет журналистики) и в ИМЛИ РАН (кафедра теории литературы). Занимается переводами и преподаванием русского языка во Франции. Печаталась в таких изданиях, как «Юность», «Комсомольская правда», «Вопросы литературы», «Русская мысль», Albion & World, «Англия», «Перспектива», в Интернет-журналах «Переplet» и «Электронные Пампасы».

La neige

Смолой, и миндалем, и коркой мандарина
И пахнет, и цветет, и плачет первый снег!
Вскипают небеса, и белая марина
Ликующей волной бросается на брег

Сухого декабря. И саранчой крылатой
Грызет горячий свет в ладонях фонарей,
И делает шутов из командорских статуй,
И в нос целует льва, что сторожит музей.

Всё хочет замести — чтоб ни конца, ни края!
И набело строчит, и падает, устав,
И девочка моя, не веря, замирая,
Несет ее в горсти, перчатки растеряв.

...Мы их найдем весной, на прошлогодних листьях —
Вся правая в песке, а левая травой
Проколота. И тень от велосипедиста
Над нами пролетит, как призрак голубой.

Он катит напрямик, кругом теплынь и нега,
И волосы со лба сдувает ветерок.
А нам — белым-бело, и пахнет первым снегом,
Как будто снег идет, как будто память — Бог.

* * *

Какая лень! С чего бы вроде,
А реже говорят «дела»,
И дворник тише колобродит,
И в отпуск нищенка ушла.

* La neige (фр.) — снег.

Сосны трезубец одинокий
 Рисует ветром тень свою.
 И чемоданы — раньше срока,
 Не потому, что я люблю,

А потому, что выше крыши,
 Где ждут каникул облака,
 Тоска горячей тушью пишет
 И задыхается слегка.

Уже расселись у порога
 Картонка, сумка и рюкзак,
 Уже заправлена дорога
 В голодный звонкий бензобак,

И на двери у книжной лавки
 Прямоугольный август мой
 Пришпилен наспех, как булавкой,
 Стальной французской стрекозой.

* * *

...Бывают сны — войска. Бывают сны —
 нашествия. Не спрятаться, не скрыться.
 Ночь зимняя, хрустальная гробница
 разграблена. И слышен шум войны.
 И бьют, с какой не знаю стороны,
 не знаю, это нас или атака,
 И до утра ещё как до Итаки,
 И съедены быки.
 Бывают сны —
 спектакли. Мы друг другом прощены.
 Враги такие! А теперь как братья...
 Но слабнут невозможные объятья,
 и вдруг щека касается стены.
 Стена стара, узка моя кровать,
 отец и мать, всеильные, как боги,
 зовут с собой, уводят по дороге
 и учат в две руки меня летать.
 Бывают сны — опричники, орда...
 Уж лучше бы не спать! Да ночь сильнее.
 Куда она — туда и сон за нею.
 И нежно светит мертвая звезда.
 И снова крест потерянный на шее.

* * *

Она
Любила платья с вырезом и оборкой.
Купалась только
В расшитом солью бархате,
Темно-синем.
Она носила
Кольцо на пальце, в память о первом «горько»,
Потом ребенка.
Из всех одна
На школьный снимок,
Шероховатый, плоский,
Пришла в матроске.
...Росла во сне,
мяту пила горячей
И, точно мячик,
Легко ловила яблоко.
В подкидного
Была готова
Дурачить всех подряд, в гамаке, на даче,
Давала сдачи,
с кроссвордом билась, а естество мужское
Брала без боя.
Сменила башню, город, реку и море,
Погибла вскоре.

...Вот и всё,
но я никак не могу поверить,
Что в снегу бессонниц
лишь отраженный свет,
Что любую смерть
случайностью не измерить,
Я сказать не смею,
что её уже нет.
Так кончается день.
Смягчается женский профиль,
И становится детским.
И сплывается над головой
Моя тайная боль,
И качается люлька сердца,
И умершие боги
Остаются с тобой.

Верба

Россия — это вербные лапки
и рысьи глаза косые.
Говорят, когда приблизится сорок,
Услышишь этот звериный шорох,
Найдешь неотправленных писем ворох —
Россия, Россия, Россия...

В снегу по колено, она цветет,
вернее — держит на ветках стаю
неоперившихся, тёплых слов,
корнями прямо в тебя врастает,
крылом твою отворяет кровь,
впускает небо, дотла сгорает.
...Мольба и верба, зола и мед —
чужая, ничья, родная.

Поёт и просит: сломи меня,
а то ведь некому, в воскресенье...
Прими же, ради такого дня,
всё, от раскаянья до прощенья,
возьми домой, обними, укрой,
в твоих ладонях я верить стану,
и ты поймёшь, как терять покой,
и солнце славить, и петь осанну...
...А пух на слабых её ветвах
Похож на серую шерсть ослёнка,
на колокольчики в облаках,
на стаю слов — желторотых, звонких,
на всё, что помнится, говорят,
когда приблизится к сердцу сорок.
На свежий пепел и рысий взгляд,
на неотправленных писем ворох,
на сон весенний про поздний снег..
А в нём — израненные, босые,
Как ноги нищенок и калек,
Святые вербы у диких рек —
Россия, Россия, Россия.

Игорь Белкин

Живет в Эстонии. Участник коллективных сборников «Пусть нам станет родиной дорога», 2007 (Германия, Мюнхен); Edita, 2007 (Германия); «Иные берега», 2005, 2006 (Хельсинки); «Пятница»-2006, «Суббота»-2007 (Новосибирск); «Лепестки ромашки», 2008 (Новосибирск). Победитель международного поэтического конкурса «Время любить», 2008 (Новосибирск). Автор поэтического сборника «Состояние души», 2008 (серия «Тайвас», «Геликон Плюс», СПб); в 2011 году вышла книга стихов «Как странен мир, в котором мы живём...»

Член международной творческой группы «Тайвас» (Хельсинки).

Для детей

Сказки о Великом мелком Шуре

ТОМ ВТОРОЙ

Сказка о неизвестном дошкольнике

Один хорошо неизвестный дошкольник сидел дома за письменным столом и учил ненавистную азбуку. Буквы в ней были разные, на все вкусы, только запоминать их не хотелось почему-то, а хотелось побегать по квартире, постучать в стенку головой, дивану по толстому животу наподдать и жирного кота загнать в такую шёлку, из которой и таракан выползти не сможет. Конечно, есть и другие развлечения вроде ковырянья пальцем в носу, но это всё мелочи, ерундишка всякая, например, неповоротливому Дедцу ногой в попу зафинтифлюжить и похихикать, когда он Маме жалобным голосом рассказывать начнёт об инсургентах, напавших на него и ранивших в самое секретное место.

Если б кто из живущих на Земле знал, как не хочется читать по слогам сказку о Мишкиной каше, тот бы эту кашу вообще есть никогда не стал, а высыпал её воробьям на подоконник или там мышам каким или размазывал тонким слоем по столу, чтоб в ней мухи тонули.

Одного хорошо неизвестного дошкольника одолевали мысли о том, нужно ли запоминать слова разные, если он всё на свете знает и всё умеет и на все советы гордо выкрикивает: да знаю я! Да умею я! Да если нужно, я сделаю это лучше и быстрее всех! А сам пишет, как курица лапой по земле чиркает, и два у него больше трёх, и Европа у него в Австралию переехала, видите ли, местожительство поменяла...

Эх, наверняка где-то в мире есть школы, где только пение, физкультуру и рисование преподают, вот бы в ней учиться когда-нибудь скоро! Целый день можно петь, упражнения всякие выполнять и котов в клеточку разрисовывать, они, коты эти, всё равно в своих портретах не разбираются, даже если их рисуют очень известные художники. Посмотрит кот на свою

образину, зевнёт и лениво пошагает на кухню пропитание себе добывать. По барабану ему искусства, он и в математике силён, знает, что две сосиски всегда круче одной, а если четыре дадут, то одна точно внутрь его не влезет и придётся её закапывать где-то снаружи, чтоб никакой Шур на неё не покусился, или сидеть около неё в карауле и терпеливо ждать требования урчащего живота: а не пора ли тебя съесть, радость моя?

А пение Шура кое-кому нравится, Дед однажды покурить вышел в коридор, так слышал соседскую собачонку, подпевающую солисту.. тот передышку сделает — Матильда умолкает, запоёт — и опять болонка воет...

Один хорошо неизвестный, хулиганистый, безответственный, исключительно непоседливый и безалаберный дошкольник, проживающей вот в этой квартире, болтливый, как стая голодных сорок, драчливый, как стая бездомных волков, вечно измазанный неизвестно чем от пяток до вихрастой макушки, как деревенская хрюшка, скачущий одной ногой по полу, а другой — по потолку, упрямый как среднеазиатский ишак, лежающийся как дикая лошадь, и так далее и тому подобное, неопишное и непредсказуемое... так вот, это чудо природы сидит за письменным столом и вырезает из бедной азбуки буквы, слагая слова: Я ГЕРОЙ, что несколько не соответствует действительности.

На этом разрешите закончить эту невероятную, но совершенно правдивую историю.

Сказка о космической кастрюльке

Летел Великий Шур на Солнце. В кастрюльке. В ней раньше Дед борщ варил на всю голодную семью, а потом, когда она прохудилась, в угол задвинул. А Шур быстро прикинул, что к чему, он слышал, что существуют летающие тарелки, НЛО называются, так почему не может быть летающих кастрюлек?

Приделав к ней реактивный двигатель, собранный из пепельницы и старой трубки Дедецкого, соорудив аккумуляторы из негодных батареек, набрав в запас варёных макарон и чая в термосе, он нажал стартер — вжжжж! — улетел в неизвестную даль. Почему в неизвестную? Да потому что куда можно ещё улететь в кастрюльке, у которой нет руля высоты и боковых рулей? — туда куда-то, но совсем не туда, куда нужно. А Шуру казалось, что он летит вверх, прямо на Солнце. Уже припасы закончились на борту космической посуды, макароны испарились окончательно и бесповоротно, а до Солнца так же далеко, как и раньше. Потому что Земля вращается и движется по круговой орбите, и кастрюлька повторяла её путь, и прилетела, и опустилась на то же место, откуда взлетела, на тот же самый подоконник, где за полётом Шура следил важный кот, лениво ожидая подачи в виде кусочка космической сосиски.

Стих о потерянном хвосте

Потерянный Хвост по квартире бежал,
Хозяина, видимо, он потерял.

Все щёлки проверил он, все уголки,
Но в них только злые сидят пауки.
И вот наконец Хвост увидел Кота:
Простите, а вы не теряли хвоста?
Ну что вы! — сказал положительный Кот. —
Мой хвост, он в согласье со мною живёт,
А этот задрипанный грязный шнурок
Никак потерять я, простите, не мог.
Сказал — и ушёл доедать свой компот
Ужасно воспитанный вежливый Кот.
Потерянный Хвост заглянул в туалет.
Сидел в туалете задумчивый Дед.
Быть может, вы знаете, — Хвостик спросил, —
Кто раньше меня однозначно носил?
Не знаю, не знаю, — Дедец пробурчал, —
Отдельно ходячих Хвостов не встречал,
У предка, который с берёзы упал,
Хвост сам отвалился и сразу пропал.
Советую вам обратиться к Шурцу,
Наверное, хвост ему будет к лицу. —
Потерянный Хвост покатился клубком,
Обшарил он все закоулки, весь дом.
Так где же таинственный юный Шурец,
Он кто: таракан, человек, огурец?
А может быть, это растяпа такой,
Что хвост сам себе обрывает рукой,
Потом его вешает где-нибудь так,
Чтоб было найти невозможно никак?
И вдруг на пороге квартиры возник
Крикливый, драчливый, чумазый мужик!
Нет-нет, не мужик, а скорей мужичок
В спортивной куртёшке, а сам со стручок.
С бобовый стручок иль с фасолевый — Хвост
Не стал разрешать этот спорный вопрос.
Он в ближнюю щёлку забился, затих,
Чтоб Дед закрулил этот каверзный стих,
Иначе возьмёт разудалый Шурец
Хвостишко за хвостик — и жизни конец:
Растопчет, размажет, на клочья порвёт...
Потерянный Хвост там доселе живёт.

Сказка о золотой ленте и бытовых проблемах

Тем, кто уже ничего не понимает и при этом хлопает себя по коленям: ни-ч-ч-ч-его не понимаю! — тем, кто ещё ничего не понимает, а только пускает пузыри пузыристые изо рта и не может сказать, что ничего не понимает; тем, кто всё понимает, но ни о чём не догадывается, хотя и ходит в детсад, где всяким премудростям обучают, — так вот, всем я объясню, что золотая

лента только называется золотой, а на самом деле она из красной ткани бордового или розового цвета, и вешают её на победителей спортивных соревнований и на героев, совершивших подвиг на войне или ещё где на ответственной работе в кабинете.

Конечно, мелкий Шур подвигов не совершает по причине своего малолетства, но помечтать о них может, это не запрещено никому на свете. Лежит он на диване, нога на ногу, в носу поковыривает, штольно с сухариками, видимо, разрабатывает и думает: если устроить соревнования, кто больше конфет съест, то я выйду в победители, у Деда зубов маловато для жевания, а Дымок не очень их любит. И наградит меня Мама золотой лентой.

А Мама в это время нашла в углу подозрительно пахнувшие штаны и удивлённо спрашивает у Дымка: «Это ты набезобразничал?» «Нет, — говорит кот, — я только в шапку Шуру пописал». А у Деда не стала спрашивать, потому что неудобно пожилого человека пустяками тревожить, к тому же без очков он эти штаны в упор не видит, хоть на нос ему вешай. Но Мама — известный в квартире следопыт, она вычислила, кто, куда и сколько, и получил Шур по заслугам. И кот получил, хотя и правду сказал. Коты вообще неправду говорить не умеют, от них, кроме мяу и мур-мур, ничего не услышишь, а что это обозначает, даже детсадовцы не знают. И вообще, если коту говорить обидные слова, он начинает обижаться и мысленно отвечает: «Сам такой!» Почему? Да потому что у него свой персональный горшок имеется, а у других он общий. И всякого такого в одиночном горшке всегда меньше, чем в посещаемом всей семьёй в порядке очерёдности.

И потом, сами попробуйте попу языком вылизывать, тогда поймёте, что такое настоящая гигиена. Приспосабливаться нужно к быту, уважаемые графы и прочая аристократия местного значения! А если случайно кот и обронит капельку-другую где-нибудь возле трюмо, так знайте, что это от перевозбуждения, ибо очень приятно увидеть собственное красивое и пушистое неотразимое изображение.

(Продолжение следует)

Алексей Березин (США)

Родился в подмосковных Мытищах, окончил Бауманский университет, работал инженером в одном из оборонных НИИ. С середины девяностых годов живёт в Нью-Йорке, работает программистом. В нерабочее время — поэт-пародист. Публикуется в периодических изданиях России, Украины, США, Канады. Неоднократный победитель поэтических конкурсов. Лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси-2009». Дипломант Первого Международного конкурса поэтов-пародистов портала «ИнтерЛит». Призёр Международного конкурса юмористической поэзии и прозы, посвящённого 150-летию со дня рождения Чехова.

Почти по Есенину и Таничу

И если муза, низко пролетая...

Александр Трубников

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком...
Уже и муза, низко пролетая,
Прикинулась, что я ей незнаком.

На бреющем заходит на посадку,
Выравнивает курс, тангаж и крен...
Я так давно хотел её, касатку,
Найти, поймать, заставить сдать в плен!

Я возбуждён до головокруженья —
Землёй верчусь вокруг своей оси.
Вот муза начала своё снижение,
Вот с грохотом откинула шасси...

Промчалась по посадочной дорожке,
Увы, не в мой — в соседний терминал!
Подъехала к Есенину Серёжке —
Он в ней свою знакомую признал...

О, муза — белокрыла и воздушна!
Летаешь ты, как пуля у виска.
Ну почему ко мне ты равнодушна?
И почему ты смотришь свысока?

...Лишь первым снегом утро заиграло,
Все музы улетели на юга.

Один, как не пришей к узде забрало,
Зимует ваш покорнейший слуга.

Прикладная мазофизика

*Есть свойства у расшатанных пружин —
Движенья возрастают с амплитудой...*

Ольга Олгерт

Есть свойство у летящих кирпичей —
Свободного паденья ускоренье:
Влетит один из них промеж очей —
И о любви забудешь на мгновенье.

А если взять дюймовую трубу,
Слегка взмахнуть, к себе перемещая,
Наверняка останется во лбу
Продольная канавка небольшая.

А если попытаться соскочить
С набравшей обороты карусели,
То близости интимной, может быть,
Захочется лишь через две недели.

У небоскрёбов знаю свойство крыш:
С одной попробуй спрыгнуть аккуратно —
Пока до тротуара долетишь,
Слегка подсадишь голос, вероятно.

А если кнопку кверху остриём
Швырнуть на стул соседке по работе —
Возможно, с алых нежных губ её
Сорвётся интересный оборотик.

А если под асфальтовый каток
Судьба тебя забросит — то, бесспорно,
В том месте, где так мудро ты прилёг,
Останется хорошая прессформа.

Есть свойство у растопленной печи:
Присядешь на неё слегка по пьяни —
Она тебе, кричи иль не кричи,
Но мякиш аппетитно подрумянит.

А если взять захочешь на таран
Локомотив, несущийся навстречу,
То сразу отойдёт на задний план
Вопрос, с кем провести чудесный вечер...

Михаил Левин (Германия)

Родился в Нижнем Новгороде. Окончил историко-филологический факультет Горьковского педагогического университета и Волго-Вятскую академию государственной службы. По профессии журналист. Член Союза журналистов России. Член Международной творческой группы «Тайвас». Дипломант Целевого капитала поддержки русской культуры (2009). С 2005 г. живет в Германии (Аугсбург). Автор книг стихов «Лабиринт» (1998), «Хранитель» (2001), «Перелетные ангелы» (2005), «Письмо с того света» (2009). Произведения Михаила Левина переведены на английский, немецкий, иврит.

Одна душеспасительная беседа

Любимая, поставь-ка свой бокал!
Ты — прелесть, я готов поклясться адом,
С тобой никто и рядом не стоял
Из женщин, что сидят с тобою рядом.

Взгляну в глаза — и, кажется, тону,
Как сельдь тонула пряная в рассоле...
Но ты, подружка, тянешься к вину,
На это не могу смотреть без боли.

Ты ночью мне шептала: я — король.
Да будь я даже Цезарь настоящий,
Скажу: для женщин вреден алкоголь,
Как никотин для лошади курящей.

На хрустале — и торт, и пирожок,
И ананас, сладчайший от природы.
Зачем тебе шампанское, дружок,
Когда на свете соки есть и воды?

Вино — одна разжиженная ложь,
А ты ведь — мать, не забывай об этом,
Какой пример ты сыну подаёшь?
Малец сопьётся, вырастет поэтом!

Вон юная судьба оборвалась
Намедни, мне девицу очень жалко:
Она перед купаньем напилась
И про себя решила, что русалка.

А тот, кто клялся век ее любить,
Теперь ночами бродит, словно призрак,
И вопрошает: «Пить или не пить?»
Сам у себя, что нехороший признак.

В таком бреду — хоть шпагой заколись,
Не вынести мучительной потери...
Ой, глянь, а гости как перепились,
Один уже найти не может двери.

На дармовщинку кто же не алкал,
А мне потом — иди, сдавай посуду..
Прошу тебя добром: поставь бокал!
Остановись!
Не пей вина, Гертруда!

Просто народное

*Жизнь какая-то... с выкрутасами...
То одно, то второе, то... глупое.
То общаюсь с прохожими стансами,
то глазами слезливыми лупаю.
Вдругорядь заведу песню русскую,
завлеку одноразово в массовость...*

Алексей Абашин

Жизнь какая-то вся... с прибабахами...
Ходят люди с нетрезвыми рожами...
Я сонеты сейчас забабахая,
чтоб общаться в деревне с прохожими.
А веду себя вовсе не глупо я,
потешаюсь, как Русь над Европою:
то глазами слезливыми лупаю,
то ушами обвислыми хлопаю.
За кусты заведу красну девицу —
завлеку одноразово... в массовость,
стих прочту ей... куда ж она денется? —
будет в такт мне ещё и приплясывать.
Никогда не робел я с девчатами,
чтоб на радостях охали-ахали...

А по морде мне зря припечатали:
кто же знал, что придёт она с хахалем?

А может, зря?

*Недолгим будет, знаю, лето —
я осень чувствую в ноздрях,
когда дожди кроплятся слепо,
и кто-то говорит: не зря.*

Камилла Вишневецкая

Снега летались. Средним ухом
я догадалась, что зима,
она подкрадывалась глухо
через поля, леса, дома...

Овсы цвелись, коза лягалась,
я пробуждалась ото сна,
моей ноздре уже казалось,
что наконец пришлась весна.

Но осень вилы мне вонзила
(куда — я лучше умолчу),
и с плачем: «Не рифмуй, Камилла!»
кропился дождик по плечу...

Мечты, мечты...

Пусть я не гений чистой красоты,
А срок придёт — и вовсе стану старый,
Но, дорогая, если бы не ты,
Мы были бы с тобой чудесной парой!

А что развод?..

А что развод? Всё та же канитель!
Живём-то ведь пока что не на небе.
Сначала мы делили с ней постель,
Теперь взялись за остальную мебель...

Мимолётному видению

(20 лет спустя)

Пусть Вы меня опять зовёте «милым»,
А ближе к ночи — даже «дорогим»,
Увы: мне столько выпить не по силам...
И дай Вам Бог любимой быть другим!

Анна Людвиг (Германия)

Родилась в Санкт-Петербурге. Занималась музыкой, озвучивала на «Ленфильме» детские фильмы. В Германии с 1979 года, живет и работает в Кельне. Автор стихов, прозы и переводов. Стихи А. Людвиг публиковались в книжной серии «Литература русского зарубежья». Победитель межпортального конкурса «Точка разлома» в номинации «Поэзия» (I место). Лауреат поэтического конкурса «Четыре комнаты: лимерики и четверостишия». В 2008 году выпустила книгу стихов «Работа над собой», в 2011-м — поэтический сборник «Безмолвие». Финалист международного поэтического конкурса «Эмигрантская лира» в Брюсселе, 2009.

Вещие сны

*Смотрела сон уже раз двадцать?
Он снова здесь. Хоть протестуй!
Опять придется целоваться
На Поцелуевом мосту.
Арсений Платт. «Опять придется целоваться...»*

Заснуть могу без промедленья,
Мне ни к чему считать слонов...
Приходит ночью просветленье
(Обычно в виде вещих снов).

Наверно, их не вспомню точно,
Во всех подробностях, но вот
Из-за Гороховой с Молочным
Четыре дня болел живот.

Хотя здоров, как лошадь, с виду,
Но как-то раз, увы и ах,
Уснул с Бульваром Инвалидов
И год ходил на костылях.

А нынче я совсем сердитый:
Проспект Кутузовский не спас —
Я думал, стану знаменитым,
А оказалось — дали в глаз...

После сорока

*Ты не кляни свои года напрасно,
И в страхе перед зеркалом не стой.*

*Поверь, что ты
Воистину прекрасна
Отточенной и зрелой красотой.
Вам этот дар природою завещан,
Не прячь его,
Тогда наверняка
Поверят все, что лучшие из женщин
Рождаются лишь после сорока.
Ах, как правы старинные картины,
Как понимали женщин мастера.
Ах, как несут Венеры и Афины
Свои великолепные тела.
Евгений Латаев. «Сорокалетней женщине»*

Родная, не зови себя мегерой,
швырять не стоит в зеркало графин...
Да, ты стара, но не дряхлей Венеры!
Да, ты в годах, но не древней Афин!

Не стой перед трюмо, надувши губы,
не ной, что попа стала как желе.
Ведь ты свежей булгаковской цекубы,
хотя намного старше божоле.

Твой зрелый облик мне безмерно дорог,
клянусь душой, и вот моя рука.
Хороших жён судьба рождает в сорок,
а лучших — даже после сорока!

Пусть красоту считают эфемерной —
пока на свете есть и тушь, и руж,
я очень рад, я рад неимоверно,
что ты ещё жива, моя старуш...

* * *

На всех соперниц гляжу с иронией:
они наивны, как птички ранние...
А я такая многосторонняя:
то — замыкающая, то — крайняя!

* * *

Когда мечты переполняет курица
и шкварки на огромной сковородке,
осознаёшь, что быть костлявой умницей
куда трудней, чем полной идиоткой.

* * *

Порой напишешь чушь... Поймёшь, что зря...
 И размышляешь, скомкав лист в ладони:
 «Что делать? Ру-ко-пи-си не горят...
 А содержание их, увы, не тонет...»

Юрий Тубольцев (Германия)

Москвич, в Германии с 2004 года, живет и работает в Регенсбурге. Член Союза писателей «Новый современник» и Российского общества современных авторов. Автор книг стихов и миниатюр «Поэтика развернутого абсурда», 2008; «Театр миниатюр сквозь эхо абсурда», 2009; «Поэтическая абсурдология», 2009. Публиковался в журналах и литературных сборниках Германии, России, Нидерландов, Финляндии.

Премудрости человечья

Обман зрения

На самом деле солнце квадратное, но в характере людей сглаживать углы.

Взгляд снизу

Люди — существа одноклеточные, — говорила мудрая амёба.

Прямохождение

Обезьяна выпрямилась, распластавшись, когда поскользнулась на банановой коже. Так пращур человека научился ходить прямо.

Обмен мнениями

— Если человек возьмёт в руки банан, обезьяной он всё равно не станет, — говорила мудрая обезьяна в очках.

— Как не станет человеком обезьяна, надевшая очки, — отвечал человек с бананом.

Тост

— Люди как вид обезьян смешны, а обезьяны как вид людей ещё смешнее, так пусть же смех станет основным критерием научности! — произнёс однажды тост нетрезвый Дарвин.

Высшая степень мудрости

— А ого-го или ага-га? — спросили у мудреца.
— Угу-гу, — ответил мудрец.

Современные рецепты

Лучше съесть наружности одного бублика, чем внутренности ста бубликов, — говорил мудрый повар.

Мнение пожарника

Некоторые зажигательные слова приходится гасить огнетушителями, — говорил мудрый пожарный.

Мордастый бизнес

От того, какое у вас юридическое лицо, зависит характер вашей фирмы, — говорил мудрый физиогномист.

Ценности

У вас есть ценные мнения? — спрашивал грабитель.

Безграничность образа

Контуры картины всегда шире холста, — говорил художник.

Техника безопасности

Даже Буратино может пригодиться спасательный круг, — говорил мудрый моряк.

Самообуздание

Не каждая лошадь без узды — необузданная, — говорил мудрый конюх.

Текучесть бытия

Даже константы меняются, — говорил математик.

В мире окон

И для людей, и для мух жизнь — это путь от окна до окна, — говорил мойщик окон.

Ограниченные услуги

Вскрытие обманов не производим! — объявил патологоанатом.

На болтах

Все теории на семи болтах держатся, — говорил мудрый болтун.

Райский сад

Даже в райском саду встречаются гнилые плоды, — говорил садовник.

Есть ли жизнь на Марсе?

Если бы человек мог обгадить Марс, человек бы Марс обгадил, поэтому возможности человека ограничены, — говорил эколог.

И не надо!

Слишком высокие идеалы — не разглядеть, да и не надо! — говорил коротышка.

Дуракам закон не писан

Когда-нибудь все кривые выпрямятся, — говорил дурак.

Диагноз

Поезд тронулся, — сказал психиатр.

Наглотипы

Помимо архетипов существуют также и наглотипы, — сказал Юнг, пообщавшись с москвичами.

Баловень бытия

Баловство с плюшками придает смысл бессмысленному существованию, — говорил Карлсон.

Сизиф

— У тебя же камень квадратный! — сказали Сизифу.

— Круглый камень затащит на гору любой дурак, — ответил Сизиф.

Не в духе

— Давай поговорим откровенно, — попросил Моисей.

— Давай завтра, у меня не то настроение, — ответил Творец.

Химия семейных отношений

Перед общением с тёщей надо съесть что-нибудь щелочное, чтобы нейтрализовать кислое выражение лица.

Райская философия

Самым неревнивым мужем был Адам, а самой верной женой — Ева.

Шерше ля фам

— А что это ты на мои ребра уставился? — спросил у Змея Адам.

— Ищу женщину! — ответил Змей.

Семён Островский (США)

Родился в Киеве, там же окончил университет. Около 30 лет живёт в Нью-Йорке. Автор книг «Щедрый мандарин» и «Встреча со львом», публиковался в журналах «Нева», «Костёр», «Мурзилка», «Кукумбер», «Познайка», а также во многих альманахах, сборниках, в антологии североамериканской поэзии. Награждён специальным дипломом Международного поэтического конкурса «Муравей на глобусе».

Не понимает

Волк
На Ежа
Тараном
Прёт...

Не понимает
Волк
Острот.

О комаре, который кусал поэта

Злодей Комар
Не ожидал
Ответа,
Когда кусал
Испод(с)тишка
Поэта.

Выше всех

Да,
Жизнь
Жирафа
Баловала —
Казалось,
Ждёт
Большой успех.

Но у того,
Кто выше всех,
Всегда
Завистников
Немало.

Улитка и Бык

Улитка,
Выставив рога,
Глядела
Грозно
На быка.

Удар
Нечаянный
Хвоста —
И бык
Её
Смахнул
С куста.

Озлобленный Гусь

На Розу
Грозно
Гусь
Шипит:
— Куда ни глянь —
Одни шипы!

То,
Что в цветах
Прекрасных
Куст, —
Озлобленный
Не видит
Гусь.

Плещу

— Как жизнь? —
Был мой вопрос
К Плещу.

— Да так, —
Ответил Плещ, —
Плещу..

Полёт Осла

Осёл
Ступил на скользкий лёд
И тут же
Совершил...
Полёт.
Был не смущён
Разбитым лбом
И объявил себя...
Орлом.

Как встречали гостей

Собака,
Вовсе и не злая,
Гостей встречала,
Злобно лая.

Хозяева,
Стервятник с Коброй,
Встречали их
Улыбкой
Доброй.

В оазис поселили Бегемота

В оазис
Поселили
Бегемота.

...Оазис в прошлом —
Там теперь
Болото.

Содержание

Вместо предисловия. <i>Екатерина Муртузалиева</i>	3
Память	
Екатерина Асмус	5
Елена Лапина-Балк	12
Михаил Садовский	20
Исай Шпицер	23
Екатерина Муртузалиева	26
Австралия	
Ирина Нисина	35
Сергей Ледовский	39
Германия	
Александр Ланин	49
Александр Крамер	55
Голландия	
Лариса Подаваленко	58
Греция	
Елена Андрейченко	68
Грузия	
Георгий Гамсахурдия	82
Израиль	
Елена Шпельникова	94
Людмила Клёнова	104
Эд Добрыкин	108
Марина Старчевская	111
Россия	
Юрий Люкшин	114
Павел Алексеев	126
Алексей Филимонов	129
США	
Юлия Резина	136
Александр Немировский	139
Таиланд	
Леонид Сторч	142
Финляндия	
Елена Лапина-Балк	147
Надежда Жандр	152

Верюханова Ирина	155
Наталья Пейсонен	157
Франция	
Олег Яковлев	158
Елена Петрова	160
ЮМОР	
Игорь Белкин	164
Алексей Березин (США)	168
Михаил Левин (Германия)	170
Анна Людвиг (Германия)	173
Семён Островский (США)	178

ПОД НЕБОМ ЕДИНЫМ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ МИРОВОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ

5/2011

Корректор *Ю. Б. Гомулина*
Верстка *Е. В. Минина*
Дизайн *Е. О. Шварева*
Художник *Екатерина Посецельская*

Подписано в печать 23.09.2011. Формат 70 x 90 ¹/₁₆
Гарнитура Ньютон. Печ. л. 12

Отпечатано издательством «Геликон Плюс»
Санкт-Петербург, ВО, 1-я линия, дом 28
<http://www.heliconplus.ru>